

Алекс Хай

В интересах государства. Аудиториум, часть 2

Глава 1

Я внимательнее присмотрелся к противнику и припомнил фотографии старших Денисовых в новостных сводках. Та парочка завсегдатаев кабаре и клубов была явно постарше и уже точно закончила обучение. Значит, этот... средний?

— Сколько ж вас расплодилось? — проворчал я и закатал рукава куртки. — Ты хоть который из Денисовых?

— Виктор, — оскалился студент. Судя по шеврону с римской цифрой III, этот оказался третьекурсником. Уже серьезно. Не новичок. — Я третий по старшинству. Костя — четвертый. А младших обижать нехорошо, ваше сиятельство.

— Младшим не мешало бы сперва выучить манеры, — огрызнулся я.

— Да и у вас, Михаил Николаевич, тоже явные пробелы в воспитании. Ничего, сейчас мы это исправим. После публичной порки вы точно осознаете свое место.

Я широко улыбнулся.

— Рискни здоровьем, Витя. Давай. У меня сегодня как раз дурное настроение.

Прозвучал первый короткий свисток и крик девушки:

— Тридцать секунд на подготовку!

Не теряя времени, я окутал себя плотной пеленой “Берегини”, повесил “Шлем” и сконцентрировал силу в левой ладони, чтобы выставить “Покров” в случае атаки противника. В правую ладонь собрал боевую мощь, способную за секунду превратиться в “Колобок” или “Косу”.

Денисов тоже не тратил время попусту. Доведенными до автоматизма движениями он активировал все защиты и встал красной линией барьера, пружиня на чуть согнутых ногах, словно готовился к прыжку.

Второй свисток.

— Противники, готоооооовсь! — прозвенел голос девушки-распорядительницы.

Третий.

— Время пошло! В бой!

Денисов моментально поднял силовой барьер — высотой пару метров и шириной примерно полтора — создал себе укрытие, чтобы отстреливаться исподтишка, зараза такая. Пока он выращивал “Покров”, я прыжком сместился в сторону, ушел в кувырок и оказался в тылу противника.

Виктор огляделся, заметил меня и попытался поднять еще один барьер — с противоположной стороны.

Но не успел. Я отправил “Колобок” напрямик ему в руки, чтобы сбить создание заклинания. Шарик оказался небольшим и должен был стать скорее отвлекающим маневром. Получилось. “Колобок” влетел напрямик ему в ладони и ярко вспыхнул. Денисов чертыхнулся, встряхнул руками — охваченные рубиновым сиянием его “Берегини”, они не пострадали.

И вместо того, чтобы снова попытаться возвести “Покров”, он на этот раз зарядил в меня “Жар-птицей” — огненной кометой пятого ранга с алым хвостом. Так себе выбор — пиромантские заклинания не отличались высокой точностью. Огненный вихрь метнулся в мою сторону с шипением — мокрый снег шкварчал, попадая на раскаленную поверхность заклинания. Я увернулся, но в тот момент, когда “Жар-птица” оказалась на одной со мной линии, вихрь взорвался тысячей алых искр.

— Ааа, черт!

Студент расхохотался.

— Что, понравилось?

Я припал к земле, не ожидая такой подлянки от простого огненного шарика. Не знаю, как Денисов это сделал, но “Жар-птица” оказалась разрывной. Меня окатило снопом искр, ослепило на несколько секунд, и я почти не

глядя окружил себя “Покровом”.

И вовремя — в этот момент в меня полетело несколько “Колобков”. И, судя по их цвету, они были усилены каким-то артефактом или другим неизвестным мне заклинанием, потому как след за ними был ярко-голубым.

А этот парень явно был настроен серьезно.

Один шар ушел в молоко и исчез в стенах барьера Полигона. Еще два врезались в мой “Покров”, и к моему удивлению барьер моментально рассыпался.

— Что за...

Но у меня не было времени удивляться тому, как “Покров”, сотканный из чистой родовой силы, мог разрушиться всего от двух заклинаний пятого ранга. Удивляло другое — никто из наблюдателей не запротестовал.

Правила изменились?

Значит, второе испытание не предполагало мою победу? Эти студенты спокойно пользовались заклинаниями, которые абитуриенты не разучивали. А раз так, от меня требовалось просто выстоять?

Или Аудиториум передумал принимать меня в свои стены с распростертыми объятиями?

— Лови, Соколов!

Денисов отправил в меня две “Жар-птицы” разом. Одна взорвалась, не долетев всего пару метров, а вот вторая шарахнула аккуратно над моей головой — хорошо хоть, что спел пригнуться.

— Ну ссука...

Ну уж нет. Тут личное. Просто выстоять против озлобленного Денисова — это слишком мелко. Ни Аудиториум, ни этот любитель кровной мести, моего унижения не увидят.

Я ощутил азарт битвы. Кровь кипела и пузырилась, как свежая кока-кола. Каждая клеточка кожи зудела от нереализованного потенциала силы, а у меня даже не было времени задуматься, почему.

Сила сама хотела выйти наружу, словно Род настаивал на полноценной драке. Неужели предкам захотелось проявить воинственность к другому роду? Может в прежние времена между нами с Денисовыми были распри?

— Что, Соколов, удивлен? — скалился Денисов из-за рубиновой завесы. — Как тебе мои огоньки?

Я не ответил.

Сконцентрировал в обеих ладонях чистой родовой силой и направил ее на “Покров” вражины. Мощь источника вырвалась из ладоней, обожгла кожу и смела барьер Денисова, заставив того по-девичьи взвизгнуть от неожиданности. А еще это было больно. Уж я-то знал, насколько.

— Удивлен? — хохотнул я в ответ.

Он вскинул руки, пытаясь сотворить что-то, чего я не понял.

Вместо того, чтобы снова шарахнуть в сторону, я остался на месте, зачерпнул еще одну горсть из разрушающего потока силы и отправил в Денисова сразу пять мелких, но опасных “Кос”. Словно молодые месяцы, они клином врезались в противника, заставив его отбиваться, как будто его атаковала стая ворон. Что бы он ни колдовал, он делал это слишком медленно — “Косы” нашли цель.

Это дало мне несколько драгоценных секунд, и я, усилив “Берегиню”, подобрался ближе. Денисов заметил меня и, погасив последнюю “Косу”, отскочил назад.

— Что ты... Из чего...

Я увидел в его глазах страх. И возликовал.

— Получи, урод! — рывкнул он, и его спина неестественно выгнулась назад, а руки ушли вперед, словно тело противника скрутило спазмом. Меня тут же сбило с ног мощным невидимым потоком силы. Что это за заклинание, мать вашу?

“Берегиня” отпружинила, и я быстро поднялся на ноги.

Но только для того, чтобы увидеть, как передо мной вырос огромный земляной вал. Почва вздыбилась, из недр земли доносился низкий рокот, словно сами камни ломали земные слои и вырывались наружу.

— Твою мать, — только и успел прошептать я и дернулся в сторону, стараясь уйти с пути этого чудовищного земляного месива, что несло прямо на меня.

Но не успел отскочить полностью. Меня окатило комьями земли, камнями, какими-то острыми осколками. Глаза залепило вязкой глиной, а в ушах стоял гул и грохот. А в десятке шагов от меня безумно хохотал мой враг.

— Денисов! — раздалось откуда-то издалека. — Предупреждение! Снизьте ранг до пятого!

Ну наконец-то спохватились. Вовремя, блин.

Отплевываясь песком и землей, я кое-как выбрался из завала. Интересно, сколько времени у нас осталось до

конца поединка? Зато теперь я начал понимать, как много мог сделать хорошо обученный боевик даже скромного ранга. Сила Денисова могла даже местами уступать моей, но он знал и умел гораздо больше. И это было его преимуществом. Увы, сейчас почти непреодолимым.

Впрочем, практика показывала, что многие боевики были откровенно слабы в ментальном плане.

Значит, сделаем пару предупредительных выстрелов. Прямо ему в башку.

Стоны земли утихли, и я, обновив “Берегиню”, забрался за земляной вал, используя его как укрытие. Денисов вразвалочку направлялся в мою сторону, но его ноги вязли в грязи и глине.

Я сконцентрировался. На секунду прикрыл глаза и потянулся к источнику. Вот он, ментальный поток. Яркий, искрящийся — прекрасное зрелище, кабы было время им любоваться. Потянувшись к потоку, я сплел струйку ментальной с тонкой ниткой боевой силы, связал их вместе, скомкал в клубок...

И отправил прямо в голову Денисову, дотянувшись до его разума. Требовалось сперва сбить его защиту, а так было надежнее. По крайней мере, мне уж точно привычнее.

— Получи, болван, — сказал я, отправив разрушительный комок.

Вражина скорчился и взвыл от боли, обхватив голову обеими руками. Я ударил снова, не снимая защиту слой за слоем, как требовало мягкое исполнение, а просто проламывая его “Шлем”, выдирая его кусок за куском. Буквально вытаскивал силу из его головы, выщипывал из крови, выжигал.

— Ааааааааа! — орал студент, и эти вопли сейчас были для меня самой сладкой музыкой.

— Говно у тебя защита, — шепнул я и не удержался от улыбки.

Теперь он был моим. Полностью. Его обнаженное сознание — такое податливое и беззащитное, предстало передо мной, словно накрытый множеством яств стол. Бери что хочешь и делай что хочешь.

И я не просто не удержался от соблазна. Я, черт возьми, разошелся на всю катушку.

Послав ментальный приказ и усилив его своей волей, я уселся на вершине земляной кучи и наблюдал, как Виктор Денисов, гроза третьего курса и явно неспроста поставленный против меня боевик, расстегивал мундир пуговица за пуговицей. Сняв куртку, он бросил ее на землю, затем расстегнул рубашку, избавился от ремня, ботинок и исподнего...

И предстал перед наблюдателями в костюме Адама сразу после сотворения.

“А теперь крууугом!” — скомандовал я. — “Подойди к наблюдателям и покажи, как хорошо ты умеешь плясать цыганочку с выходом”.

Денисов послушно помчался к трибуне, на которой восседали наблюдатели. Сопровождая неумелую народную пляску гиканьем и фальшивым напеванием мотива, он принялся выплясывать перед пораженными преподавателями. До моих ушей донеслись возмущенные крики, оханье, кто-то закричал.

— Пятнадцать секунд! — испуганно крикнула девушка со свистком, явно не ожидавшая такого завершения поединка.

А теперь самое главное.

Пусть осознает.

Женщины продолжали возмущенно кричать. Денисов крутился в пляске, трясая достоинством, а я спокойно отряхнулся и направился к выходу с Полигона. Лишь остановившись возле своей жертвы, я сжалился.

“Остановись. Замерзнешь”.

Я вышел из разума Денисова и полностью отпустил его волю, вернув боевику контроль над собственной головой.

Все заняло несколько секунд, и в этот момент прозвучал звук свистка, оповещавший об окончании поединка.

— Хороший финал, — расплылся я в улыбке, наблюдая за тем, как к Денисову понемногу возвращался разум, а вместе с ним осознание собственного положения. — Мне понравилось. Еще раз посмеешь мне угрожать, убью.

Денисов растерянно хлопал светлыми ресницами, хотя его глаз почти нельзя было разглядеть под слоем грязи, что покрывала и противника, и меня.

Поежившись от холода, он бросил взгляд вниз, прикрыл ладонями хозяйство.

— Сука!

— Всегда пожалуйста, — осклабился я и повернулся к наблюдателям. — Полагаю, второе испытание я прошел.

Несколько человек сложили зонтики, которыми прикрывались от осадков, и поднялись со скамейки.

— Будем рады видеть вас на третьем испытании, Михаил Николаевич, — чуть капризно поджав губы, объявила немолодая полная дама. — Весьма экстравагантное зрелище.

Я улыбнулся еще шире.

— Что вы! Он сам!

Наблюдатели прошли к выходу — очевидно, на перекур, а я обернулся в сторону Денисова. Победенный боевик возился с грязной и мокрой одеждой, пытаюсь как можно быстрее одеться. Даде пытался робко спрятать бледные тела за земляным валом, который сам же и поднял.

“Ты за это заплатишь”, — прошипел он в моей голове, поймав мой взгляд.

“Скажи спасибо, что твой позор не увидел весь Аудиториум. Сунешься ко мне снова — побегаешь по футбольному стадиону во время матча”.

“Теперь я мечтаю, чтобы ты все же поступил, Соколов. Берегись”.

“Ты осторожнее с угрозами. Я ж теперь не засну”.

Как страшно-то, с ума сойти. Знал бы он, сколько раз меня пыталась пугать шпана на районе. И ничего, как-то выжил. Впрочем, я все еще был не против втащить Денисову не магией, а старыми добрыми кулаками.

Но и так слегка перешел черту. Устраивать мордобой сейчас было неуместно.

— Михаил Николаевич! — позвала меня вконец озябшая глазастая девица. — Подойдите, пожалуйста. Ваше сиятельство.

Я направился к ней, на ходу безуспешно пытаюсь оттереть костюм от грязи. Черта с два. Тут не просто нужно было стирать, а сперва отдраивать от песка и глины. Ну да ладно. Главное — не запачкать заднее сидение автомобиля Матильды — этого баронесса мне точно не простит.

— Нужно оформить документы, ваше сиятельство, — сказала девушка-распорядитель, скользнув по мне печальным и уставшим взглядом. — Сейчас я провожу вас в кабинет, где внесут все надлежащие записи. После этого вы сможете пройти к выходу. На этом сегодняшняя процедура будет закончена.

Я с сомнением оглядел свою куртку.

— Ничего, что я... замарался?

— К такому там привыкли, — пожала плечами распорядительница. — Благодать, если занимаешься ею серьезно — грязное дело, что бы на этот счет ни рассказывали в светских салонах.

Мы вышли с Полигона, и на меня уставились девять пар глаз остальных абитуриентов из нашей группы. Сплюнув застрявший во рту кусок травы, я улыбнулся им и поднял палец вверх.

— Удачи, ребят. Там весело.

За спиной у меня тут же принялись шептаться, но бой с Денисовым слишком меня вымотал, чтобы прислушиваться к этой болтовне. Девица повела меня по извилистым асфальтированным дорожкам между корпусами и клумбами.

Дворики и площадки кишели студентами, взволнованными абитуриентами и усталыми преподавателями. Видимо, пора вступительных испытаний ложилась крайне тяжелым бременем на Аудиториум.

— Ко мне применяют какие-нибудь санкции за... За шалость, что я устроил? — Спросил я, поравнявшись с распорядительницей.

Девушка внимательно на меня взглянула и поежилась от ветра.

— Нет, ваше сиятельство. При всей эпатажности вашей выходки правил вы не нарушили. Скажу больше: господин Денисов первым вывел поединок на более сложный уровень. Некоторые из наших наблюдателей — преподаватели старой закалки и провели молодость в боях. Поэтому для них принцип “око за око” и “сила равна примененной силе” не пустой звук. По этой причине бой не остановили.

— Но почему когда я взял под контроль Денисова...

— Это не запрещенный прием. К тому же ваше воздействие было столь грубым, что это и заклинанием назвать нельзя. Технически вы просто подавили его своей силой.

— Вот как... — отозвался я. — Интересно. Однако правила, по которым я готовился, были другими.

— У вас и сила другая, ваше сиятельство, — впервые улыбнулась девушка. — Вас нельзя измерять общим лекалом. Потому что противник и условия боя вам достались... Скажем так, уже студенческого уровня.

Понятненько. За все хорошее, Миха, нужно платить. Обрел большое могущество — получи и соответствующее испытание. Что ж, значит, с остальными кандидатами в студенты в поединке обойдутся помягче.

Впрочем, оттого было гораздо приятнее чувствовать себя победителем. А еще это доказало, что в Аудиториуме меня воспринимали всерьез. Осталось выяснить, что еще они задумали относительно меня.

Мы подошли к выкрашенной серой краской двери под маленьким козырьком-домиком. На табличке красовалась скромная надпись “12-П”, и девушка остановилась перед входом.

— Нам сюда, ваше сиятельство. Прошу.

Потянув массивную стальную ручку, распорядительница пропустила меня вперед. Я еще удивился — привык первыми пускать девушек, но эта даже не дала мне возможности проявить вежливость.

Я вошел в полутемный тамбур и едва не споткнулся о ступеньку.

— Осторожно, ваше сиятельство, — предупредила распорядительница. — Там их пять.

Дверь за ней закрылась, помещение погрузилось в полумрак, и я услышал ее поверхностное дыхание за спиной.

А в следующий момент что-то укололо меня в шею, на пару пальцев ниже затылка.

— Ой.

Я резко обернулся, но понял, что сделал это зря. Перед глазами все поплыло, а по телу мгновенно разлилась невыносимая тяжесть. Веки сами по себе начали смыкаться, а руках почти не осталось силы. Пришлось почти на ощупь нащарить руками хоть какую-то опору. Ухватившись за какую-то трубу, я медленно сполз по стене.

И последним, что увидел перед тем, как провалился во тьму, была маленькая иголка в руках девушки.

Глава 2

Тьма отступила быстро, но размыкать веки мне не хотелось. Уставший от выброса большого объема силы организм отказывался возвращать меня в злой и жестокий мир, настойчиво требовал отдыха и расслабления.

Место укола слегка горело маленькой точкой на затылке, но боли почти не причиняло. Скорее просто раздражало.

И куда сильнее меня злило то, что я так легко подставился под удар. Твою мать, стоило просто на минуту потерять бдительность — и по закону подлости именно в этот момент случилось очередное дерьмо. Может хоть один день в этом клятом Аудиториуме пройти нормально?

Но силы понемногу возвращались. А это означало, что можно было попробовать выбраться из очередной переделки. Осторожно, один за другим, я все же заставил себя открыть глаза.

Надо мной склонилась та самая девушка с глазами лани. Все в том же вымокшем от мокрого снега мундире, и даже свисток не отцепила. Выходит, я пробыл в бессознании не так уж и долго.

— Что вы со мной сделали? — прохрипел я, почувствовав, что по горлу словно провели наждаком. — И зачем?

Девушка слегка улыбку и отступила от меня на шаг. Судя по движению ее руки, она проверяла мое состояние.

— Вы в безопасности, ваше сиятельство, — сказала она. — От лица всего Аудиториума Магико прошу прощения за то, что пришлось временно вывести вас из строя. Клянусь, артефакт был безвреден. Однако следовало доставить вас сюда без лишнего шума и привлечения внимания других абитуриентов.

Она подала мне маленькую пластиковую бутылочку с бесцветной жидкостью, и я с опаской покосился на подношение.

— Это просто вода. Чистая и негазированная минералка. Слово дворянки, — поклялась распорядительница.

Я взял бутылку — в горле ужасно пересохло, но пить я пока не рисковал. А вместо этого внимательно огляделся.

Помещение было очень похоже на класс — с двухместными деревянными партами под наклоном, какие изредка встречались в старых деревенских школах в моем мире. Только эти сияли свежим лаком и выглядели новенькими. Позади учительского стола на стене висела большая темно-зеленая доска и корзинка с мелом и тряпками.

Свободное пространство на стенах занимали плакаты и портреты с какими-то непонятными формулами — таких условных обозначений и единиц измерения я не знал. Возможно, что-то связанное с Благодатью.

У выхода стояли двое охранников с невозмутимыми лицами и нашивками с гербом Аудиториума. У каждого на поясе висело по Оку, а на шевронах красовались обозначения рангов — VII и VIII. Значит, внутренняя служба. И я наверняка все еще был на Полигоне.

Но, что интереснее всего, я оказался здесь не единственным абитуриентом.

Как раз в этот момент начали просыпаться и другие. Всего здесь нас было пятеро. И из всех них я узнал только одного. Точнее, одну. Остальных видел лишь мельком в очереди.

— Ирэн? — я попробовал выбраться из-за парты и подойти к девушке, которая едва начала приходить в

чувство. Получилось не сразу — ноги словно одеревенели.

Распорядительница не протестовала. Ирэн сонно застонала, дернула головой, и под высоким хвостом я увидел след от маленького укола на ее затылке. Ага. Значит, тоже угостили иголкой.

— Зачем мы здесь? — снова спросил я у распорядительницы.

— Боюсь, вы стали участниками внутреннего разбирательства. Это касается нарушений правил вступительных испытаний. Сейчас остальные абитуриенты придут в себя, и я все вам разъясню.

Ирэн тем временем окончательно очухалась и озиралась по сторонам со смесью испуга и непонимания. Распорядительница провела над ее головой рукой, убедилась в том, что состояние Ирэн было в норме, и тоже подала ей бутылку воды. Подруга, как и я, к бутылке не притронулась.

Так один за другим пришли в себя все. В классе тут же поднялся возмущенный галдеж.

— Что происходит? — воскликнула крашеная блондинка и взмахнула руками, отчего множество браслетов на ее руках зазвенели. — Кто вы?

Двое парней молча переглянулись — очевидно, были знакомы друг с другом. Я припомнил, что уже видел одного из них среди зазомбированных абитуриентов. Кажется, один из сыновей графа Корсакова. Хотя мог и напутать.

Блондинка расшумелась. То ли от страха, то ли от нервозности, она продолжала выкрикивать вопросы.

— Я требую объяснений! — визжала она. — По какому праву вы нас удерживаете?

Распорядительница взяла длинную деревянную указку и постучала по учительскому столу, привлекая к себе внимание.

— Прошу тишины, юные господа, — не терпящим возражения тоном приказала она.

Я хмыкнул. Глаза лани, лицо невинное, а вот голос у нее был стальной. И сейчас она показалась мне немного старше, чем подумалось поначалу.

Распорядительница выступила вперед, постукивая указкой по ладони.

— Мое имя — Юлия Ивановна Адлерберг. Я старший куратор по вопросам внутреннего распорядка Аудиториума Магико, — представилась распорядительница. — Еще раз приношу извинения за небольшие неудобства, связанные с доставкой вас на разбирательства, однако вопрос не терпит отлагательства.

— Как вы посмели? — крикнула блондинка. — Вы хоть знаете, кто я? Вам известно, кто мой отец?

— Разумеется, нам это известно, Анна Евдокимовна. И, полагаю, вашему отцу станет крайне неловко, если ваша вина будет доказана.

— Какая еще вина? — с вызовом воскликнула девица.

Кураторша окинула нас внимательным взглядом, и мне показалось, что она нас просвечивала.

— Из надежных источников до нас дошли сведения, что один из вас применил запрещенный правилами стимулятор винамий, дабы увеличить шансы на прохождение Второго испытания. Каждый из вас оказался здесь неспроста: наблюдатели заметили аномальные всплески силы, которые вы проявили во время поединков. Эти всплески не были характерны для вашего обычного фона.

Парни переглянулись.

— Ерунда какая-то, — сказал один из них — очень коротко стриженный юноша, косивший на один глаз. — Мы знаем, какие санкции применяются за винамий. Зачем нам это?

Адлерберг кисло улыбнулась.

— Предлагаю виновнику самому об этом рассказать. Аудиториум может пойти на крайние меры и подвергнуть вас процедуре ментального исследования памяти. С позволения ваших опекунов, разумеется. И все же, поскольку данная процедура является несколько болезненной... нам бы не хотелось жертвовать здоровьем невинных.

Ирэн тихо застонала, приложив ладонь к виску.

“Голова болит?” — спросил ее я ментально.

“Ужасно... Наверное, как с похмелья. Если бы я пила”.

Подруга сгорбилась над партой, а затем, не выдержав приступа накатившей мигрени, просто улеглась виском на наклонную поверхность доски. Что-то ей было совсем нехорошо. Редко я видел ее в таком состоянии. Выглядела Ирэн и правда так, словно страдала от жуткого похмелья. Впрочем, кто знает, сколько силы ей пришлось потратить во время поединка.

“Ты справилась с испытанием?”

“Да”.

Уже хорошо.

Тем временем Адлерберг продолжила:

— Аудиториум вынужден поставить перед вами ряд условий. Виновный может прямо сейчас сознаться в содеянном, и в таком случае разбирательство продолжится в индивидуальном порядке.

— А если никто не сознается? — протонала Ирэн.

— В случае, если никто из вас не сознается, ваше участие во вступительных испытаниях будет приостановлено до получения согласия ваших родственников на процедуру исследования памяти. Если же ваши родственники не согласятся на оную, Аудиториум будет считать вас виновными и снимет с испытаний без права поступления в дальнейшем.

— Значит, все пострадают из-за одного болвана, решившего перехитрить Аудиториум? — возмутился Корсаков.

Адленберг холодно улыбнулась.

— Таковы правила, и вы согласились с ними, подав документы на поступление. Если же вам что-то известно об абитуриенте, применившем стимулятор, вы можете передать эту информацию мне ментальным способом. В награду за лояльность к Аудиториуму и помощь в расследовании мы освободим вас от прохождения Третьего испытания и автоматически зачислим на первый курс. Этот шаг согласован с администрацией, поскольку все вы успешно прошли Второе испытание. Если вы поможете нам, мы не останемся в долгу.

Я напряженно сопел, соображая, что делать. В себе я был уверен — ни на какие стимуляторы у меня бы попросту не хватило денег. Да, меня могли причислить к подозреваемым из-за того мощного потока родовой силы, что я выдал, вскрывая башку Денисову.

Дурак я. Действовал грубо, но не подумал о том, что это могло вызвать подозрения и вопросы. А мне было совсем нельзя прокалываться на поступлении. Нужно было обязательно пройти в этом году. А отсрочка, связанная с проверкой и прочими ментальными разборками Аудиториума, могла занять длительное время. И сроки для поступления могут уже пройти.

Нет, нельзя пропускать год. Слишком многое от этого зависит.

Парни снова переглянулись.

— Проверьте нас хоть сейчас, — сказал второй. — Моя семья даст согласие.

— Увы, это не вам решать, Владимир Петрович. Мы не можем подвергнуть вас столь неприятной процедуре без согласия вашего рода.

Ага, а когда вы массово стирали память всем после инцидента, это вас как-то не остановило! Святоши хреновы. Скольких тогда прогнали через ментальную мясорубку только для того, чтобы скрыть косяк с Радамантом? Десятки? Сотню?

Или Аудиториум почуял пристальное внимание ищеек Корфа и теперь не допускает ни единого момента, за который могло бы зацепиться Тайное отделение? Что ж, умно.

Но мне от этого не легче.

— Я тоже готов пройти испытание немедленно, — сказал я, поднявшись из-за парты. — Мне скрывать нечего.

Ну, это я, конечно, перегнул. Но в данной ситуации и правда был чист как стеклышко.

Адлерберг удовлетворенно кивнула.

— Боюсь, Михаил Николаевич, для вас мой ответ будет таким же. Никаких процедур без согласия старших. И уж тем более мне бы не хотелось портить отношения с вашим Родом, — она позволила себе многозначительную улыбку, подчеркнув природу моей силы. — Господа, мы оставим вас на десять минут и дадим время подумать. И мы крайне высоко оценим силу духа виновника, если он сознается, а также здравомыслие тех, кто поделится с нами информацией. Аудиториум умеет благодарить, и вы еще не раз в этом убедитесь.

Договорив, девушка с глазами лани положила указку на стол и, махнув рукой охране, вышла. Вслед за ней класс покинули и двое боевиков, которых сюда приставили явно для острастки. Не станет сейчас Аудиториум совершать глупости. Слишком много внимания приковано к тому, что здесь происходит.

А вот кто оказался идиотом и применил стимулятор, выяснить было бы весьма интересно и полезно. Как минимум потому, что за такой идиотизм нужно расплачиваться.

Парни тут же принялись перешептываться и то и дело косились на меня. Ну конечно, кто ж еще, как не Соколов с перечеркнутым гербом, мог быть кандидатом на применение стимулятора? Беднягам-то было невдомек, что я вообще не использовал Благодать. Хотя, не зная моей особенности, на меня и правда можно было подумать... Наследник опального рода как-никак.

— Соколов, а это точно не ты? — спросила блондинка, обернувшись ко мне. — Слишком уж внезапно ты появился на пороге Аудиториума... О тебе разные слухи ходят.

— Например? — угрюмо отозвался я.

— Все никак не могут взять в толк, откуда у потомка рода без Осколка взялась сила? Может твой отец продал те ваши земли, как раз чтобы обеспечить тебя вином? Как раз хватило бы на пару доз...

— Я смотрю, вы отлично осведомлены о делах моей семьи, Анна Евдокимовна.

Девушка театрально вздохнула.

— Конечно, голубчик. Ведь мой отец курирует земельные вопросы в губернии.

Ага. Значит, Гордеева. Ее отец и правда ведал земельными реестрами в городской Думе. А род у нее знатный и весьма-весьма обеспеченный.

— Так что? — не отставала от меня Гордеева. — Может сознаешься? Тебе все равно не место среди таких, как мы.

О, идеальная пара для Денисова сыскалась. Эх, натерплюсь я еще горя из-за своего герба...

— Среди столь безвкусно одетых истеричек? — внезапно заступилась за меня Ирэн. — Думаю, Михаил Николаевич мало потеряет от отсутствия твоего общества. Аннушка, говори на два тона тише, пожалуйста. У тебя ужасно визгливый голос.

Гордеева задыхалась от возмущения, а Ирэн как ни в чем не бывало снова приложила виском к парте.

“Ты бы не портила отношения со сверстниками”, — посоветовал я.

“Плевать. Уже — плевать”.

“Не понял?”

Ирэн не ответила. Я увидел, как она закрыла глаза, а ее лицо исказилось гримасой боли. Видимо, опять спазм накатил.

“Ты точно в порядке?”

“Нет. Но буду. Тошнит ужасно”.

Я снова уставился на троицу ребят, о которых толком ничего не знал. Каждый из них мог оказаться виновником.

Теоретически, я мог попробовать влезть кому-нибудь из них в голову и поискать воспоминания о применении стимуляторов. И наверняка у меня бы это даже получилось довольно мягко благодаря способности сплетать ментальный и целебный потоки силы. Но это было рискованно: все же работа с памятью была запрещена абитуриентам, по крайней мере в стенах Полигона.

Но даже если бы у меня это получилось, передо мной стояла моральная дилемма.

С одной стороны, сдав истинного виновника, я бы избавил от кучи неудобств ребят, которые играли честно, завоевали победу своими силами и не заслужили коллективного наказания.

С другой — все это стало бы стукачеством. Хотя с чего бы мне о них беспокоиться? Если я вытащу нас с Иркой отсюда, какая разница, как?

— Значит, никто не собирается сознаваться? — Корсаков встал, обвел всех нас внимательным взглядом. — Уходим на дальнейшие разбирательства?

— Мне бы этого не хотелось, — честно признался я.

— Мне бы тоже, — согласился приятель Корсакова.

Гордеева продолжала метать на нас с Ирэн полные ненависти взгляды.

— Анна Евдокимовна, вам есть что сказать? — спросил я.

— Лишь то, что я трачу драгоценное время в этом зале! Ничего я не принимала. Узнай об этом мой отец, он бы отсек меня от рода за то, что его опозорила!

Я развалился на парте и ментально дотянулся до Ирэн.

“Ничего не понимаю. Как их расколоть или спровоцировать признаться? Может подашь идею?”

Ирэн вздрогнула.

“Они ничего тебе не скажут. Потому что не смогут признаться”.

“В смысле?” — не понял я.

“Это я, Михаил. Это я приняла стимуляторы”.

“Да что ты такое говоришь? Ты же ни разу даже не заикалась об этом. Да и зачем тебе?”

“Еще бы я начала о таком болтать!” — воскликнула девушка у меня в голове. — “Конечно, сделала все втайне”.

Я пялился на нее, не веря услышанному.

“Ир, ты бы и так выстояла. Зачем?”

“Испугалась. Боялась, что не пройду. Не хотела подвести семью...”

Так вот почему ее так развезло. Стимуляторы, если я правильно понимал их работу, активировали внутренние резервы на краткое время, но расплачиваться за это преимущество приходилось и здоровьем, и отходняками.

Ирэн осторожно повернула голову в мою сторону и уставилась мне в глаза.

“Дура!” — не выдержав, закричал я ей в голову, и она болезненно поморщилась.

“Знаю. Я старалась сделать все незаметно. Думала, смогла перехитрить... Прости. Прости, что разочаровала тебя, да еще и втянула во все это”.

Твою же мать! Что мне было теперь делать? Сдать Ирку, чтобы самому зачислиться в Аудитриум без Третьего испытания? Или сейчас промолчать, получить отсрочку и попробовать стереть ей память, чтобы аудиториумцы не смогли ее вычислить?

И смогу ли я стереть ей память так, чтобы не повредить и без того ее многострадальную голову? Все-таки манипуляция была опасная, а превращать ее во вторую Матильду я бы ни за что не хотел. Или дернуть Пистолетыча, чтобы он подсказал решение?

Черт. Черт! Черт!!!

Но если мы уйдем на разбирательства и проверку памяти, наверняка выйдем за все сроки. Группы укомплектуют, и нас скорее отправят доставать вступительные на следующий год. Не знаю, как у них это было заведено. Рискованно... Мне нельзя было пропускать этот год. Все слишком завертелось.

Двери класса отворились, и следом за охранниками вошла Адлерберг.

— Господа, вы готовы поделиться со мной информацией? — спросила она и почему-то задержала взгляд на мне.

Глава 3

С большим усилием я сохранил невозмутимое выражение лица. Адлерберг снова взялась за указку и принялась тихо постукивать ею по краю стола. Звук ужасно раздражал, но мне показалось, что она делала это специально для того, чтобы еще больше нас нервировать.

Впрочем, она могла особо и не стараться: все в классе были взвинчены до предела. Никто не хотел уходить на дополнительное разбирательство и ставить под угрозу собственное поступление.

— Итак, господа? — повторила Адлерберг. — Кто готов?

Я сверлил глазами затылок Ирэн. словно почувствовав мой взгляд, она обернулась и взглянула на меня с мольбой.

“Миша, не говори им. Пожалуйста!”

“Они все равно наверняка тебя вычислят”, — ответил я. — “Не может же такого быть, чтобы они не смогли уловить следы этого стимулятора. Для этого не обязательно ломать память. Может в крови обнаружат. Или вызовут психометриста и изучат вещи, которыми мы пользовались... Бог знает, что у них еще на вооружении!”

“Мне просто нужно сегодня выбраться отсюда. Мне нужно время. Отсрочка. Я ведь не стала бы рисковать, принимая стимулятор, не продумав план, как замести следы. И уж если я смогла достать винамий, поверь, учла и то, как избавиться от его эффектов. Просто помоги мне выйти отсюда и не выдавай”.

Мне все это не нравилось. И уж тем более это было так не похоже на Ирку. Нет, в том, что она могла исхитриться и достать винамий, я не сомневался — через верных слуг или путем ментального манипулирования кем-то из простых смертных. Так что теоретически это было возможно. Деньги она могла накопить или продать что-то из драгоценностей — этого у нее было навалом. Заставить кого-нибудь купить винамий было сложнее — нужно иметь подвязки, знать людей... Тем не менее, Ирэн все-таки могла его добыть.

Интересно, знала ли об этом Матильда? И что она сделает с Ирэн, если правда откроется?

А вот в то, что девчонка струхнула перед поединком, мне верилось с трудом. Нет, я знал, что Ирка переживала до ужаса — ведь мы готовились вместе, и я за ней наблюдал. Но не мог я представить, что она настолько не верила в свои силы, чтобы пойти на такое безумство. Слишком хорошо была натренирована, отлично знала правила, да и риски осознавала.

Что-то не складывалось во всем этом. Вроде и гладко шито — а не вырисовывается картинка.

“Что ты надумала?” — осторожно спросил я.

“У меня есть сильный менталист, который не будет болтать. Он сможет вычистить мне память и внедрить другие воспоминания в пробелы”.

“Это тоже не очень-то и законно в мирное время”.

“Другого варианта у меня нет. Миша, помоги! Я ведь доверяю тебе. Даже Матильда не знает...”

— Господа, боюсь, это последнее предупреждение, — тихо сказала Юлия Ивановна. — Если сейчас ничего не прояснится, придется перевести внутреннее разбирательство в формат официального. Нам бы не хотелось марать ваши имена возможной причастностью к скандалу.

Гордеева, Корсаков и третий парень обменялись пристальными взглядами, затем все отчего-то уставились на меня, но я не отреагировал. Ирку они словно не заметили, хотя на их месте я бы как раз с подозрением отнесся к ее состоянию. Винамий выдавал побочку, и это сейчас было очевидно.

И странно, что Адлерберг словно игнорировала этот симптом.

Странно. Слишком много странностей.

Я ощутил волну тревоги — волнение нарастало из глубины груди, поднималось к глотке, и мне даже пришлось шумно вдохнуть и выдохнуть, потому что на несколько мгновений показалось, что я начал задыхаться.

Сила ворочалась и билась где-то внутри меня, словно пойманный в капкан зверь. Что она хотела мне сказать? Почему я этого не понимал?

Я потянулся к шторе, отодвинул ее и выглянул в окно.

Над небольшим внутренним двором, усаженным деревьями и какими-то раскидистыми кустами, ярко светило солнце. На небе ни облачка — хоть сейчас иди гуляй. Даже ветки не шевелились на ветру.

Быстро распогодилось, да и солнце вроде бы еще не ушло совсем далеко. Значит, я так быстро управился с испытанием и провалялся в отключке совсем недолго.

Я уже почти отпустил штору, когда заметил еще одну нестыковку. Часто так бывает, что смотришь на что-то и вроде чувствуешь, что что-то не в порядке, но не можешь понять, что именно. То же самое было и сейчас.

Земля. Земля во дворе была сухая. И ни одной лужи в ямках.

Она не могла так быстро высохнуть — чертов снегодождь шел несколько часов, и даже яркое ноябрьское солнце не смогло бы согреть почву до такой степени.

Иллюзия?

Что-то на базе “Алконоста”, только более тонко сработанное? Или какое-то другое заклинание — гораздо более мощное.

Ай красавцы, ай да умельцы. Ведь почти поверил. Теперь было бы неплохо понять, как именно работает это заклинание и ведется ли какая-нибудь параллельная работа с моей головой? Сами по себе иллюзии не вскрывали разум, а просто погружали жертву в медитативное состояние. Наверняка я сейчас лежал в какой-нибудь камерке и тихонько пускал слюни.

Спокойно, Миха. В иллюзии обязательно присутствует тот, кто ее навел. Может быть под своей личиной, укрыться чужой или и вовсе остаться “за кадром”. Но он непременно отслеживает, как я себя веду и что делаю.

Поэтому — никаких резких движений.

Я осторожно опустил штору и принял ровное положение за партой. Адлерберг прохаживалась по рядам, молча сверля глазами каждого из абитуриентов. Ее указка оказалась в опасной близости от моей головы и чуть не влезла мне в глаз. Я поморщился и отстранился, отыгрывая роль погруженного в иллюзию.

— Господа, я теряю терпение, — сказала девушка в мундире. — Вернее, почти совсем его потеряла. Признайтесь. Так будет проще для всех.

Я быстро обратился к силе, что билась в груди. Казалось, связь с источником истончилась, и мне приходилось пробиваться к нему словно через невидимую стену. Оно и понятно — иллюзия сбивала концентрацию, а концентрация влияла на способность пользоваться даром. Но у меня все же получилось провести быструю самодиагностику. Первым делом я попытался просканировать голову — влезли или нет?

Либо влезли настолько виртуозно, что я ничего не чувствовал, либо все же пожалели мой несчастный мозг.

Ладно, будем играть теми картами, что выдали.

Стараясь не глядеть на Ирэн — даже понимая, что все это было ненастоящим и смоделированным, все равно было тяжело идти на предательство — я ментально потянулся к Адлерберг.

“Юлия Ивановна”, — осторожно позвал я, и девушка с глазами лани тут же обернулась. — “Это Штофф. Я знаю, что стимулятор приняла Ирина фон Штофф. Про остальных ничего сказать не могу — не в курсе”.

“Вы уверены, ваше сиятельство? Не оговариваете ли вы человека зря?”

“Мне это доподлинно известно. Я знаю, что это она”.

“Откуда знаете?”

“Мы дружны. Она призналась”.

Адлерберг положила указку на стол.

— Все свободны. Кроме Соколова и Штофф, — распорядилась она.

Блондинку, Корсакова и третьего паренька как ветром сдуло — охрана едва успела расступиться перед ними, и Гордеева буквально вынесла собой двери.

Ирэн обернулась ко мне и раскрыла рот от удивления. Ее перекосило так, словно ее ударили. Задышавшись, она снова опустилась на скамейку у парты.

— За что? — почти рыдая, спросила она.

Но эта сцена больше меня не трогала.

— За Аудиториум, вестимо, — холодно ответил я и уставился на Адлерберг. — Чем еще могу помочь?

— Благодарю за содействие, Михаил Николаевич. Вы очень нам помогли.

Лицо Адлерберг начало словно расплываться у меня на глазах. Потекла комната — стены и плакаты смешивались в грязные разводы. Ирэн превратилась в розово-желто-черное пятно и тоже смешалась с окружающей грязью.

Уши заложило. Мир, так словно созданный вокруг меня, начал искажаться, сворачиваться и изгибаться, словно его скручивали в трубочку. И вслед за ним пришла темнота — густая, плотная. Иллюзия уменьшилась до малюсенькой точки, затем погасла, и тьма обступила меня.

А затем я открыл глаза.

— Как вас зовут? — надо мной нависла девушка с глазами лани.

Кажется, я где-то ее видел. Вроде бы она была нашей распорядительницей на Полигоне...

— С-соколов, — хрипло проговорил я. — Михаил Николаевич, сын графа Николая Владимировича Соколова. Старшая ветвь рода.

Девушка кивнула.

— Что последнее вы помните, Михаил Николаевич?

Я несколько раз моргнул и задумался. И правда... А что было последним?

— Поединок с Денисовым, — напрягшись, ответил я. — Вроде бы мы куда-то шли. Кажется, за документами...

Вроде было что-то еще, но я в упор этого не помнил. В голове крутилось какое-то воспоминание, но каждый раз, как я пытался за него ухватиться, оно ускользало от меня.

— Хорошо, Михаил Николаевич.

Девушка отошла на шаг, и я смог оглядеться.

Изысканно обставленный небольшой кабинет явно не на первом этаже — в окна заглядывали ветви деревьев. Обстановка здесь была скромная, но недешевая и подчеркнута лаконичная — кабинет явно принадлежал мужчине. Я сидел на диване у стены, а у противоположной располагался обитый темно-красным сукном массивный письменный стол с двумя креслами перед ним. Еще я увидел несколько книжных шкафов с трудами на нескольких языках.

В кабинете пахло чем-то специфическим, если не сказать медицинским. Какой-то резкий и не очень приятный запах. До меня не сразу дошло, что это был нашатырь. Я увидел склянку со снадобьем и ватку в руках у девицы.

— Как вы себя чувствуете, ваше сиятельство? — спросила девушка. — Воды?

— Да, пожалуйста.

В горле у меня и правда пересохло. Девица тем временем подошла к столу, оставила там нашатырь и налила мне стакан воды.

— Что случилось? — спросил я, безуспешно пытаюсь понять, как оказался в этом кабинете. — Где мы?

— Сейчас будем оформлять документы.

— Я отключился?

Девушка улыбнулась.

— Сейчас придет Павел Антиохович и все вам расскажет. Вам лучше узнать новости из его уст.

— Кто это?

— Павел Антиохович Зуров. Советник ректора по вопросам Вступительных испытаний. Мой руководитель.

— Вот как... И почему же он меня желает видеть?

— Прошу, потерпите, ваше сиятельство, — не пожелала раскрыть тайну девушка, но вместо этого протянула мне воду. — Павел Антиохович скоро пожалует.

Напившись, я вернул ей стакан и сверился с ощущениями. Вроде все было в норме — руки, ноги и голова

болели в тех местах, где им было положено болеть после поединка. И все-таки чего-то не хватало... Я обратился к силе Рода, потянулся к источнику, прося помощи, но...

Внезапно меня словно выкинуло из потока. Словно Род дал щелбан по носу и сказал “не лезь”.

Интересно. И весьма напрягающе... Ладно, с этим тоже разберемся, но позже.

В голове было пусто, словно я спал очень долго в неудобной позе. И шея побаливала. Но не успел я провести внутреннюю диагностику, как дверь кабинета отворилась.

На порог ступил худой и довольно высокий мужчина средних лет в мундире Аудиториума с довольно высокими знаками отличия. Я еще недостаточно разобрался в их внутренней иерархии, но уже знал, что красные полосы на “погонах” означали принадлежность к высокому начальству. У рядовых сотрудников таких не было.

— Очнулся? — коротко спросил мужчина, скользнул по мне взглядом и деловито направился к столу. — Все в порядке?

— Да, ваше превосходительство, — почтительно кивнула девушка. — Михаил Николаевич готов.

— Замечательно. Юлия Ивановна, прошу, оставьте нас с его сиятельством наедине.

Девушка бесшумно выскользнула за дверь, а советник ректора махнул мне рукой.

— Присаживайтесь сюда, Михаил Николаевич. Через весь кабинет кричать неудобно.

Я пересек помещение и уселся в кресло напротив советника.

— Я все-таки провинился? Иначе зачем я здесь?

— Как раз наоборот, ваше сиятельство, — Павел Антиохович подвинул ко мне какую-то бумагу. — Это рекомендация о вашем зачислении на первый Курс Петропольского Аудиториума Магико. Поздравляю, ваше сиятельство.

Я недоверчиво покосился на документ. И правда рекомендация. Имя и титулы мои. Дата — сегодняшняя. Да только...

— Но как же Третье испытание? — удивился я.

— Вы только что благополучно его прошли. Проверка на ментальную устойчивость была пройдена вами великолепно. У вас замечательная природная защита, что, впрочем, неудивительно с учетом вашего источника силы.

— Но я ничего не помню. Даже как оно могло начаться...

— Вы же знаете, что Третье испытание имеет свою специфику, — снисходительно улыбнулся советник ректора. — Для каждого студента оно составляется индивидуально. Однако смею вас заверить — глубоко в ваши тайны мы не лезли. Всего лишь считали поверхностный слой воспоминаний и составили на этой базе индивидуальный сценарий. В вашем случае это была затруднительная ситуация, которая позволила определить уровень вашей ментальной устойчивости и основных черт характера.

Я подался вперед и почти лег на стол.

— Но если все было так невинно, то почему тогда вы стираете воспоминания? — спросил я.

— В первую очередь, для блага наших же абитуриентов. После одного трагического случая, когда абитуриент оказался неустойчив и неуравновешен, он принял смоделированный сценарий за реальность и... Словом, наделал много глупостей, и последствия оказались печальными.

Я осторожно взял рекомендацию и еще раз пробежался глазами по тексту. Плотная бежевая бумага, орнаменты и гербы, подпись Павла Антиоховича. В тексте не было ничего интересного, но я сделал вид, что погрузился в чтение, по иной причине.

Голос этого советника ректора откуда-то был мне знаком. Я точно где-то его слышал, но в упор не мог припомнить, где именно. При этом я точно был уверен, что раньше мы не встречались и нас друг другу не представляли.

Или это были последствия испытания?

— Итак, Михаил Николаевич, если у вас остались вопросы относительно зачисления, я готов вам на них ответить. И должен отметить, что ваша персона вызвала живой интерес у сотрудников Аудиториума.

Припомните мои слова — каждая кафедра будет зазывать вас к себе.

— Быть может, у вас есть рекомендация и на этот счет? — поднял глаза я.

Павел Антиохович задумчиво побарабанил пальцами по сукну.

— Очевидное решение — боевая специализация. Вы хорошо проявили себя на этом поприще. Также стоит рассмотреть и родовую магию. С вашими-то задатками сам бог велел углубиться в изучение этого аспекта. Впрочем, из вас может выйти и толковый менталист — не менее умелый, чем Юлия Ивановна, которая

проводила ваше Третье испытание. Как бы то ни было, у вас будет возможность ознакомиться с каждой из специализаций на первых двух курсах и сделать взвешенный выбор. Скажу честно, Михаил Николаевич, у вас большой потенциал, и я буду с интересом наблюдать за вашим развитием.

— Благодарю за советы и высокую оценку, — кивнул я и уставился на собеседника. — Вопрос покажется странным, но мы с вами раньше точно не встречались?

Павел Антиохович позволил себе насмешливую улыбку.

— Как знать, ваше сиятельство, как знать.

Он поднялся из-за стола, давая мне понять, что встреча была окончена. Вставая, он задел стопку бумаг, и та разлетелась на пол. Я тут же бросился помогать советнику убирать беспорядок.

— Благодарю, ваше сиятельство, — сказал он, принимая очередной лист из моих рук. — Сегодня я непростительно неловок.

Подавая ему следующий лист, я обратил внимание на то, что одна из пуговиц его мундира — нижняя, что вечно за все цепляется — была пришита нитками другого цвета. Причем пришита кривовато, словно его горничная работала впопыхах и в полумраке перепутала цвета.

А затем меня осенило, и я медленно попятился, бросив оставшиеся бумаги на пол.

Сама собой вспыхнула “Берегиня”, а над ладонями зависли “Колобки”.

Павел Антиохович невозмутимо на меня взглянул.

— Ну наконец-то догадались, ваше сиятельство. А я уже начал было думать, что зря спасал вам жизнь.

Глава 4

Ну конечно! Голос — этот самый голос принадлежал тому человеку, что спустился к нам после аварии. Тому, кто потерял пуговицу и отправил москвича-сыскаря Васильева забрать улики и выяснить, что мы видели.

Тому, кто убил своего сообщника.

“Колобки” словно сами по себе вылетели передо мной и зависли на полпути до советника. Павел Антиохович спокойно собрал разлетевшиеся листы, сложил и ровной стопкой на столе и поднял на меня глаза.

— Погасите заклинания, Михаил Николаевич. В этом кабинете вам ничто не угрожает. Поверьте, желаю я навредить вам, просто бы не стал вмешиваться в ту операцию. У меня было много шансов от вас избавиться. Но очевидно, что раз вы еще живы, то представляете для меня ценность.

Я пятился до тех пор, пока икры не уперлись в мягкий диван, на котором я сидел всего несколько минут назад. Нервно сглотнув слюну, я усилием воли убрал “Колобки” и приглушил “Берегиню”.

— Зачем вы убили Васильева? — выпалил я, стараясь, чтобы мой голос звучал ровно. И все равно сейчас не было зазорно слегка струхнуть — все же мастер уровня Зурова наверняка мог стереть меня в порошок быстрее, чем я бы успел обратиться к родовому источнику.

Спокойно, Миха. Нужно выяснить, за каким чертом ты ему понадобился.

В комнате что-то неуловимо изменилось. Советник ректора изобразил затейливый жест, и на миг мне словно заложило уши — все фоновые звуки исчезли. Повесил купол непроницаемости. Павел Антиохович оперся обеими руками о стол и уставился на меня прямым холодным взглядом.

— Я не трогал Васильева, — сказал он. — Это сделали те, кто пытался вас убить. Мы расстались прежде, чем с ним случилась эта трагедия.

Я осторожно приблизился.

— Васильев был сотрудником Тайного отделения. Как вышло, что вы оказались вместе?

Зуров криво улыбнулся.

— Отличный вопрос. Я и сам еще недавно не смог бы представить себе подобного сценария. Скажем так, в определенный момент у нас появились общие интересы. Жаль, что он погиб. И жаль, что так глупо. Я ведь говорил ему уезжать немедленно.

— Допустим, — неохотно кивнул я. — Зачем на нас охотились и кто на нас напал?

— Затем, юноша, что ваш круг общения вызвал беспокойство у некоторых лиц. Они посчитали неправильным допускать вас в стены Аудиториума. Должен заметить, небезосновательно, — Зуров наградил меня многозначительным взглядом. — Близкие контакты с Тайным отделением в стенах этого заведения не приветствуются.

Итак, он знал о Корфе. И наверняка предполагал, что из меня собирались сделать засланного казачка. Но на кой ляд в таком случае этому Антиоховичу было спасать мою шкуру?

— Почему же вы вмешались? — спросил я.

Советник ректора взглянул на меня как на неразумное дитя.

— Потому, что Аудиториум — хоть и закрытое, но весьма разрозненное общество. Каждый здесь преследует собственные интересы, имеет различные убеждения. Но нас объединяет одно — все мы стремимся к власти, которую дает высокий пост в этой структуре. Чем выше поднимаешься, тем больше влияния имеешь. А влияние — товар, что в наши времена особенно ценен вкупе с Благодатью. Особенно в Аудиториуме, напичканном юными и неокрепшими, но крайне опасными юными людьми. Я, напротив, очень желаю видеть вас в рядах студентов нашего прекрасного учебного заведения. Поэтому и вмешался в вашу судьбу.

— Вы говорите загадками, Павел Антиохович. И пока у меня нет причин вам верить.

Мужчина снисходительно улыбнулся.

— У меня нет причин делиться информацией, что может стоить мне головы, здесь и сейчас. Это небезопасно. За вами следят, за мной следят, за теми, кто следит за мной, тоже следят. Эти очи и уши не дремлют, ваше сиятельство, и даже непроницаемый купол — не панацея. Могу сказать одно — пока вам не о чем беспокоиться, да и бояться за свою жизнь не нужно. Вопрос улажен.

— Боюсь представить, каким образом, — мрачно отозвался я.

— Тем самым, выше сиятельство. Тем самым. Влиятельные и опасные друзья есть не только у вас. Впрочем, мои друзья разделяют мой интерес к вашей персоне. Полагаю, с некоторыми из них вы уже имели счастье познакомиться.

Вот же сукин сын и хренов интриган! Каждый ответ на мой вопрос пораждал три новых загадки. Гидра, блин. Но из этого намека можно было кое-что вычлениить. Если предположить, что Васильев все же был связан с Радамантом, выходит, он и был тем самым могущественным другом Зурова.

Итак, мы имеем организованную преступную группировку, проникшую в важнейшие государственные структуры. Васильев таскал информацию из московского Тайного отделения — а ведь именно там Радамант впервые появился. Покойный дядя Андрей встретился с ним еще в Москве. А Зуров, очевидно, представлял какие-то интересы Радаманта в Аудиториуме. Эх, романовский ублюдок, глубоко же ты запустил свои руки.

Интересно, где еще были его люди? И как долго Радамант выстраивал эту схему?

— Павел Антиохович, мне нужны ответы, — терял терпение я. — Зачем я вам понадобился? Чего вы от меня ожидаете? Почему Тайное отделение так заинтересовалось Аудиториумом именно сейчас...

— Вы непременно их получите, Михаил Николаевич — оборвал меня Зуров. — В свое время. Пока что наслаждайтесь последними днями свободы, ибо следующие годы станут для вас насыщенными, но вы будете редко выбираться дальше Каменного острова. Тем не менее мы еще не раз встретимся, и, полагаю, я смогу сполна удовлетворить ваш интерес. На этом все. Вы можете идти, ваше сиятельство. Копия приказа о зачислении и дальнейшие инструкции будут направлены в ваше родовое имение через несколько дней.

Я с трудом подавил гнев. Не стоит срывать на этом мужике. В конце концов он действительно мог помочь мне разобраться в происходящем. И он был довольно прочной ниточкой, что могла привести к Радаманту.

Другой вопрос — стоило ли делиться этими сведениями с Корфом? И стоило ли мне самому лезть во все это еще глубже?

Поживем — увидим.

— В таком случае до встречи, Павел Антиохович, — я поклонился и, получив в ответ кивок, вышел из кабинета.

Посторонние звуки нахлынули на меня волной какофонического шума — так всегда бывало, когда падал непроницаемый купол или если покинуть его пределы. В первую секунду я чуть не оглох от топота ног по коридору, выкриков приказов, гомона множества голосов на улице и чириканья проклятой синицы, что долбила в стекло.

Адлерберг ждала меня, прислонившись к подоконнику.

— Примите мои поздравления, ваше сиятельство, — широко улыбнулась она. — Я провожу вас к выходу.

— Благодарю. Вы подчиняетесь Павлу Антиоховичу?

Девушка кивнула.

— Непосредственно. Я состою при его департаменте.

— И я должен благодарить именно вас за Третье испытание? Выходит, вы все же влезли мне в память.

— Отнюдь, ваше сиятельство, — покачала головой Адлерберг. — В память вам никто не лез. Мы создаем

сценарии испытаний на основе поверхностных мыслей испытуемых. Для этого не нужно ломать глубинные блоки и залезать в ваши воспоминания. Берешь то, что лежит на поверхности для правдоподобности, моделируешь ситуацию по обстоятельствам, добавляешь в иллюзию незнакомые детали... Кстати, на чем именно вы меня поймали?

— На погоде. Солнце ярко светило и луж не было.

Адлерберг выгнула бровь и усмехнулась.

— Отлично, ваше сиятельство. Похвальная наблюдательность. Должна заметить, немногим удастся раскусить иллюзии — обычно абитуриенты слишком поддаются эмоциям, и переживания застилают им глаза. Позвольте и мне задать вопрос?

— Конечно, — отозвался я и придержал дверь. Мы как раз покидали здание двухэтажного корпуса и выбирались на улицу.

— Если бы вы не поняли, что это была игра, какое решение вы бы приняли? — спросила менталистка.

— Компромиссное, — сухо ответил я.

Девушка улыбнулась еще шире, и в ее огромных глазах зарезвились черти.

— Павел Антиохович, как всегда, не ошибся.

— И что это значит?

Она не ответила. Лишь снова загадочно улыбнулась, очевидно, рассчитывая, что я должен был понять намек. Ну ясное дело, что сперва я бы попытался и овец сохранить, и волков накормить. А уж если бы такой вариант найти не удалось, стол бы действовать в своих интересах. В данном случае — так, чтобы мои действия удовлетворили Аудиториум.

И дело здесь было даже не в том, что Корф сожрал бы меня с потрохами, провали я вступительные. Аудиториум, несмотря на всю свою зловещесть, действительно мог дать мне путевку в жизнь.

Особо рассчитывать на семью мне пока что не приходилось. Ирка... Ирка была слишком юна, чтобы стать мне верной боевой подругой. Да и слишком тесное сближение с ней могло подставить ее под удар. Ведь я еще понятия не имел, какой информацией поделится Зуров. А превращать невинную девушку в мишень для Радаманта или Тайного отделения мне совершенно не хотелось.

Поэтому пока думаем в первую очередь о себе. Насколько это возможно.

Адлерберг довела меня до КПП и поклонилась на прощание.

— Буду рада увидеться с вами в стенах Аудиториума, Михаил Николаевич, — церемонно произнесла она, а затем внезапно задорно улыбнулась. — Быть может, даже непосредственно поучаствую в вашем образовании.

— Жду с нетерпением, — вежливо ответил я. — До свидания, Юлия Ивановна.

Пройдя через вахту, я выбрался на волю и наконец-то вдохнул полной грудью. Но не успел насладиться долгожданной волей, как что-то налетело на меня, едва не сбив с ног.

— Миша! Мишенька!

Вот уж кого не ожидал!

Оля — моя сестренка — бросилась мне на шею и заключила в неожиданно крепкие для ее хрупкой комплекции объятия.

— Оленька! — улыбнулся я, обнимая ее в ответ. — Вот так сюрприз. Все же приехала?

— Я же обещала, — она отстранилась и с беспокойством на меня взглянула. — Ну как? Сдал? Есть результаты?

— Прошел! Все три прошел!

Сестра издала победный клич и снова обняла меня. Потянувшись к моему уху, она прошептала:

— Здесь отец. Сообщи ему лично. Он будет очень тобой горд. И еще — они с бабушкой что-то затевают.

— В смысле?

— Не знаю. Шептались утром, я не успела толком подслушать. Что-то насчет тебя и Штоффов.

Кажется, я понимал, о чем шла речь. В таком случае у меня было две новости для старших представителей семейства — хорошая и плохая.

Оля оторвалась от меня, наспех пригладила выбившиеся из прически светлые кудряшки и взяла меня под руку.

— Идем, расскажешь отцу.

Патриарх рода Соколовых коротал время в обществе Матильды. Баронесса и отец пили кофе и о чем-то оживленно беседовали. Заметив нас с сестрой, наставница кивнула в нашу сторону.

— Здравствуй, отец, — слегка поклонился я, следуя этикету на людях. — Рад, что вы смогли вырваться.

Матильда нервно потушила сигариллу.

— Михаил, не томи. Как прошло?

— Рекомендован к зачислению, — широко улыбнулся я и поклонился наставнице. — Спасибо, Матильда Карловна. Без вашего участия это было бы невозможно.

Матильда искренне улыбнулась и раскинула руки в стороны.

— Иди сюда, обниму. Ты молодец, Михаил. Значит, сегодня вы проходили сразу два испытания?

— Да. Но я не помню, что было на третьем. Как и ожидалось.

— И черт с ним, — отмахнулась наставница и выпустила меня из объятий. — Главное — все закончилось.

— А Ирэн?

— Еще не вышла. Ждем.

Я кивнул, и в этот момент отец подозвал меня к себе.

— Михаил, пройдемся? У меня затекли ноги. Составь мне компанию.

Значит, хотел поговорить наедине. Ну, желание Патриарха — закон. Оля, считав намек, осталась с Матильдой, а мы сошли с парковки и двинулись по узкой дорожке через редкий лесок.

— Поздравляю, сын, — сказал отец. — Я очень тобой горд. Давно Соколовых не видели в Аудиториуме, и я счастлив, что представитель нашего рода туда вернулся.

— Вы не будете разочарованы, — коротко ответил я.

— Не сомневаюсь. Что с Ириной Алексеевной?

— Не выйдет. Она была готова принять предложение, но Матильда оказалась против и решила вопрос самостоятельно. Она добилась помощи императора.

К моему удивлению, отец воспринял новости хладнокровно.

— Ну что ж, следовало ожидать, что Матильда Карловна попытается любой ценой сохранить независимость своего рода. А что сама Ирина?

— Я ей симпатичен. Но не настолько, чтобы идти под венец сейчас.

— Выходит, момент упущен. В Аудиториуме вам будет не до того. А за время обучения может случиться столько всего, что этот вопрос может потерять актуальность.

— Значит, так тому и быть, отец, — твердо сказал я. — И Осколок, и богатство, и статус можно получить другими способами. И, говоря откровенно, я предпочитаю заслужить все это своими действиями и талантами, а не женитьбой на знатной красотке. Такой исход уязвил бы мою гордость.

— Сейчас не самое подходящее время, чтобы потакать своей гордости, Михаил, — вздохнул Патриарх. — Наши дела идут скверно.

— Я читал, что вы продали большой земельный надел. Все настолько плохо?

— Часть этих денег пошла, чтобы инвестировать в развивающиеся предприятия. Часть — на образование и подготовку Оленьки к выходам в свет. Она рано или поздно нас покинет, но я хочу устроить ее судьбу с максимальной выгодой для нее. А для этого придется вкладываться уже на ранних этапах — модистки, наряды, взятки, чтобы получить приглашения на лучшие балы и званые вечера...

Я с готовностью кивнул.

— Понимаю. Оля заслуживает лучшего. Но понимаю, что это дорого.

— И еще часть денег уйдет на тебя. Некоторую сумму я собираюсь передать Матильде Карловне в качестве компенсации затрат на твоё проживание в Лебязьем. Она ничего от нас не требовала, но это вопрос чести.

— Согласен.

— И еще определенная сумма отправится на твой счет для твоей жизни в Аудиториуме. Одежда, книги, сопутствующие расходы... У тебя и без того будут трудности с вливанием в то общество, и я не хочу, чтобы тебя считали еще и бедняком.

Я резко остановился, и отец удивленно обернулся.

— В чем дело, Михаил?

— Это... Просто это неожиданно, отец. Не думал, что ты станешь меня поддерживать.

— Михаил, я не устану повторять, что для нас ты наследник и потомок нашего Рода. Пусть твой дух призван из иного мира, но ты — наш. Ты — свой. И ты согласился нам помочь, принес себя в жертву ради нашего блага. Поэтому, конечно, мы будем тебя поддерживать и постараемся помогать по мере возможностей. Жаль лишь, что этих возможностей у меня пока немного.

— Со временем это изменится. Я буду над этим работать. Твоя помощь очень ценна для меня.

— Просто постарайся сделать то, что нужно Корфу, освободись от него как можно быстрее — и дальше будет

проще. Увы, пока он не получит того, чего от тебя ожидает, ты останешься от него зависим.

— Знаю, пап.

Отец вывел меня к берегу узкой речки — довольно запущенному, но при этом здесь прослеживались следы цивилизации: сколоченные из досок скамейки, выложенные камнями кострища... Словно местные из окрестных деревень приходили сюда отдыхать.

— Теперь я вас оставляю, — сказал отец.

— Эээ... С кем?

Патриарх указал в сторону берега, и, присмотревшись, я увидел одиноко сидящую на скамейке фигуру в черном кожаном плаще. Корф.

— Он-то здесь зачем? — прошипел я.

Отец пожал плечами.

— Я всего лишь выполняю его просьбу — привести тебя к нему после экзаменов. А сейчас я пойду — нужно пригласить Штоффов на ужин в честь твоего поступления.

Не дождавшись моих возражений, отец повернулся и зашагал в сторону леса. Я же, плотнее затянув шарф на шее, направился напрямик к Пистолетычу.

— Судя по всему сдал, — вместо приветствия сказал Корф и похлопал по свободному месту на скамейке возле себя. — Присаживайся, Михаил.

— За нами могут следить. Встречаться здесь неразумно.

— Садись, Михаил. Здесь слежки нет.

Неодобрительно качнув головой, я все же устроился на самом краешке скамейки.

— Зачем вы приехали?

— Поздравить. И сообщить условия нашей сделки, — Корф обернулся ко мне, и я заметил свежую царапину на его щеке. Видимо, ночь прошла бурно. — Ты ведь хотел знать, что должен делать для меня в Аудиториуме?

Глава 5

— Почему вы уверены, что за нами нет слежки? — осторожно оглянувшись, спросил я.

Корф безмятежно созерцал медленное течение речки. Я заметил, что помимо пары свежих царапин на его лице красовалось несколько кровоподтеков, словно он участвовал в драке.

— Об этом позаботились, — не отрывая взгляда от воды, отозвался тайный советник. — Михаил, что ты помнишь о Третьем испытании?

Я хотел было ответить “ничего”, но, пораженный внезапным озарением, так и застыл с открытым ртом. Я помнил! Воспоминания вернулись, и я сам не заметил, как. Класс, допрос, принуждение признаться в употреблении “допинга”, мольбы Ирэн — все это осталось, сохранилось, вернулось!

Увидев смятение на моем лице, Корф позволил себе улыбку.

— Значит, помнишь. И, видимо, многое. Отлично.

— Но почему...

Черт, я ведь и сам не заметил, что память вернулась. А я, балда, еще и сболтнул об этом Адлерберг! Твою мать! Так облажаться — и даже не понять этого сразу.

— Не понимаю, — прошептал я. — Как это возможно?

— По той же причине, почему за нами сейчас не следят, — улыбнулся тайный советник.

Стоп. Испытаниями руководил Зуров — Адлерберг и все остальные подчинялись ему. И если моя память сохранилась, значит, либо он дал приказ Адлерберг не стирать мне воспоминания, либо я каким-то образом оказался устойчив к такому воздействию. Но ведь Корф уже благополучно подчищал мне память, поэтому нет, иммунитета к таким процедурам у меня не было... Так что, выходит, это Зуров постарался?

— Так Павел Антиохович с вами? — прошептал я и с подозрением уставился на Пистолетыча. — Почему вы скрывали, что у вас есть люди в Аудиториуме и помимо меня?

Корф ответил уклончиво.

— Не сказал бы, что он “с нами”. Зуров сам вышел на меня пару дней назад. Предупредил, что его коллегам стало о тебе известно. И вызвался помочь уладить вопрос.

Я сопоставил это заявление со словами Зурова. Выходит, память мне все-таки не стирали. Скорее просто

сделали что-то вроде временного затмения. Или это и вовсе было временным побочным эффектом испытания. Не суть. Главное — я помнил. Да и не это сейчас было важно. Зуров оказался в сговоре с Корфом — вот что меня удивляло.

Но ему-то оно зачем?

И за какую же команду все же играл Антиохович? Если предположить, что он был связан с Радамантом, а сейчас вышел на Корфа... Как-то странно.

— Теперь я понимаю еще меньше, Вальтер Макарович. Зачем советнику ректора вам помогать, особенно с учетом того, что Тайное отделение в Аудиториуме недолгоблiviaют? — удивлялся я.

Корф пожал плечами.

— Истинные мотивы Зурова еще предстоит выяснить. Поверь, у меня не меньше вопросов, чем у тебя. Тем не менее свою часть обещанного он сегодня выполнил — ты здесь, ты рекомендован к зачислению и ты сохранил воспоминания.

— А что он получил взамен?

— Неприкосновенность. Когда полетят головы аудиториумцев, то его — останется на плечах. И он сохранит место. Если, конечно, нам удастся предоставить неоспоримые сведения о том, что происходит в Аудиториуме.

— А я вам там зачем в таком случае? Если у вас появился столь важный свидетель, который может слить так много важной информации...

Корф устало вздохнул.

— Михаил, ну ты как дитя малое, ей-богу. Это же Аудиториум, а там тот еще серпентарий. Они там как пауки в банке — интригуют, борются за власть и влияние, лезут наверх по головам. И у каждого целый склад скелетов в шкафу. Зуров может играть в собственную игру. Может попробовать натравить меня на кого-то из своих соперников, чтобы убрать их нашими руками. Может попытаться использовать меня или тебя в своих интересах, а уж фантазии им там не занимать. И я не смогу быстро проверить чистоту его мотивов. Ты же у меня парень замотивированный, и как союзник ты мне более понятен.

Ясно. Мной, как считал Корф, будет проще управлять. И я не сорвусь с крючка, пока судьба моей семьи зависит от него. Да и моя собственная. Не знаю, как отреагируют другие, если выяснится правда о моем появлении в этом мире...

В лучшем случае заберут в поликлинику на опыты. В худшем — устранят.

— Понятно, — кивнул я и все-таки решил закинуть удочку. — Тогда при удобном случае спросите у него о том москвиче Васильеве.

Корф удивленно приподнял брови.

— Зачем?

— Спросите. Он кое-что знает.

А еще мне было интересно столкнуть их лбами и посмотреть, не посыпятся ли искры. Точнее, я предполагал, что это может помочь вытащить им друг из друга побольше информации. И, быть может, что-то из этого долетит до меня.

— Выходит, и тебе что-то известно. Не юли, Михаил.

— Вальтер Макарович, я еще не нанимался к вам сотрудником на полную ставку, — раздраженно бросил я. Дело было не столько во вредности, сколько в усталости — испытания и все, что было после, здорово меня измотали. — У вас полно мальчиков на побегушках — так пусть делают свою работу. Чай, честные люди налоги платят.

Я ожидал, что Корф рассердится, но, судя по всему, тайный советник тоже слишком задолбался минувшей ночью, чтобы спорить.

— Не ершиться, юноша, — спокойно сказал он. — Помни, что твои яйца все еще у меня в руках. Тем не менее благодарю за наводку — о Васильеве непременно спрошу.

— На самом деле я просто хочу, чтобы вы со своими навыками провели полноценный допрос или как там у вас это делается. Я салага, я не сыщик. Могу много всего проворонить.

— Это понятно. И все же впредь не груби. Встретимся, потолкуем, я получу первые ответы и проверю их. После этого будем думать, что делать с этим Зуровым. Ты же мне нужен еще и потому, что полученные сведения возможно будет проверить, только находясь в стенах Аудиториума.

Интересно, как он себе это представлял? Неужели думал, что там везде проходной двор? Аудиториум наверняка тщательно охранял свои тайны, и уж особенно то, что могло послужить доказательством каких-нибудь темных делишек.

— А вы не боитесь, что Аудиториум завербует меня против вас? — Внезапно спросил я и сам поразился собственной наглости. — Превратит в двойного агента и прочее...

— Это возможно. Но если то, о чем я расскажу тебе дальше, подтвердится, думаю, ты и сам не согласишься с ним переметнуться.

— Начнем с того, что Аудиториуму уже известно, что я с вами связан. Можно сказать, я уже провалился как ваш разведчик. Тогда к чему играть дальше?

Вальтер Макарович обернулся ко мне с легкой улыбкой.

— Во-первых, о том, что ты связан со мной, известно не всем в Аудиториуме. Стараниями Зурова их теперь стало еще меньше. Во-вторых, пусть знают, что ты связан лично со мной, а не с Тайным отделением. У тебя будет красивая легенда. Осталось аккуратно внедрить эти искусственные воспоминания тебе в голову.

— Но ведь вас ассоциируют с Тайным отделением! — возразил я. — Это первое, что придет в голову всякому, кто о вас слышал.

Корф кивнул.

— Об этом не беспокойся. И все же, как ты понимаешь, наше с тобой маленькое расследование не попадает под юрисдикцию Отделения. Ты ведь помнишь разговор у Великого князя?

— Конечно.

Вслух распространяться об этом мне мешал блок, но я все отлично помнил. Корф действовал по указке Александра Константиновича. Александр Константинович обратил пристальное внимание на деятельность своей сестры Ксении Константиновны, которая патронировала Аудиториум.

А я во всем этом оказался просто инструментом, причем не самым изящным.

— Тогда что мне говорить, если начнут спрашивать о нашей связи?

— Скажи, что познакомился со мной через Петра, и после его гибели я помог тебе с подготовкой. К слову, это не такая уж и неправда — с твоим братом мы были знакомы. Он изъявлял желание работать у нас после прохождения службы в Дакии. Потому-то я и обратил пристальное внимание на ваш род. Но судьба распорядилась иначе. Тебе будут внедрены воспоминания о наших частных встречах, где я буду исполнять роль доброго и сердобольного дядюшки.

— И в это поверят? — фыркнул я.

— Еще как. Выбирай слова осторожно и всегда говори половину правды в своей лжи. Тогда проверить твои слова будет труднее, да и ты будешь чувствовать себя увереннее.

— А Петя... Он и правда к вам хотел?

— Петр Николаевич хотел быть поближе к дому. Все же он был наследником — рядом с семьей и родовым гнездом живется проще. Он подавал прощение, мы однажды даже встречались лично — он приходил ко мне, когда проводил отпуск в Петрополе. Но уйти со службы быстро у него не получилось. А потом стало поздно. Но ты еще можешь пойти по его стопам, если захочешь.

— Вы серьезно? — удивился я.

— Я бы рассмотрел тебя в качестве кандидата. Но чтобы получить место в Отделении, сперва докажи, что на тебя можно рассчитывать. И имей в виду, что платят у нас куда меньше, чем в Аудиториуме.

И ни слова о том, хотел ли я этого. С другой стороны, работа интересная. Рискованная, опасная — Матильде, вон, как досталось. Но это могло помочь обрасти связями в самых различных структурах, что тоже пошло бы на пользу моему роду.

Как бы то ни было, думать о продолжении карьеры было рано. Сперва требовалось пережить четыре года обучения. А там, глядишь, могли подвернуться варианты и поинтереснее.

— Тогда внедряйте воспоминания, — сказал я и повернулся к Корфу всем корпусом, чтобы ему было удобнее класть ладони на мою голову. — Я готов.

Он прикоснулся к моему лбу, и я увидел, что костяшки на его руках тоже были сбиты. Не знаю, где он провел минувшую ночь, но там явно не обошлось без мордобоя. Забавно, вроде и высокого ранга чинуша, а работал по-черному.

Зуд пронзил мою голову — не боль, а дискомфорт. Сила лениво зарычала, почувствовал чужое вмешательство, но я быстро взял блоки под контроль.

— Это надстройка на твоей памяти. Я не буду стирать тебе воспоминания — ты будешь помнить, как все происходило на самом деле. Но всякий, кто полезет тебе в голову, увидит и то, что было внедрено.

— Это надежно?

— Против того же Александра Константиновича нет приема — раскусит. Радамант сможет отделить одно от

другого. Но большинство менталистов разницы не заметят — я не зря выбрал Петра как ключевой элемент новых воспоминаний. Там, где к памяти примешиваются эмоции, сцепка становится почти идеальной.

Он продолжал говорить и работал крайне осторожно — едва ли не впервые вмешательство Корфа оказалось безболезненным. И я буквально чувствовал, как слой за слоем, словно сваркой, он бережно запаивал образы и события. Мелкие, почти отрывистые, но они хорошо ложились на канву настоящего прошлого.

И правда неплохой он менталист. Мог ведь, когда хотел.

Закончив, Корф оторвался от меня и устало оперся руками о скамейку.

— Теперь о том, что тебе предстоит делать. Готов внимать?

— Ага.

— Ты, должно быть, знаешь, что в Аудиториуме студенты объединяются в сообщества.

Я кивнул. Знал об этом не так много, но подобная схема чем-то напоминала студенческие клубы в Штатах, которые показывали в молодежном кино. Они там даже назывались греческими буквами. Но в Аудиториуме было немного иначе: там в ходу были Ордена. Суть примерно такая же — клуб по интересам со своими правилами, вступительными испытаниями и даже знаками отличия. Большинство официальные, но я слышал, что бывали и подпольные — те, что не были зарегистрированы официально.

— В какой мне нужно попасть? — спросил я.

— “Тагматис Эльпидас”. Орден Надежды.

— Не слышал о таком.

— В том и дело. Орден не просто подпольный. Скорее мифический.

— И что объединяет тех, кто в нем состоит?

— А вот здесь начинается самое интересное. Если сведения, которые мы получили, верны, то это сообщество заговорщиков. Возможно, они связаны с Радамантом. Их цель — сделать Благодать доступной не только для потомственной аристократии, наделенной Осколками. Они мечтают разбить Великие Осколки и раздать их простым людям. По их мнению, это уравнивает возможности сословий.

— На всех же не хватит...

— Хватит многим. Но эти сведения нужно проверить. У нас пока что нет доказательств. Сперва следует доказать существование этого Ордена, выяснить точный состав его участников. Понять, какая у заговорщиков программа, какие планы и намерения, средства и возможности.

— Я правильно понимаю, что в Аудиториуме есть группа одаренных Благодатью студентов, которым втемяшился в башку альтруизм и вера во всеобщее равенство?

— Примерно так. И, как ты понимаешь, если они намерены разбить для этих целей Великие Осколки, то вопрос уже касается безопасности государства и императорской фамилии. Обеих ее ветвей — Петропольской и Константинопольской.

Понятненько, значит, у нас тут нарисовались свои революционеры. А что, вполне вписывается в дела Радаманта по уровню общего безумия.

— И как мне туда попасть? Есть подвязки?

— Импровизируй. Не торопись. Сперва примелькайся, пойми расстановку сил. Наблюдай, кто и как себя ведет. И дальше действуй так, чтобы тебя заметили. Если мои данные верны и ты окажешься интересен Ордену, то тебе сами предложат.

— Судя по тому, что вы описали, мне нужно быть бунтарем. Это не очень вяжется с тем, что мне предстоит еще и проверять то, что расскажет вам Зуров. Чтобы попасть за закрытые двери, лучше быть хорошим мальчиком.

— Хорошие мальчики, Михаил, попадают в рай, — вздохнул Корф. — А хитрые — в Зал почета. Будь умнее и подключай смекалку. Чем смогу помочь, тем поддержу. Теперь второй важный вопрос — связь. Ты сможешь общаться ментальным образом только с теми, кто, как и ты, будет находиться на территории Аудиториума. За стены вуза связь не пробьется.

— И за территорию меня не выпустят, — добавил я. — Как связываться?

Корф вытащил из-за пазухи небольшой пакет и протянул мне.

— Здесь ручка, над которой поколдовали мои сотрудники. Чернила исчезают при нагревании, а проявляются только при применении специального состава. Будешь писать письма Матильде и отправлять на адрес в Лебязье. В пробелах между строками пиши то, что я должен знать.

— А книга зачем? — Спросил я, увидев ее в пакете.

Совсем небольшая, почти карманная. Я вытащил ее на свет и хмыкнул. Макиавелли “Государь”.

— Используй шифр. Номер страницы — дефис — номер строки сверху — дефис — номер слова в строке. Очень простой шифр, но нужно знать, какая книга является ключом. Поэтому книгу спрячь понадежнее и держи на виду другие для отвлечения внимания. Лучше сделай тайник.

Я спрятал подарки в пакет и аккуратно убрал себе под куртку. Чувствовал себя Штирлицем, причем скорее тем, который был героем анекдотов.

— Вы будете передавать мне сведения так же?

— Нет. Пока что, до рождественских каникул, связь будет односторонняя. Но если тебе удастся выбраться за пределы Аудиториума, дай мне знать. И помни, что быстрых результатов я от тебя не жду. Здесь важнее осторожность. Нечего писать — не пиши. Не проверил — не пиши. Это ясно?

Я кивнул.

— Да. Значит, с меня пока только Орден? Зурову не доверите?

— Я не доверю ни одному аудиториумцу безопасности императора. И тебе бы не доверил, да выбора нет.

— А Ирэн?

— Я поклялся Матильде, что не буду ее использовать. Хватит жертв с рода Штоффов.

Ладно, хотя бы это звучало убедительно.

— И еще, Михаил. Я не зря талдычу тебе об осторожности. Не верь Зурову. Не верь Ордену, даже если найдешь доказательства. Никому не верь, кроме, разве что Ирины — ты ей нравишься, и она вряд ли тебя предаст. Отмеряй семь раз, потом снова отмеряй и трижды подумай, прежде чем резать.

— Почему вы так встревожены? — удивился я. — Поздновато для проявления заботы.

Корф внезапно помрачнел.

— Потому что ты не первый, кого я отправлял в Аудиториум, — тихо ответил он. — До тебя уже была попытка внедрить человека, связанного с Тайным отделением — один из наших попросил своего сына собрать сведения.

— И?

— И он скончался прямо в Аудиториуме при загадочных обстоятельствах. Правды нам не открыли, и их артефакторы хорошенько поработали, чтобы сбить со следа психометристов. Поэтому будь осторожен, Михаил. Там ты окажешься сам по себе.

Глава 6

Дверь в комнату сестры была распахнута настежь. Оля не заметила, как я подкрался сзади. Собрав светлые кудряшки в неряшливый пучок и закатав рукава, сестра самостоятельно чистила аквариум.

— Доброе утро! — поприветствовал я.

— Ой!

Оля подпрыгнула, выронила пузатый круглый шар, и я едва успел его подхватить.

— Миша! — взвизгнула она. — Ну нельзя же так! Напугал до чертиков.

— Извини, — я протянул ей спасенное сокровище. — Войти-то можно?

Сестра осторожно поставила аквариум на стол и вытерла лоб.

— Ну проходи, раз явился, — кивнула она.

Видать, сестрица нынче поднялась не с той ноги. На часах было семь утра, а она уже возилась с рыбками. Была у нее такая черта: когда нервничала или злилась, всегда начинала убираться.

Я вошел и внимательно оглядел ее комнату. Милая, девичья, с множеством семейных фотографий в изящных рамках, розовыми занавесками в цветочек. Окна выходили на поле в парк.

— Миш, давай быстро, — торопила меня Оля, пока я пялился на фотографии. — Сегодня вечером званый ужин, и скоро начнут подвозить провизию. Мне нужно проследить, чтобы все доставили вовремя. А еще флористы... Их нужно трижды перепроверять.

Какая деловая, с ума сойти. Мой рот сам по себе расплылся в умильной улыбке.

— Почему это отец тебя эксплуатирует?

— Потому что экономка одна не справится, — огрызнулась сестра. — Бывай ты дома почаще, то не задавал бы глупых вопросов!

Мда. Кажется, этим утром что-то всерьез пошло не так. Давно не видел сестру в столь дурном расположении

духа. После гибели Пети она все больше печально молчала, да и в целом сторонилась любого общества. Но все же общалась нормально. Сегодня ей словно вожжа под хвост попала.

— Оль, какая муха тебя укусила? — осторожно спросил я. — Кто тебя обидел?

Вместо ответа сестра насупилась, отвернулась и принялась с двойным остервенением драить уже и без того чистый аквариум. Ее простенькое домашнее платье тут же промокло от брызг воды — она орудовала тряпкой так, словно пыталась ею кого-то убить.

У прежнего Миши когда-то был пес по кличке Чарли — беспородное ушастое создание, в роду которого явно затесалась лайка. Хороший пес — да век их недолог. Издох несколько лет назад. А Оля выбрала рыбок. Хотела игуану, но отец не позволил. Так с тех пор и возилась со скаляриями.

— Оль, — я тронул ее за плечо. — Ну ты чего? Что стряслось?

— Что-что? — резко обернувшись, она уставилась на меня полными гнева глазами. — Сам не замечаешь?

— Если ты о том, что я редко здесь бывал, так сама же знаешь — не моя на то воля. Пришлось гостить у Штоффов, чтобы подготовиться к испытаниям... И как только прошел, сразу поехал сюда, к вам...

— Да не в этом дело, Миш! — сестра распалялась все сильнее. — С тех пор, как Петя ушел, а ты... изменился, я словно перестала для всех существовать. Даже когда тебя нет, в доме только и разговоров, что о тебе. Как там Мишенька у Штоффов, как он там поживает, всего ли ему хватает... Как Мишенька пройдет испытания, поступит ли в этот проклятый Аудиториум... Тьфу!

— Оль...

— Хватит мне олькать! Меньше двух месяцев как явился в тело моего брата, а уже пуп земли! Как с домом и хозяйством разбираться, так Оля. За бабушкой ухаживать — Оля. Гостей принимать — Оля, кто ж еще? Все на мне! А мне пятнадцать, Миш! Я еще даже на балу еще не дебютировала, а на мне уже словно крест поставили...

Внезапно она затряслась в рыданиях, и я, моргнув от неожиданности, просто сгреб ее в объятия и вытащил тряпку из ее рук.

— Оль, что я могу сделать? Как тебе помочь?

— Я не знаю... — всхлипнула сестра. — Да и кто тут поможет... Я ж умом понимаю, что у тебя важное дело. Миссия целая! Но мне все равно обидно. Обидно, понимаешь? Мишка-то, ну, ты прежний, он же всегда был бесполезным. Как выражается баба Цилия из поселка — шлемазл. Я на него... то есть тебя... никогда особо и не рассчитывала.

— Но сейчас-то все иначе.

— Сейчас все еще хуже! — Снова расплакалась она. — Раньше мы с тобой были равны. Два одинаковых неудачника, понимаешь? А потом Род тебя выбрал, у тебя появилась сила. А вместе с ней перспективы, будущее... А я что? Мне Род ничего не даст.

— Почему это?

— Потому что я женщина, Миш! Потому что я выйду замуж и перейду в другой род. Зачем нашему Роду отдавать мне силу, если я все равно уйду?

В словах Оли был смысл. Род работал на то, чтобы аккумулировать силу, копить, собирать и отдавать тем, кто мог принести пользу семье. Оля же была девицей на выданье и не входила в “ядро” рода. И правда, как-то несправедливо по отношению к ней вышло.

Я так и стоял, крепко обняв ее, пока слезы не перестали течь ручьем. Оля всхлипнула, прерывисто вздохнула и вытерла лицо рукавом.

— Я злюсь, Миш. Раньше мне было стыдно, но сейчас уже просто стало все равно. Это нечестно. Нечестно лишать меня всего только потому, что я родилась девочкой.

— Но мы постараемся выдать тебя за славного человека из крепкого рода. Ты сможешь влиться в него, и твои дети станут сильнее. А если мне удастся заслужить Осколок...

Но сестра лишь сокрушенно покачала головой.

— Вот видишь, ты уже начал думать так же, как все они. Видишь во мне только товар, который нужно выгодно сбывать.

— Вообще-то я забочусь о твоём будущем.

— А ты хоть раз меня спросил, чего я сама хочу? Может мне вообще ни на что не сдался этот брак! Может я хочу заниматься наукой или вести дела в городе, как дядя Андрей... Но всем плевать на мои чувства. У меня могла быть единственная радость — решить свою судьбу самостоятельно, но вы меня и этого лишаете...

Да уж, ничто не предвещало — и заштормило так, что чуть с ног не сбило. Не спрашивая разрешения, я опустил на запроваленную кровать и похлопал по месту рядом с собой.

— Садись, Оль.

— У меня нет времени.

— Сядь, я сказал.

Она метнула на меня полный злости взгляд, но подчинилась.

— Итак, какого будущего ты хочешь для себя? — спросил я. — Рассказывай.

— Ты не одобришь.

— Говори. Пока я здесь, могу попробовать повлиять на отца. Без меня будет сложнее, согласна?

Она молча кивнула и сглотнула слюну.

— Я не хочу в город. Хочу остаться на природе.

— Это не проблема.

— Хочу изучать и лечить животных. Заниматься зверями. С людьми мне сложно, — призналась она. —

Животных я люблю больше.

Я тяжело вздохнул.

— Ну да, отец явно не такое будущее для тебя видит. Но для того, чтобы стать ветврачом, Благодать не нужна. Это плюс. Работа, впрочем...

— Плебейская.

— Грубо, но правда. Хотя мне все равно, что ты выберешь, лишь бы обрела счастье. Но ты же понимаешь, что это местами очень неприятная и грязная работа?

Оля кивнула.

— Меня это не страшит. Я однажды видела в селе, как ветврач помогал корове разродиться. Думала, мне станет мерзко от этого зрелища, но... Знаешь, в этом есть какое-то волшебство. Меня не напугало.

— Иногда их придется и убивать, — продолжал взывать к рассудку я. — Ты не сможешь вылечить всех. И это будет больно.

— Знаю, — тихо отозвалась сестра. — Но хорошего будет больше.

Я поднялся с кровати и подал ей руку.

— Что ж, я попытаюсь убедить отца. Но не обещаю быстрого результата.

Сестра подняла на меня глаза.

— Ты и правда не против?

— А почему я должен?

— Не знаю... Но спасибо, что хотя бы выслушал.

Я снова обнял ее и погладил по макушке.

— Я же обещал тебе, что не брошу. А обещания я выполняю.

— Можно войти?

Отец оторвался от большой конторской книги, передел очки и улыбнулся.

— Конечно, Михаил. Заходи.

Я вошел в кабинет и аккуратно прикрыл за собой дверь. Несмотря на дневное время, в помещении царил полумрак — горела всего одна старинная лампа, а плотные шторы были полузадернуты. За окном валил мелкий снежок.

Я опустился в кресло напротив отца и с удовольствием выдохнул. Во всей усадьбе царил настоящий хаос — домочадцы и слуги сбивались с ног, готовясь к праздничному ужину. С самого утра на заднем дворе мелькали автомобили доставщиков продуктов и цветов, носились с метлами и тряпками горничные, а на кухне дым стоял коромыслом.

Только в кабинете отца царило спокойствие.

— С чем пожаловал? — спросил Патриарх, потянувшись к чашке с остывшим чаем.

— Хотел спросить, зачем ты устраиваешь ужин для Штоффов. Матильда Карловна выздоровела, помолвки не будет...

— Это знак благодарности Штоффам за то, что приютили тебя и подготовили к поступлению в Аудиториум. Кроме того, со Штоффами будет полезно поддерживать знакомство. Помимо ослепительной красоты, Матильда Карловна обладает обширными связями.

Ага. И приличным счетом как минимум в пяти банках, три из которых — зарубежные.

Отец закрыл свой гроссбух и уставился на меня с беспокойством.

— Почему тебя тревожат мои действия, сын?

— Просто не понимаю, зачем вся эта беготня. Впечатлить Штоффов у нас все равно не получится: они сами закатывают такие приемы, что не стыдно и императорскую фамилию пригласить. Насколько я понимаю, некоторую сумму в качестве компенсации за мое проживание ты уже отправил... Не будет ли наше внимание излишне навязчивым?

Патриарх добродушно улыбнулся, снял очки и аккуратно сложил их в футляр.

— Мне понятны твои опасения, Михаил. Должно быть, в твоем родном мире подобные порядки действительно могли быть расценены как навязчивость...

— Особенно притом, что мы с Ирэн едва не заключили союз, — добавил я. — Я опасаясь, что Матильда может подумать о том, что мы не оставляем попыток с ними породниться. Это будет неуместно в свете моего обучения и отъезда ее благородия.

— Ты все говоришь верно, Михаил, — кивнул отец. — Однако в этом мире никто не посмеет обвинить нас в излишней навязчивости. Наоборот, здесь благодарность почти не бывает чрезмерной. Мероприятие официальное, приглашение было отправлено по всем правилам. Да и сама программа предполагает лишь ужин. Если ты не станешь выказывать Ирине Алексеевне особых знаков расположения, то все будет хорошо. Кстати, где кольцо?

Я виновато улыбнулся.

— У Штоффов. Мои вещи еще не привезли из Лебяжьего. С ним все в порядке, я его не потерял.

— Славно, — отец поднял на меня глаза. — Что-то еще?

— Насколько все плохо?

— В смысле?

— В прямом. Насколько плохи наши дела? — Я обвел рукой пространство вокруг себя. — Ты продал земли...

— Не все.

— Тем не менее. Эта новость попала в газеты. Наверняка уже поползли слухи о нашем бедственном положении.

— Как будто раньше их не было, — вздохнул отец. — Все хуже, чем хотелось бы, но лучше, чем могло бы быть. Такой ответ тебя устроит?

— Я не прочь узнать подробности.

— Неужели решил проявить интерес к семейному делу? — усмехнулся Патриарх.

— Раз я теперь наследник, то почему нет? Мне правда интересно, пап. Не думаю, что из меня выйдет великий комбинатор, но будет спокойнее жить в Аудиториуме, зная, что творится в семейных делах.

Отец заметно оживился. В его усталых глазах появился блеск интереса, и он поднялся из рабочего кресла. Я встал вслед за ним.

— Идем, Михаил, — он распахнул двери смежной комнаты, что служила одновременно библиотекой, архивом и хранилищем различной макулатуры, что пригодились раз в несколько лет.

Воздух здесь был спертым и пах старой бумагой — помещение давно не проветривалось. Отец раздвинул тяжелые шторы, и пылинки заплясали в лучах тусклого осеннего света. Включив несколько ламп, отец подошел к стене, где висела старая карта нашей губернии.

— Тогда начнем с самых азов, — достав из кармана пиджака другие очки, отец надел их и ткнул пальцем на карту. — Это Ириновка.

— Наше родовое гнездо, да, — кивнул я и обвел небольшое пространство вокруг точки на карте. — А вот земли, которые принадлежат самой усадьбе.

— Верно. Еще они тянутся почти до самого берега Ладоги вот здесь, — Патриарх провел пальцем прямую линию почти строго на восток. — Болота. Выращивать там нечего, кроме клюквы, зато...

— Торф.

— Умница, — улыбнулся отец. — Наша семья владеет несколькими небольшими заводами по производству торфа. Не угольные шахты и не сталелитейни, но спрос уверенный. Главное — это дело можно прогнозировать. Что ты знаешь о золоте болот, сын?

Я замешкался с ответом и почесал затылок пятерней. Увы, память прежнего Миши не изобиловала познаниями в области семейного бизнеса. Зато я, живя в этих местах летом в родном мире, кое-что о торфе знал.

— Торф служит топливом, — припомнил я. — Довольно низкая температура горения. Правда, это приводит к пожарам на торфяниках в жаркие периоды лета.

— Верно. Еще?

— Удобрение. Садоводы используют торф для обогащения почвы.

Снова одобрителный кивок.

— Правильно. Еще мысли?

Я смущенно улыбнулся.

— В моем мире торф использовали для биотуалетов...

Отец хохотнул.

— А что, хорошая мысль! Наши до этого пока не додумались, но благодарю за наводку. Непременно обсужу с нашими технологами. Больше ничего не можешь придумать?

— Боюсь, я не настолько соображаю.

— Один наш завод, — отец указал на карту, — занимается производством топлива из торфа. Мы делаем брикеты. В основном его закупают в пределах нашей губернии. Там же я планирую запустить производство торфяных изоляционных блоков — это строительный материал.

Точно! Ведь мой друг Серега из прошлого мира рассказывал о торфяных блоках, когда мы думали, как утеплять дедов домик...

— А удобрения?

— Делаем. Вот здесь, — отец указал точку на севере болота. — Универсальное удобрение и торфяные подстилки для скота.

— Судя по всему, мы не очень крупные промышленники, — сказал я, обзрев масштабы. — Впрочем, производство можно развивать.

— На одном торфе далеко не уедешь, Михаил. Как и любой ресурс, однажды он закончится. И я продал именно те земли, где разработка давно прекратилась. У нас есть еще один участок, где все выбрали, — его палец скользнул в сторону от болота, южнее. — Здесь. Там много озер с топкими берегами. Что с ними делать, я пока не решил.

— Рыба, — предложил я.

— Кого в наших краях удивишь рыбой?

— А что, в Ладоге или Финском заливе водится карп? Или, скажем, много озерной форели?

Отец глядел на меня как на пришельца. Впрочем, им я и являлся.

— Как тебе такое в голову пришло?

Я пожал плечами.

— А что? Главное — это вариант. Озер много. Главное — регулярно их чистить. Нанять рыботехника или как там называются специалисты по разведению... Карп — рыба донная, но в кулинарии популярная. Форель так вообще все любят...

Пораженный моим предложением, отец отнял руку от карты и прошел вглубь комнаты. На его лице боролись разные эмоции — сомнение, интерес, надежда и неуверенность.

— Может тебе стоило выбрать не Аудиториум, а другой факультет? — Задумчиво произнес он и принялся рыться в стопке сложенных карт. — Вот, нашел...

— Что там?

— Более подробная карта покинутого участка.

— Какая площадь? Сколько прудов?

— Около двадцати... Площадь у каждого небольшая, но...

— Большая и не нужна, — улыбнулся я.

Отец схватил карты и понес в кабинет. Я поспешил за ним.

— Мне нравится идея, — сказал он, бросив карты на стол. — Очень нравится. Нужно все посчитать. Возможно, удастся наскрести денег и без ссуды... Будут, правда, толки, что мы занимаемся плебейским делом...

— А чем рыба хуже торфа? — с вызовом спросил я. — Какая им разница, если это станет приносить нам деньги?

— Согласен. Раньше я как-то и не думал о рыбном хозяйстве — у нас на берегу Ладоги есть несколько сейнеров, они занимались рыбным промыслом. Да и то все расходится по нашему уезду и до Петрополя не доезжает. Можно сказать, для себя и своих людей делали.

— Ну вот. А если поднять хозяйство с редкими в наших краях видами рыб, да еще и со знаком качества...

Глаза отца впервые за все время, что я с ним воссоединился, по-настоящему горели жадной делами.

— Завтра же займусь этим. Приглашу поверенного, обсудим, посчитаем, займемся продумыванием этого

варианта.

— И станем рыбными графами, — усмехнулся я. — Нужно прекращать продавать землю и приводить наши болота в порядок.

— Знаю.

— И, поверь, я еще придумаю, как их облагородить, — пообещал я. — А что касается специалиста по рыбам, у меня есть подходящая кандидатура...

Глава 7

Я закончил раскладывать доставленные из Лебяжьего пожитки, прибрался и, уперев руки в бока, по-хозяйски оглядел свою комнату.

— Теперь — красота.

Вещей оказалось не так уж и мало. Поразительным образом я умудрился всего за месяц прилично обрасти бархлам, и слугам пришлось вдвоем поднимать сумки на мою мансарду.

Последствия катастрофы, что я учинил сразу после явления в этот мир, устранили. На стенах теперь красовались новые обои и свежие деревянные панели. Кровать починили, медицинское оборудование убрали и даже перекрасили потолок. Никаких подпалин и следов разрушения.

Особенно мне нравился скошенный потолок — моя комната располагалась прямо под крышей. Здесь, в этой берлоге, было уютно, дышалось спокойно, и я отчасти жалел, что придется так быстро покинуть это место.

Матильда подарила мне несколько книг — в том числе и тот самиздатовский сборник заклинаний, который я продолжал изучать. Что ж, налегке я в Аудиториум точно не попаду. А еще предстояло примерить форменный китель, который заказали в мастерской... Тем проще будет припрятать шпионские подарки Корфа.

Зевая и сетуя на испортившуюся погоду, я спустился на первый этаж и направился на кухню. Не мешало бы попросить кофейку — Ирэн с Матильдой все-таки подсадили меня на этот напиток. В нашей семье было принято чаевничать по пять раз на дню, но я еще не перестроился после быта Штоффов.

Забрав кофейник, я отправился в гостиную. Последствия визита Штоффов уже ликвидировали, спрятали праздничную посуду и убранство. О нашей скорби и трауре напоминали лишь фотографии Петра с черными лентами на каминной полке да горящие лампы, которые каждое утро ставила бабушка.

Сестра, как обычно, суетилась вокруг гигантского аквариума, что занимал добрую половину стены в гостиной. Я ничего не понимал в аквариумистике, а рыбу предпочитал ловить или в виде ухи, но Оля знала всех своих цихлид по именам и с легкостью могла отличить одну рыбку от другой.

— Привет! — я поставил кофейник на журнальный столик. — Чем занята?

Оля оторвалась от созерцания питомцев.

— Да вот, скалярию новую запустила. Наблюдаю. Видишь, какая красotka?

Я приподнялся и проследил за пальцем сестры. Забавные рыбки с плавниками, словно месяцы, медленно фланировали между водяными растениями и причудливыми корягами.

— Вот эта полосатая новенькая? — уточнил я.

— Ага.

— Красивая. Редкая, наверное.

— А то! Зебра. Папа подарил. Ну как подарил — отвел в зоолавку, дал денег и сказал, что могу выбрать любую. Вот, выдержала в карантине и запустила сегодня к остальным. Сожрать не должны.

Оля всегда рассказывала о своих любимцах с такой увлеченностью, что я и правда начинал убеждаться — с людьми ей будет сложнее. Теперь осталось упросить отца все-таки позволить ей получить образование и заниматься этим на более серьезном уровне. В конце концов думать о благополучии рода и деньгах должен был я — на правах наследника. И мне хотелось подарить сестре побольше свободы. Ибо ей еще не раз придется повиноваться нашей воле.

— Где отец, кстати? — спросил я, оторвавшись от аквариума.

— В кабинете. К нему приехал Матвеев. Боюсь, это надолго.

— О да.

Я вернулся на диван и взглянул на часы — без четверти полдень. Когда приезжал Матвеев, они могли засидеться в кабинете до самого вечера лишь с кратким перерывом на обед.

Максим Романович Матвеев был нашим поверенным: ведал делами, решал юридические вопросы и всячески помогал отцу. Сухонький дедушка с живыми глазами, острым умом и вечным кожаным портфельчиком. И всегда привозил Оле сладости из кондитерской Абрикосова. Пусть одну маленькую баночку конфет — но всегда. В детстве Оля ждала его как Деда Мороза.

— Мне тоже налей, пожалуйста, — попросила сестра, достала из серванта чашку и устроилась рядом.

— С каких пор ты у нас перешла на кофе?

— Да я так, немножко. Просто спать хочется ужасно... Ох уж эта погода. Скорее бы уже пришла настоящая зима — чтоб с сугробами и без ветра.

Я бросил взгляд в окно. Похолодало, минусовая температура держалась уже больше суток. Вчерашний снег так и не растаял и лежал на опавших листьях тонким ковром. Можно было попробовать вытащить Олю прогуляться — хотелось почаще бывать с ней перед отъездом. Но, зная ее нелюбовь к холоду, я не стал этого предлагать.

Я разлил кофе по чашкам, а сестра достала из складок платья какой-то небольшой предмет, похожий на шкатулку.

— Что это?

— Максим Романович привез. Говорит, новый десерт, — Оля выставила на стол небольшую жестяную коробочку с портретом очень красивой женщины в богатом одеянии. — Засахаренные фиалки. Любимое лакомство легендарной австрийской императрицы Сисси! Сейчас по этим сладостям сходит с ума весь Петрополь. Попробуешь?

— Рискну.

Не знаю, от чего была в восторге эта императрица Сисси, но я прикола не понял. Ну сладко, ну вкусно, но не так чтобы очень... А вот Оля, казалось, прониклась. Наверняка это все было грамотным маркетинговым ходом. Вряд ли бы она поделилась все эти восторги, не зная она красивой легенды.

Не успел я допить свою чашку, как со стороны “рабочей” части дома — где располагались отцовский кабинет и библиотека — послышался шум. Захлопали двери, до нас донеслись шаги и голоса. Оля взглянула на часы.

— Хм, быстро они. Даже до обеда управились. Даже странно.

Я ожидал, что отец проводит поверенного к машине, но, к нашему с сестрой удивлению, они прошли в гостиную.

— Михаил Николаевич! — обрадовался дедуля, увидев меня. — Как же давно мы не виделись! Рад встрече, ваше сиятельство.

Я поднялся и шагнул навстречу, чтобы пожать ему руку.

— Максим Романович, — улыбнулся я. — Действительно, в прошлый раз виделись только на похоронах, да и то мельком.

— Ужасный повод для встречи... — севшим голосом отозвался поверенный. — Но примите мои поздравления. Аудиториум подарит вам замечательные перспективы. Я безмерно горд, что служу семье, чей отпрыск достигнет таких высот.

— Максим Романович, не хвалите юношу сверх меры, — прервал поток сладких речей отец. — Михаилу сперва нужно продержаться в этой мясорубке хотя бы один семестр. Вот после весенних каникул и поговорим.

Оля хотела было позвать слуг, чтобы те сервировали стол дополнительными чашками, но отец, угадав ее мысли, жестом остановил сестру.

— Оленька, не хлопочи. Михаил, присоединись к нам в кабинете, пожалуйста. Мы обсудили твою идею и хотим поделиться размышлениями.

Я уставился на сестру. Она явно не понимала, о чем шла речь. Видимо, отец решил не обнадеживать ее раньше времени.

— Тогда и ей все расскажите, — настоял я.

— Не рановато ли?

— Отнюдь. Я скоро уеду, а Оля может тебе помогать. И тебе подспорье, и ей радость. Если ваши расчеты обнадеживают, конечно.

— О чем вы? — удивилась девушка.

Я улыбнулся и подмигнул отцу.

— Давайте все же попросим еще кофе и обсудим все здесь. Как раз все в сборе.

Отец недолго колебался и, наконец, согласно кивнул.

— Хорошо. Обсудим вместе. Но у меня есть предложение поинтереснее. Дети, одевайтесь. Прокатимся в

Лепсари. Осмотрим владения и освежим воспоминания. Там все и расскажем.

Оля с недоумением переводила взгляд с меня на отца.

— Что же вы задумали?

— Беги наверх кутаться, — улыбнулся я. — Как раз успеем вернуться к обеду, если поторопимся. Тебе понравится.

Лепсари была одной из деревень, что принадлежали нашему роду уже несколько столетий. Это ингерманландское поселение было известно еще с начала XVI века, но здорово пострадало в Северную войну и было отстроено заново. Стоящая на одноименной речке, сейчас эта деревня насчитывала примерно пятьдесят дворов. После отмены Крепостного права многие местные остались здесь, а позже, когда сюда докатился промышленный бум, стали работать на дело нашей семьи.

Здесь же на протяжении многих лет добывался торф, а когда месторождение иссякло, местным наверняка стало туго. Отец не препятствовал развитию хозяйства и позволял арендовать дополнительные земли по выгодной ставке. Быть может, это отчасти и вредило нашим доходам. Но когда ты бок о бок живешь с семьями, которые знаешь десятилетиями, сложно думать об одной лишь выгоде.

Наши с Матвеевым автомобили припарковались на дальнем краю деревушки. Я помог Оле выбраться, и она с любопытством оглядывалась по сторонам.

— Да уж, давненько я тут не бывала. Почти ничего не изменилось.

Я же глядел на Лепсари и сравнивал эту деревню с воспоминаниями о ней же из своего мира. Там, где я родился, здесь была огромная свиноферма, ингерманландцев уже и след простыл, да и в целом впечатление складывалось более депрессивное.

Эта версия Лепсарей нравилась мне куда больше — добротные дома с большими дворами, ровные укатанные дороги, даже магазинчики были похожи на семейные лавки, а не на пристанище местных алкашей.

Все-таки в этом мире было много чего, во что можно было влюбиться. Много того, что мой родной мир утратил.

Отец собрал нас и повел по укатанной дорожке в сторону от реки — туда, где раньше работала техника, а сейчас остались лишь ряды чуть запущенных прудов с заросшими берегами.

— Отец, зачем мы здесь? — сестра нагнала Патриарха и поравнялась с ним. Поверенный шел рядом со мной и помалкивал.

— Мы придумали, как использовать эти пруды, чтобы наладить наши дела, — отозвался он, медленно шагая и поглядывая по сторонам. — Скажи, Оленька, как бы ты распорядилась этими землями?

Оля смешно сморщила носик, как делала всегда, когда напряженно думала.

— Ты говоришь об озерах, отец?

— Не только. Обо всех этих землях.

— Ну... Можно обустроить ферму. Только почва болотистая, нужно укреплять. А это дорого.

— А еще?

“Отец, не мучай ее”, — обратился я к нему ментально. — “Она очень боится тебя разочаровать и стесняется говорить все, что думает. Лучше помоги ей”.

Патриарх обернулся и наградил меня долгим взглядом, значение которого я понять не смог. Тем временем мы подошли к берегу одного из прудов. Относительно небольшой, где-то метров двадцать на тридцать, и я пожалел, что не надел резиновые сапоги. Ботинки утопали в грязи по самые щиколотки.

— Ладно, — вздохнул Патриарх, — томить не стану. Ольга, я намерен обустроить на этих прудах рыбное хозяйство. Хочу заняться разведением ценных видов. Форель, карп, быть может, даже стерлядь.

Оля недоверчиво на него взглянула.

— Правда? Это не шутка?

— Да, — улыбнулся отец. — И у меня к тебе деловое предложение, дочка. Судя по нашим расчетам, мы сможем относительно быстро выйти на прибыль. Я подключу кое-какие связи и знакомства, чтобы, так сказать, выйти на рынок сбыта. Однако самая ответственная часть — разведение. Я хочу, чтобы ты использовала свои таланты на благо семьи. Если Михаил сказал правду и ты действительно хочешь связать свою жизнь с изучением животных, я готов предложить тебе пойти обучиться. Хватит чахнуть над аквариумами — у тебя будет кое-что получше.

Оля слушала его, не веря своим ушам. И вместо ответа она просто бросилась отцу на шею.

— Конечно, я согласна! Даже мечтать о таком не смела! Спасибо! Спасибо!

— Смела, раз я все-таки оказался в курсе, — отозвался отец и отстранился. Его всегда смущало проявление чувств на людях. — Мне не нравилась идея позволять тебе принимать роды у овец и лечить чумку. Но если ты сосредоточишься на рыбном хозяйстве, я сочту это приемлемым. И, разумеется, доля от прибыли станет частью твоего приданого. Со временем ты обретишь достаточную самостоятельность, а там время покажет.

А мой отец, оказывается, был более демократичных нравов, чем я ожидал. Что ж, следовало порадоваться. Матвеев тут же подскочил к ним — даже сейчас он не выпускал из рук свой портфельчик.

— Я нашел подходящее учебное заведение для Ольги Николаевны. Петропольское морское рыбопромышленное училище. Поступление возможно после девяти классов обязательной школы. А по окончании возможно поступить в несколько профильных университетов...

Глаза Оли загорелись жадой.

— Я сейчас как раз прохожу программу десятого года... Учебный год в училищах начался всего пару месяцев назад. Быть может, я смогу успеть подготовиться, чтобы прийти туда уже на второй семестр? Тогда мы не потеряем время...

Максим Романович задумчиво погладил бородку.

— Придется договариваться с руководством, но с учетом ваших успехов в учебе... Полагаю, можно попытаться это организовать. В таком случае, пока мы будем хлопотать о вашем зачислении на второй семестр, вам надлежит подготовиться, чтобы пройти вступительные испытания в училище и сдать программу первой сессии.

Сестра явно решила хватать удачу за хвост.

— У меня все получится, — пообещала она. — Я пройду всю программу и не опозорю семью. Клянусь вам. И я... Я правда смогу здесь работать? Это действительно... Ну хоть в какой-то мере будет моим? Моим делом?

— Конечно, — ответил я. — Иначе ради чего я все это затеял? Начнем с разведения рыбы. Затем можно привести в порядок территорию, организовать посещения для рыбалки. Быть может, даже открыть здесь ресторан, где рыболовы сразу же смогут отведать свои трофеи... Словом, идей у меня много, но все по порядку.

Отец наклонился ко мне на ухо.

— Запиши их все перед отъездом. Мне нравится идея превратить Лепсари в место отдыха для богатеев.

— Разумеется, — кивнул я. — Чем больше гостей, тем крепче связи.

— Именно, сын.

Мы обошли еще несколько прудов, а когда возвращались к машинам, нас вышли встречать местные. Оля сияла, как начищенный медный таз для варенья — такой счастливой я помнил ее разве что в детстве. Да и вообще в этот день, в этот момент я ощутил какое-то сверхъестественное единение с семьей.

И главное — Род тоже отозвался благосклонно. Я ощутил, как сила, что текла внутри меня, словно окрепла. Как будто наше стремление работать над общим делом незримо сплотило не только живых, но и духов предков.

И именно в этот момент, видя сияющие глаза сестры, надежду во взгляде отца и самую искреннюю радость местных при нашем появлении, я наконец-то почувствовал себя дома по-настоящему.

— Точно все взял?

Оля суетилась вокруг меня с такой скоростью, что в глазах начало рябить.

— Да все готово, успокойся уже, — проворчал я и огляделся.

Да уж, не свезло провести дома так мало времени. Только все начало налаживаться, только удалось как-то всех сплотить после гибели Петра, которая, наоборот, всех разъединила... И вот уже настала пора снова покинуть Ириновку.

Накануне были проводы. Все мои пожитки давно собрали — неформальная одежда, белье, книги, полезные мелочи и прочее-прочее... Поэтому вечер мы провели все вместе — даже бабушка спустилась и грелась у камина, попивая выдержанный скотч.

А вот долгие прощания я всегда не любил. Оля крутилась вокруг меня потому, что была самой чувствительной и эмоциональной из всего семейства. Бабушке и отцу не позволила проявлять эмоции чопорность и старая закалка, а я... просто задвигал привязанность подальше, чтобы лишний раз не грустить.

— Автомобиль подан, ваше сиятельство, — оповестил Егор и подхватил мои сумки.

Семейство вышло на крыльцо проводить меня. Накинув пальто, я по очереди обнял каждого.

— Пиши письма, — попросила Оля. — Так часто, как сможешь. Пожалуйста.

— Только и ты мне пиши. Обязательно делись успехами в учебе. И я хочу знать, как продвигается рыбная история, — я обнял сестру и поднял глаза на отца. — Как смогу вырваться, сразу примчусь к вам. Надеюсь, на Рождество отпустят.

Я попрощался со всеми слугами, снова обнял Олю, чмокнул бабушку и пожал руку отцу.

— Не скучайте тут без меня, — улыбнулся я и направился к автомобилю. Егор как раз загрузил мои сумки в багажник.

Когда мы тронулись, я заставил себя не оборачиваться. Все же прикипел.

Но впереди меня ждал Аудиториум.

И я не должен был провалить задание.

Глава 8

Я достал вещи из багажника, вытащил из-за пазухи документы и, зажав их под мышкой, подхватил сумки.

“ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В АУДИТОРИУМ!” — гласила надпись на растяжке. Золото на ярко-синем.

Позади меня шаркнул шинами отъезжающий автомобиль, и я остался в одиночестве напротив распахнутых кованых створок.

Ну все, теперь назад дороги не было.

Собравшись с духом, я направился напрямик сквозь ворота, и меня тут же перехватил дежурный сотрудник.

— Добрый день! — поприветствовал тучный мужчина, на животе которого с трудом сходился китель. — Первый курс? На заселение?

— Да. Здравствуйте, — отозвался я.

— Тогда будьте любезны документики для проверки.

Взглянув на паспорт и приглашение на бумаге с вензелями Аудиториума, охранник вернул их мне.

— Все в порядке, ваше сиятельство. Добро пожаловать. Вам нужно пройти прямо до конца по дорожке, затем повернуть налево, обогнуть главный корпус и зайти с торца. Там на первом этаже будет кабинет 103. Найдете с легкостью. Там стоят указатели. Дальше вас сориентируют.

— Благодарю, — кивнул я и, обойдя шлагбаум, направился в нужном направлении.

Идти пришлось недолго. В прошлый визит, на Смотре, я успел немного освоиться, да и план острова на большом щите здорово помог. Главный корпус выходил одним флигелем к воде, а вторым глядел на парк. Место здесь, конечно, было роскошное. Всего через реку Петроградка — почти центр Петрополя, и я любил ее гораздо больше, чем все эти Дворцовые, Исаакиевские и прочие раскрученные среди туристов достопримечательности. Сам же Каменный остров был оазисом зелени среди бетона, стекла и кирпичей.

Нужный вход был как раз со стороны парка.

Подойдя ближе, я поежился от неприятных воспоминаний о теракте подручных Радаманта. Звон, крики, кровь... Словно осколок стекла снова царапнул между лопаток.

— Михаил!

Я вздрогнул и обернулся. Ко мне семенил Коля Сперанский. Рыжеволосый лекарь тащил здоровенный баул с одеждой. Я взглянул на две свои сумки и усмехнулся: значит, у меня все еще не настолько было и плохо.

— Тебя словно все бабушки мира собирали, — ухмыльнулся я и, бросив сумки, сгреб Сперанского в объятия. — Здравствуй, дружище! Как Поля с Борей?

Лекарь закашлялся и с трудом вырвался из моих объятий.

— Хррр... Нормально. Дуются, конечно, что не прошли. Завидуют немного... Или много... Но ничего, отойдут. Хорошо хоть, что живы остались.

— Это да. Ну что, идем заселяться?

— Ага. Интересно, как нас там распределяют? Я слышал, комнаты там на четверых. Интересно, можно ли договориться, чтобы нас разместили вместе?

— Даже если поселят в одной комнате, есть риск, что там же окажется, например, Денисов, — пожал плечами я.

Черт. А вот это было бы не очень приятно. Ну да ладно, разберемся на месте.

— Я готов дать взятку, лишь бы нас от него избавили, — проворчал Сперанский, и я покосился на него с усмешкой.

Чтоб Сперанский, этот праведник и идеалист, да решил кому-то давать на лапу... Это ж как нужно было довести парня? И, к слову, я не слышал, чтобы Денисов его как-то чрезмерно задира. Просто нелюбовь или я о чем-то не знал?

— А чего это ты его невзлюбил? — спросил я, пока мы искали нужный кабинет.

— Потому что он позорище не только своей семьи, но и всего сословия. Хорошо хоть, титул ему не достанется. А то как представляю, что однажды пришлось бы ему кланяться или воздавать какие-нибудь почести, так все нутро воротит.

— И только? — допытывался я.

Нет, в этой ненависти было кое-что еще...

— До десятого года мы учились в одной гимназии, — признался Коля. — В соседних классах. Он задира Полю и Борю, я пытался заступиться, но... Ты же сам видишь, я хилjak, а пользоваться Благодатью в общеобразовательных учреждениях запрещено. Пытался пару раз кулаками помахать, но ничем хорошим это для меня не кончилось. Потом мы разошлись на два года на домашнее обучение, и все почти забылось. А сейчас вот опять переживаю...

— У этого Денисова друзья-то хоть есть?

— Не друзья. Дружки, — зло выплюнул Коля. — Вот увидишь, он быстро сколотит свою шайку и начнет терроризировать остальных. Всегда найдутся желающие использовать его деньги, статус и безнаказанность.

— Знаешь, — тихо сказал я, — мне знаком такой тип людей. Такие понимают только силу. Пока не прижмешь так, что едва не раздавишь, не угомонится.

— Это Аудиториум, Миш, — шикнул на меня лекарь. — Здесь строгие правила. Я просто боюсь, что он найдет способ их обойти.

Но я был непреклонен.

— Если он не намерен их соблюдать, с чего мы станем терпеть его выходки? Полезет — пожалеет.

Сперанский лишь неодобрительно покачал головой.

— Порой я тебе удивляюсь, Михаил. Вроде из приличной семьи, а иногда говоришь такие странные вещи, словно вырос где-нибудь на Лиговке. В мире, где в наших руках сосредоточено столько силы, нельзя переходить черту. Таким, как мы, особенно важно соблюдать этикет и формальности. Потому что если мы начнем срываться с цепи, все превратится в хаос.

Забавно, что почти такими же словами в свое время Корф объяснял мне важность соблюдения законов. Только у Сперанского мотив был иной.

— Вот за это ты мне и нравишься, Коль, — улыбнулся я. — Ты гуманист. Да вот только мы живем ни разу не в гуманном мире.

Сперанский не стал спорить. Вместо этого он осторожно постучал в кабинет с медной табличкой 103.

— Входите! — глухо донеслось из-за двери.

Мы завалились внутрь прямо с сумками.

Дама дважды бальзаковского возраста опустила на нос очки-дольки и взглянула на часы.

— Первокурсники, так? — мы синхронно кивнули. — Что-то рановато вы явились. В приглашении же сказано, что прибыть надлежит в полдень. А сейчас половина одиннадцатого.

Коля взял инициативу в свои руки.

— Простите великодушно. Мы ехали из-за города. Переживали, что застрянем в пробках, а дорога оказалась пустой...

— Разумеется, пустой, — проворчала дама. — Сегодня же воскресенье. Ладно уж, юноши. Присаживайтесь, давайте документы. Будем искать, куда вас определили.

Отставив в сторону изящную фарфоровую чашку со спитым чаем, женщина царственно поднялась, проплыла через весь кабинет к стеллажу с массивными папками и, вытащив одну нужного номера, вернулась на свой трон.

— Так-так, господа... — взглянув на наши фамилии, она сверилась со списками зачисленных и принялась листать страницы. — Все наши студенты живут в Домашнем корпусе. Он расположен ближе к западной части острова.

“Еще Домашний корпус называют Крестом”, — прозвучал у меня в голове голос Коли. — “Потому что если смотреть на здание сверху, получится равноконечный крест. Почти что как Мальтийский”.

— В Домашнем корпусе четыре крыла, три из которых жилые. Северное крыло занимает преподавательский состав. Западное — мужское крыло. Восточное, соответственно, занимают женщины.

— А южное? — спросил я.

— В Южном крыле располагается столовая, Общий зал, залы для подготовки и мастерские. Не переживайте, наши студенты даже в самых многочисленных потоках никогда не жаловались на тесноту. У вас будет все самое лучшее из необходимого!

Дама рассказывала с такой гордостью, что я невольно улыбнулся, заразившись ее воодушевлением. Уже и самому не терпелось наконец-то взглянуть на местный быт. Тем временем сотрудница прочертила пальцем линию и наконец-то нашла нас.

— Соколов и Сперанский... Повезло, господа. Вы в одной комнате. Пятый этаж Западного корпуса, комната номер 507.

— Благодарю. Не соизволите ли уточнить, кто еще разместится вместе с нами?

— Отчего же не соизволить, — улыбнулась дама. — Господа Афанасьев и Ронцов. Ронцов, к слову, тоже ранняя пташка — уже отмечился у меня в списках. И сразу предупреждаю, господа, это учебное заведение, а не отель. Переселяться нельзя!

Мы с Колей одновременно выдохнули с облегчением.

Кто угодно лучше, чем Денисов. Окажемся в одной комнате почти полным составом, только жаль, что Малыша Рахманинова поселили не с нами. Эта гора мышц нам бы пригодилась в противостоянии дедовщине. Да и вообще Малыш казался мне парнем надежным.

— Интересно, по какому принципу наполняются комнаты? — не особенно рассчитывая на ответ, спросил я. — Или это внутренняя тайна Аудиториума, которую нам не доверят?

— Могу сказать лишь, что распределение строится на основе вашего взаимодействия друг с другом на испытаниях, — ответила дама. — Очень часто студенты обнаруживают соседями своих одногруппников.

“Все так и вышло. Только выяснить бы еще, кто этот Ронцов”.

“Выясним, не отвертится”, — ответил Сперанский. — “Есть у меня одна догадка”.

— Сердечно благодарим за помощь, — я забрал протянутые документы и поднялся. — Дозволено ли нам будет пройти в Домашний корпус?

Дама в странных очках снова взглянула на часы и вздохнула.

— Ну что же с вами делать, сиятельства... Дозволено, конечно. Не отправлять же вас на мороз да еще и с вещами. Ступайте в корпус, там сориентируетесь. Заодно будет время освоиться.

Мы с Колей еще раз рассыпались в любезностях и бочком-бочком выползли за дверь.

— Ну что, идем искать? — заметно приободрился Сперанский.

— Ага. Тебе с баулами помочь? Ты ж их до сюда-то едва допер.

— Нет, сам должен. Говорил мне отец, что помимо книг нужно уделять больше времени физкультуре, а я его не слушал...

Болтая о всяких безделицах, мы вышли на улицу. Народу заметно прибавилось: у ворот уже выстроилась настоящая очередь, и я обрадовался, что прибыл раньше. Не придется плясать на холоде.

Дорога в Домашний корпус лежала через парк — прямая, словно стрела, аллея вывела нас прямоком к Кресту. Мне понравилось, что здесь не прослеживалось какого-то особого замысла: деревья росли не по строгой линии, а как получилось. Не было по пять фонтанов на каждом шагу, да и редкие скульптуры застенчиво прятались в разных уголках. Словом, все было просто, как я любил.

А еще здесь было полно девиц на пробежках. Пришлось даже шикнуть на Сперанского, чтобы не паялился так открыто на девчонок в форменных тренировочных костюмчиках.

— Возможно, мне здесь даже понравится, — широко улыбнулся Коля, проводив взглядом очередную старшекурсницу с аппетитно обтянутым велюровыми штанами задом.

— Что-то я тебя раньше не уличал в подобном.

— А когда на это было время? — вздохнул лекарь. — К тому же на кого мне было паялиться? На сестру или на Ирэн, которая мне тоже как сестра? Но ничего, тут-то я и восполню пробелы...

В том, что в первые месяцы у нас будет время на что-то кроме учебы, я сильно сомневался. Первые два года в Аудиториуме были самыми кошмарными — по всеобщему признанию. Старшекурсники вспоминали “базу” как страшный сон, а “базисты” видели в самых счастливых снах только распределение по специализациям.

Так что на месте Коли я бы закатал губу обратно.

— Вот это дворец, — ахнул я, когда нам открылось все великолепие нашего нового пристанища.

Такого в моем мире точно не было. На Каменном острове в мои времена располагалась недвижимость, какую могли позволить себе либо высшие чиновники, либо очень удачливые бизнесмены. Но это были, как правило, сравнительно небольшие особняки. Здесь же Аудиториум взял масштабом.

Здоровенное шестизэтажное здание в стиле классицизма с аскетичным убранством и немногочисленными украшениями, тем не менее, внушало трепет и ностальгию по Девятнадцатому веку. От вереницы белых колонн рябило в глазах, свежеекрашенная лепнина над портиками и окнами создавала впечатление изысканной строгости. Наверное, такую красоту и воспевал в свое время Пушкин.

— Сразу видно — элитная общага, — пробубнил я под нос.

— Да этот дворец и на общежитие не похож, — отозвался Коля. — Сколько ж денег его величество сюда вбухал...

— Лучше нам не знать.

Финансовое положение Сперанских было куда безоблачнее нашего, но, тем не менее, деньги там считали. Вся троица моих друзей отличалась простотой в быту и удивительной для богачей неизбалованностью. Казалось, ребят с малолетства держали в черном теле и учили экономить. Поэтому Коля, как и я, обладал аллергией на расточительство.

— Пятьсот седьмая комната, — вздохнул лекарь, взглянув вверх. — На пятом этаже. На самую верхотуру нас забросят...

— Полагаю, как и всех первокурсников. Будем качать мышцы ног.

Роскошные створки дверей Домашнего корпуса были распахнуты настежь. Над нашими головами висела очередная приветственная растяжка, вход был украшен воздушными шарами и какими-то гирляндами — ну прям как на деревенской свадьбе.

Поднатужившись, мы подняли наше барахло по лестнице и оказались внутри гигантского холла.

— Ух ты...

Внутри все было убрано гораздо роскошнее, чем могло показаться снаружи. С потолка на толстенных цепях свисали хрустальные люстры с множеством висюлек. Сами потолки и стены были расписаны сценами из учебной жизни — каждой специализации посвящалась отдельная живописная картина. Наверняка работал какой-то именитый художник.

Не успели мы захлопнуть упавшие челюсти, как к нам тут же подбежал сотрудник в идеально выглаженном мундире, но со вспотевшим от беготни лбом.

— Первокурсники?

— Да! — хором отозвались мы.

— Сперанский и Соколов, — добавил я. — Направили в пятьсот седьмую.

— Ох, соболезную. Набегаетесь вы по лестницам, господа.

Мы с Колей переглянулись и припомнили наши догонялки на Полигоне.

— Ничего, не помрем, — улыбнувшись во все зубы, сказал лекарь.

Сотрудник кивнул.

— Тогда слушайте меня, господа. Слушайте внимательно, ибо вам здесь жить, даст бог, четыре года, а то и более. — Он указал рукой на шикарную лестницу слева от нас. — Там ваше крыло, Западное. Вы вольны перемещаться по нему беспрепятственно. Ваш этаж — пятый. На этаже есть общая гостиная, где вы можете проводить свободное время. Уборная есть в каждой комнате. Хвала стараниям их императорских величеств, тридцать лет назад здесь была полная перепланировка, и по утрам больше не нужно стоять в очереди, чтобы отлить.

Мы усмехнулись. А вот это и правда было элитно. Вспоминая студенческие общаги, в которых я бывал в прошлом мире...

— Стираем, гладим и убираемся сами, — продолжил сотрудник, но только сейчас я рассмотрел его знаки отличия и понял, что он был старшекурсником с восьмым рангом. — Слуг у нас нет. Все самостоятельно. Это дань традициям.

— Поняли.

— Еду проносить можно, но только ту, что может долго храниться вне холодильника. За подогретую рыбу в жилой комнате можно схлопотать по лицу от товарищей.

К этому у меня тоже вопросов не было.

— Так, что еще... — почесал затылок студент. — Думаю, пока с вас достаточно. Поднимайтесь, располагайтесь. В половину второго будет общий сбор и инструктаж, затем обед — увидите столовую и комнаты для занятий. А, да. Применение Благодати в жилых помещениях и вне занятий запрещено. За рукоприкладство тоже есть наказание, но... Вам, первокурсникам, от дедовщины не уйти.

Мы с Колей снова переглянулись. Я пожал плечами.

— Что ж, ожидаемо. Спасибо!

Подхватив вещи, мы поднялись по лестнице. Подъем занял куда больше времени, чем я ожидал. Видать, потолки на каждом этаже здесь были высоченные — на каждый этаж приходилось по два пролета.

Наконец, запыхавшись и упарившись, мы ввалились в ярко освещенный коридор с зеленым ковром и рядом портретов каких-то ученых дедов на стенах.

— Так... Вон она, пятьсот седьмая, — кивнул Сперанский. — Дверь открыта. Тетенька не ошиблась.

— Интересно, какая у него склонность, — задумался я.

— Сейчас и спросим.

Коля решительно распахнул дверь и бросил сумки на пол. Я осматривал комнату из-за его плеча. К нам спиной стоял низкорослый худой паренек в расстегнутом кителе. Он обернулся на шум и испуганно отпрянул.

— Нет... Не сейчас. Пожалуйста... — заикаясь, взмолился он.

— Ты о чем вообще, парень? — нахмурился Коля.

— Не бейте. Просто не бейте... Я не виноват, что попал сюда...

Глава 9

— Эй, парень, спокойно!

Я бросил сумки и, отпихнув Сперанского, осторожно, словно подкрадывался к дикому зверю, направился к Ронцову.

— Мы твои соседи по комнате, — добавил из-за моей спины Коля. — Никто тебя бить не собирается.

Щуплый паренек попятился, не сводя с нас огромных и выпученных от испуга глаз.

— Забирайте вещи. Сумки вон там, — он торопливо кивнул в сторону пары баулов, сваленных на одной из кроватей, и продолжил невнятно бормотать. — Только не трогайте... Вот же дерьмо... Первый день и сразу...

— Цыц! — внезапно рявкнул я.

В два шага оказавшись возле Ронцова, я схватил его за плечи, встряхнул и уставился ему в глаза.

— Еще раз. Слушай сюда. Никто тебя трогать не будет. Зуб на тебя не держим. Мы вообще понятия не имеем, кто ты такой. А вот представиться как подобает всем нам не мешало бы.

Кажется, моя небольшая грубость возымела желаемый эффект. Ронцов уставился на меня уже более осмысленно, моргнул пару раз, тряхнул головой, словно сбрасывал какое-то наваждение.

— Извините, — он глубоко вздохнул и, вернув самообладание, протянул мне руку. — Сергей Андреевич Ронцов. Шестой ранг. Особых титулов не имею.

— Если ты тот, о ком я думаю, то это ненадолго, — отозвался Сперанский и плотно закрыл дверь.

Благообразное лицо моего товарища внезапно приняло одновременно смущенное и обеспокоенное выражение. Мы по очереди представились Ронцову, и паренек вроде немного выдохнул.

— Догадка верна, ваше сиятельство, — отозвался Сергей и рухнул на кровать, подвинув сумки. — Я — тот самый.

Я метнул взгляд на Сперанского.

— О чем вы говорите?

— В этом давно нет никакой тайны. Весь столичный свет знает, — обреченно вздохнул Сергей. — Я — бастард князя Андрея Семеновича Воронцова. Потому у меня такая странная фамилия — Ронцов. Ублюдкам если и присваивают фамилию отца, то убирают первый слог или первую букву. Вот так я и стал Ронцовым.

Это многое проясняло, но не все.

— Прости за бестактность, но, судя по всему, ты весьма ценен для своего отца, раз тебе даровали не только урезанную фамилию, но и отчество князя, — сказал я. — И раз ты здесь, то и от рода княжеского не отсеки. А такое бывает в исключительных случаях.

Ронцов кивнул.

— Действительно, случай исключительный, если не сказать трагический. У рода моего отца есть все — Осколок, титул, обширные владения, земли, красивые поместья и дворцы во всех трех столицах... Но нет главного — прямого наследника. Все дети, зачатые в истинном венчанном браке, либо умирали во младенчестве, либо обладают очень слабым здоровьем. Но развестись отец не мог — на то нет серьезных оснований. Моя мать, актриса София Печорина, много лет была его любовницей — детей в этой внебрачной

связи долго не было, а затем чудом появился я. И... Отец не нашел в себе сил отрезать меня от рода.

— Пожалел?

— Скорее посчитал, что я могу стать его надеждой. Велел дать мне сокращенную фамилию, даровал свое отчество. Каждый месяц посылал нам щедрые суммы и настоял на том, чтобы я обучался в гимназии. А когда у меня пробудился дар к Благодати, да еще и не самый скверный... Словом, меня начали готовить в запасные наследники. Если единственная выжившая дочь его светлости скончается, то меня могут признать законным наследником.

Я сидел на кровати и слушал Ронцова с открытым ртом. Да уж, вроде и третье тысячелетие в этом мире на дворе, а некоторые порядки до сих пор оставались такими же суровыми, как в Восемнадцатом веке.

— Ладно, с этим прояснилось. Но чего ты такой дерганный? — Удивился я. — Вроде же княжеский сын, а это статус...

Сергей взглянул на значок моего герба и показал на свой.

— А ведь вы, Михаил Николаевич, должны меня понимать. У вас своя позорная перевязь, у меня — своя. Но если ваш позор можно смыть, вернув осколок семье, то мое происхождение не перепишешь и не замажешь. Весь свет знает, что я сын актрисы. И их не волнует, что отец мой — князь. По крайней мере сейчас, пока он не реализовал свои замыслы. Все знают, что я — “запасной” княжонок. Ублюдок. Не ровня. Это будет со мной и моим родом, если он от меня продолжится, до окончания веков.

— Сдается мне, ты, Сергей Андреевич, излишне драматизируешь, — попытался подбодрить его Сперанский. — История знает случаи, когда внебрачные дети аристократов и наследовали, и титулы получали, и пользовались уважением в свете... Так что не вешай нос. Сейчас, конечно, обращают внимание на происхождение, но и на достоинства личности смотрят. А ты вроде парень незлобный, хотя и трусоват.

— Да не хочу я всего этого, вот в чем дело! — внезапно вышел из себя наш сосед. — Не хочу, понимаете? Не нужны мне ни титул, ни эти богатства несметные, ни уважение всего Петрополя. Я просто хотел жить спокойно. А спокойствия никогда не было. Поначалу еще куда ни шло, а потом, когда наследники его светлости начали мереть как мухи из-за какой-то врожденной слабости, на меня обратили внимание все кому не лень. А никаких амбиций у меня нет. Не выйдет из меня хорошего князя.

Я улыбнулся.

— Ну, это мы еще поглядим. Ты лучше скажи, кто тебя третирует?

— Забелло... Меншиков... Перовская...

Коля хмыкнул.

— Все трое учились в Императорской гимназии Святого Петра. Выходит, ты, Сергей Андреевич, тоже выпускник “Петровки”?

— Ага. И зовите меня просто Сергеем. Не заслужил я еще обращения по имени-отчеству. Да и соседи же... Но это, думаю, ненадолго.

— Это еще почему?

— Потому что меня будут выдавливать отсюда. Не потерпят они соседства с ублюдком, говорю вам. Все это уже проходил в гимназии, с трудом доучился. Травили.

Мы с Колей переглянулись.

— Еще посмотрим, кто кого затравит, — не сдержав злости, ответил я.

Вот чего я всегда терпеть не мог, еще с самого детства, это когда шайкой накидывались на одного. Даже если за дело били или издевались, все равно это было нечестно. Меня, слава богу, в школе вся эта травля обошла стороной, но насмотрелся я всякого. И не гимназия у меня была, а обычная общеобразовательная школа в депрессивном районе с одинаковыми многоэтажками. И контингент там был, прямо скажем, далек от этикета.

И там если били, то до крови. Переломы случались. Девки цеплялись друг другу в волосы и дрались в туалете после дискотек — парней делили. Ботаничек зажимали по углам — то портфели резали, то стекла в очках били.

С мальчишками церемонились еще меньше. Ко мне пару раз пытались прицепиться — так сразу дал сдачи, как Петька учил — и отстали. А после того мог, тех сам спасал. Сколько раз получал в драке, пытаюсь отбить очередную жертву... Но и побеждал неоднократно.

Потому что ненавидел, блин, когда обижали слабых. Как представлял, что на месте очередной задротки-ботанички могла быть моя Оля, так сразу резьбу срывало и забрало падало.

Вот упало и сейчас.

— Миш, ты чего?

Сперанский таращился на меня как на инопланетянина.

— А что? — хмуро отозвался я.

— Да рожка у тебя резко стала зверская. Аж перекошило.

Объясняться я не стал, а вместо этого положил руку на плечо нашему соседу.

— Ты, Сереж, не бойся. Отбиваться я тебя научу. И чтоб я сдох, если ты у меня уйдешь из Аудиториума. Как бы ни сложилась жизнь дальше, диплом этой элитной императорской шараги — красная ковровая дорожка в будущее. А нам с тобой, как обладателям перечеркнутых гербов, нужно об этом заботиться особенно тщательно.

— Ну и выражения у вас, Михайникича, — прыснул Сперанский.

— Какие надо, такие и будут. Сереженька у нас найдет яйца и станет пробивать ими бетонные стены. Иначе я сожру все свои пуговицы.

Лекарь широко улыбнулся.

— Вот об этом я тебе и говорил. Иной раз поражаюсь, откуда у тебя все эти манеры.

Ронцов поднял на меня большие почти детские глаза. Он выглядел немного моложе своего возраста, но по его внешности точно можно было судить о красоте его матери — вроде бы князь Воронцов особой смазливостью не отличался, а вот матушкины гены передались парню как подобает. Темноволосый, с тонкими, но правильными чертами лица и острым подбородком, он вполне мог бы пользоваться популярностью у девчонок. Ничего, может и с этим вопрос решим.

— Спасибо, ваше сиятельство.

— Миша я. А это — Коля. К черту формальности. Еще наедемся ими досыта.

Сергей робко улыбнулся.

— Хорошо. Вы, кстати, на чем специализируетесь?

— Коля лекарь, я — универсал-боевик, — ответил за обоих я.

Ронцов уважительно кивнул.

— Вам хорошо. А я — будущий артефактор. Лабораторная крыса, в общем...

Мда, с самооценкой этому парню точно нужно было срочно что-то делать.

— Ладно, познакомились — давайте распределять кровати! — Перешел к насущному Сперанский. — Я хочу у окна. Напротив Сережи. Никто не против?

— Афанасьев еще не пришел, — возразил я.

— Кто первый встал, того и тапки! — безапелляционным тоном заявил Сперанский и бросил баул на кровать у правого окна. — В большой семье клювом не щелкают.

Я оглядел комнату, пытаюсь понять, какое из оставшихся двух мест могло лучше мне подойти.

Надо сказать, условия здесь были на уровне. Сразу у входа располагалась небольшая прихожая с вешалкой и полочкой для обуви. Дверь справа уходила в уборную с душевой кабиной. Слева была небольшая кладовка — весьма полезно, когда вместе живут четверо.

Сама комната оказалась не очень большой — едва влезли четыре кровати с тумбочками, стол с табуретками. На стенах развесили бра и полки для книг.

Осмотрев оставшиеся два места, я выбрал то, что было на стороне Сперанского — кровать примыкала к стене кладовки, а это всяко было лучше, чем слушать журчание воды в ванной комнате. Кроме того, на моей стороне деревянные панели, что занимали нижнюю треть стены, немного отходили и обнажали узкую щель — можно было расковырять ее и попробовать использовать как тайник. Большую вещь не спрячешь, но маленькая книжечка Корфа наверняка бы влезла.

Едва я раскрыл сумку, чтобы начать раскладывать вещи, как в дверь постучали. На пороге возник менталист Афанасьев.

— Привет первокурсникам! — весело обратился он и окинул жилище оценивающим взглядом. — А неплохо. Думал, будет хуже.

— Это же все-таки Аудиториум, а не простое училище, — ответил Коля и направился к Афанасьеву. — Привет, Гриша. Рад, что соседствуем.

Менталист поздоровался со мной, представился чуть повеселевшему Ронцову и вздохнул, обозрев последнее свободное место.

— У толчка, да? Ну да ладно, я не в обиде. Сам виноват, что задержался. Матушка все никак не могла отпустить. Она у меня дама чувствительная. Каждый раз прощается так, словно никогда не свидимся.

До самого звонка к обеду мы занимались распаковкой вещей и пытались обжить комнату. Коллектив у нас был мужской, за уютом мы особо не гнались, так что справились быстро. Сперанский успел обойти этаж и выяснить, где хранили гладильные доски и утюги — форму нужно было содержать в образцовом виде.

— Там на линейку собираются! — рыжая голова лекаря возникла в дверном проеме. — Потом обед. Я голодный. Айда в зал!

Возражений не последовало. Линейка у меня восторгов не вызывала, а вот поесть не мешало бы. У меня самого урчало в животе так, что становилось неловко. А Ронцова никто не спрашивал — юного артефактора мы просто потащили за собой.

В коридоре царило столпотворение. Новоприбывшие первокурсники носились с чемоданами, сумками, постельным бельем и швабрами, стараясь успеть поскорее разместиться. Ронцов замешкался, и его едва не унесло потоком спешащих студентов, но мне удалось схватить его за шиворот и вернуть в наш маленький строй.

Спустившись по лестнице в общий холл всех корпусов, мы сориентировались по указателям и направились в Южное крыло.

Весь Домашний корпус ходил ходуном. Со всех трех жилых корпусов вниз стекались ручейки девчонок, мальчишек и преподавателей. Старшекурсников можно было отличить по целеустремленным взглядам и уверенному лавированию в толпе — эти уже прекрасно ориентировались.

Наконец, преодолев давку, мы поднялись на второй этаж Южного крыла и оказались в общем зале для сборов. “ИНСТРУКТАЖ ПЕРВОКУРСНИКОВ”, — возвещал указатель.

— Нам туда, — сказал Афанасьев и потащил нас за собой.

Общий зал оказался гигантским помещением с рядом высоких окон по одной стороне и убранными в тяжелые барочные рамы зеркала с другой. За счет этого визуально зал казался еще больше — здесь было много света, а с высоких потолков спускались хрустальные люстры с множеством сияющих подвесок.

— Здесь проходят все общие собрания, балы и церемонии, — пояснил Коля. — Мне отец рассказывал. Говорил, самое прекрасное — это Рождественский бал, который здесь дают для студентов. На нем он с моей матушкой и познакомился.

— Романтично, — буркнул я, протискиваясь сквозь толпу растерянных первокурсников.

Юношей распределили в ряд по одну сторону зала, девушек — по другую. В середине работали старшекурсники и преподаватели — помогали распределять, указывали на места, улыбались и приветствовали. Атмосфера царила не торжественная, но воодушевляющая. Столько пар глаз горели радостью и надеждой. Оно и понятно — у всех, кто здесь собрался, начинался новый этап в жизни.

Наконец, когда всех построили, к нам вышел уже знакомый мне Зуров. Позади него стояла Адлерберг и еще один незнакомый мне молодой преподаватель. Наверняка тоже из команды советника ректора по работе с абитуриентами.

— Приветствую вас в стенах Аудиториума! — хорошо поставленным голосом сказал Зуров, и его слова легким эхом отозвались от сводов высокого потолка. — Сегодняшнее собрание носит организационный характер. Я расскажу вам, как будут проходить ваши первые дни в нашем учебном заведении.

Все напряженно молчали. Стараясь уловить каждое слово.

— Итак, господа первокурсники, распорядок дня следующий. Подъем в шесть утра, приготовления, завтрак, затем начало учебы. Учебный день делится на два блока. Первый начинается в 8 или 9 утра и длится до полудня. Затем перерыв на обед и отдых, после — учеба до трех часов дня. Затем свободное время, которое вы можете использовать для подготовки, спортивных занятий или внеучебной работы. Далее ужин и вновь свободное время. Отбой в десять вечера. Воскресение — день отдыха.

Ну, примерно так я и предполагал. Надеюсь, в библиотеке хватит места на всех.

— Каждому из вас будет предоставлена памятка с расписанием дополнительных занятий, факультативов и курсов, которые вы сможете посещать, а также контакты всех кураторов и сотрудников, которые смогут вам помочь и ответить на ваши вопросы. Актуальное расписание занятий с указанием аудиторий вывешивается на первом этаже Домашнего корпуса.

По залу прошел легкий ропот, но никто не задал вопросов.

— Завтра утром пройдет церемония посвящения в первокурсники. Форма одежды — парадная. Сбор в 9 утра в Главном корпусе. Затем вас распределят по первым занятиям. Обо всех новостях и мероприятиях вы сможете узнавать на стенде на первом этаже Домашнего корпуса. Памятки будут ждать вас в ваших комнатах после обеда. На этом все. Желаем вам счастливого первого дня. А сейчас прошу всех первокурсников в Трапезный зал на обед.

Зуров закончил речь, и мы начали потихоньку выходить к лестнице. В толпе я заметил Ирэн и помахал ей рукой, но нас отрезало друг от друга очередным потоком.

“Встретимся на обеде”, — услышал я ее голос в своей голове. — “Как ты?”

“Лучше, чем думал”.

Сгуртовав своих соседей, я спустился. На первом этаже Южного крыла все пространство было выделено под огромную столовую.

“ТРАПЕЗНЫЙ ЗАЛ”, — гласила массивная золотая табличка с черными буквами. Впрочем, аромат еды говорил сам за себя. Улучив момент, я остановился возле объявления в стеклянной раме.

— Коль, гляди, — указал я на большой лист бумаги, исписанный каллиграфическим почерком. — Это полезно знать.

Объявление распределяло потоки курсов по времени. Пищу здесь принимали трижды в сутки. Для первокурсников завтрак проходил с 7:00 до 7:30 утра. Обед — с 13:00 до 13:30, а ужин — с 18:00 до 18:30. Старшекурсникам позволялось спать подольше — у них время было смещено на час-два. Дедовщина-с.

Трапезный зал был похож на смесь таверны и заводской столовой, но с довольно изысканным интерьером. Столы здесь были длинные — метров по двадцать, по обеим сторонам от каждого стола располагались ряды лавок. А еду получали на раздаче: берешь поднос, идешь вдоль витрин с различными блюдами и просишь понравившееся.

Ассортимент, Впрочем, не изобилует разнообразием.

Сегодня на обед было два вида супа — борщ и щи, три салата, два вида мяса, одно рыбное блюдо и на выбор чай или компот.

— Интересно, можно ли здесь достать кофе? — услышал я за своей спиной голос Ирэн и обернулся.

— Нужно задружиться со старшими. Они точно знают.

— Уже жалею, что не пронесла сюда чайник. Представишь меня своим соседям?

Я спохватился.

— Конечно. Ребят, это Ирина фон Штофф. Моя подруга.

Коля расплылся в улыбке и обнял Ирку от души. Афанасьев одобритительно хмыкнул и галантно поцеловал ей руку, а Ронцов оробел.

— Ладно, вечером еще будет время пообщаться, — сказала Ирэн и, подхватив поднос, направилась к стайке девушек, метавших на нас заинтересованные взгляды. — Внизу у стенда увидимся.

Она отошла, и Ронцов восхищенно выдохнул.

— Какая красавица...

Сперанский ткнул меня в бок.

— Да, Михаилу нашему повезло.

— Ты б не болтал особо, — огрызнулся я и ткнул на кусок мяса. — Мне свинину с картофелем, пожалуйста.

Не успел я забрать свою тарелку, как Ронцов едва не сбил меня с ног, пытаясь пролезть мне за спину.

— Ты чего, Сереж?

— Они! — сирым от напряжения голосом проговорил он и указал на троицу разодетых ребят. — Помнишь, я рассказывал, кто издевался надо мной в гимназии? Все трое прошли... И они меня заметили.

Это я уже сам понял. Не сводя глаз с Ронцова, троица франтов — двое юношей и одна девица, решительно направилась в нашу сторону.

Глава 10

— Какие лююююди! Сереженька-пироженка! — высокая девица в короткой юбке и застегнутой на все пуговицы блузке хищно оскалилась и едва не нависла над побледневшим Ронцовым. — Надо же, прошел все испытания! Что ж, тем лучше. И тем веселее...

Театрально вздохнув, девица обернулась к своим спутникам, вытащила из рукава купюру и протянула ее двухметровому щеголю в шелковом шейном платке.

— Держи, Казимир. Ты выиграл. Правда, не знаю, к сожалению или к счастью.

Второй парень, самый низкий из этой троицы — бледный, почти что альбинос, но с противными полупрозрачными глазами и хитрой ухмылочкой — тоже передал купюру юноше по имени Казимир.

Тот победно хохотнул и сгреб добычу.

— Поднялся на двести рублей. Говорил вам, а вы не верили. Прошел же!

— Значит, теперь весь месяц будешь проставляться, — буркнула девушка. — И найди мне в этой дыре шампанское.

Я не выдержал и прервал разыгрываемую сценку покашливанием и встал между троицей и Ронцовым. Коля аккуратно придвинулся ко мне, закрывая потерявшего дар речи Сергея с фланга.

— Господа, вы точно ничего не перепутали? — холодно спросил я. — Это столовая, а не скачки.

Девушка тут же обворожительно улыбнулась, но от этой улыбки веяло ядом.

— Боюсь, нас еще не представили, — она протянула руку. — Княжна Марианна Перовская, дочь князя Перовского. А вы, судя по гербу, знаменитый Михаил Соколов. Таинственный юноша из рода без Осколка, поразивший всех невероятной мощью родовой силы... Что ж рада знакомству, Михаил.

— Казимир Забелло, — представился долговязый щеголь.

— Андрей Меншиков, — добавил альбинос.

— Николай Сперанский, — сквозь зубы процедил лекарь. — Теперь, раз мы представлены, извольте посторониться. Я очень не хочу споткнуться и испортить чей-нибудь костюм своим обедом. Ужасно глупый способ нажить себе врагов в первый же день...

Троица задир переглянулась. Перовская поправила уложенные волной волосы и ткнула Сперанского в грудь длиннющим ногтем.

— Разумеется, ты можешь идти, симпатяжка. Потому что у нас есть дело к нашему старому другу. Наедине. Сережа! Выходи-ка сюда...

— Ваш друг идет с нами, — ответил я и, взглянув на Ронцова, кивнул в сторону столов. — Если желаете, можете присоединиться к нашей трапезе. Но, боюсь, уединиться с ним вам не удастся.

Девушка вмиг изменилась в лице.

— Защитничков нашел, а, Сереженька? — прошипела она. — Знаешь же, что это плохая идея. И тебя это не спасет.

— Чего вы к нему прицепились, а? — не выдержал Сперанский.

На нас начали поглядывать остальные ребята из очереди. Нам пришлось отойти от линии раздачи, и теперь на нас пялились все, кто ждал свою порцию. Может и к лучшему, что у этого спектакля появились зрители.

Забелло положил руку на плечо Перовской.

— Марианна, остынь. Он ведь знает, что теперь никуда не денется. Отсюда не сбежать.

— На кой черт вам сдался этот Ронцов? — повторил я. — Что он вам сделал?

— При всем уважении это не вашего ума дело, Михаил, — отрезал Забелло.

— Боюсь, это не так. Ронцов — мой сосед. Поэтому если вы улучили его в чем-то недостойном, я буду признателен за информацию.

— О да, кое в чем недостойном он действительно уличен, — желчно ответила княжна. — В недостойном происхождении.

Я рассмеялся.

— Я знаю, что он бастард. И все знают. Только отчего-то это смущает лишь вас. Еще причины?

— Михаил, — обратился ко мне Забелло, — Пожалуйста, идите трапезничать. И друга своего прихватите. А Сергея оставьте нам. У нас с ним старые счеты, еще со школы. И на вашем месте я бы поразмыслил о том, как репутация вашего рода отразится на вашем пребывании в этом учреждении. Аудиториум — место для истинной аристократии. И если вы продолжите лезть в наши с Сергеем дела, боюсь, вам здесь тоже будут не рады. И даже родовая сила перестанет служить вам защитой.

— Это угроза? — холодно улыбнулся я.

Ну давай. Давай, лощеный урод. Просто дай мне повод.

— Дружеский совет, конечно же, — растянул губы в улыбке Казимир Забелло. — Я бы предпочел, чтобы мы не враждовали. Это в ваших же интересах. Не стоит ссориться с князьями.

— Я не вижу здесь ни одного князя.

— О, мы им станем.

— Мне интересно другое, — я повернулся, позволяя Сперанскому увести Сергея к столам. Афанасьев последовал за ними, прикрывая тыл. — Если объект вашей ненависти все же получит титул и унаследует все состояние Воронцовых, что вы будете чувствовать? И сможет ли он забыть то зло, что вы ему причинили?

Не дождавшись ответа, я проследовал к столу, где едва успели расположиться мои соседи. Княжья троика метнула на нас гневные взгляды, но за нами не поплелась. Перовская развернулась на каблуках и стремительно направилась в противоположную сторону.

— А теперь объясните, что это было и что все это значит? — менталист Афанасьев уставился на меня и с силой воткнул вилку в шницель. — И какого рожна трое княжичей охотятся на этого мелкого заморыша?

Я вздохнул и с сожалением взглянул на совершенно холодный обед.

— Долгая история. Пусть Ронцов расскажет все сам.

Но не успел Сергей рассказать менталисту обо всех перипетиях своей судьбы, как его оборвал Коля.

— Глядите, — прошипел он и указал на дальний стол. — Нет, ну они серьезно? Говно к говну липнет, вот воистину!

Я осторожно обернулся и едва не заржал в голос.

Естественно, эта троица уселась за один стол с Денисовым и его шайкой.

Ну как же могло быть иначе?

— Душ свободен! Ну что, готовимся к нападению? — Афанасьев вышел из уборной и, повесив полотенце на батарею, оглядел комнату. — Можно забаррикадировать дверь, чтобы не смогли вломиться. Или подвесить ведро с водой, чтобы пролилось на первого вошедшего... Или приделать звоночек, чтобы зазвенел, если кто-то войдет...

— Не придут они сегодня, — ответил Сперанский. Сбросив обувь, он вкручивал новую лампочку в свой светильник. — Еще недостаточно организовались. Они придут, обязательно придут. Но позже.

Заставляя себя не засыпать, я сидел на кровати и ждал сигнала к отбою. Нужно было дожждаться, пока все мои соседи крепко отрубятся, и попытаться затолкать книгу с ручкой в тайник. Здесь оказалось куда меньше вариантов, чем я ожидал, и щель в деревянных панелях выглядела самой надежной.

Кажется, Афанасьев спрятал сигареты под подоконником — несовершеннолетним курить было запрещено, но парень явно шалил с никотином. Сперанский притащил из дома бутылку коньяка и держал ее в кладовке за швабрами и вениками.

Но мои тайны следовало охранять с особой осторожностью.

— Хуже всего, что они объединятся против нас. Мы теперь их общие враги, — отозвался я. — На нас с Колей точит зуб Денисов. На Серегу — княжичи. И у них куда больше вариантов напасть, чем просто устроить нам “темную”.

— Значит, нужно придумать, как обеспечить им теплый прием, — заключил Афанасьев. — Понятия не имею, как вы умудрились разжиться вражинами лютыми так быстро, но от драки бежать не буду. Это весело.

Восторгов нашего менталиста я не разделял, но решил не портить ему настроение. Вместо этого я повернулся к Ронцову.

— Сереж, завтра подумай, что из артефактов можешь сделать на предупреждение об атаке. Нужно подобие сигнализации в комнате. Желательно — с распознаванием своих. Сдюжишь такое?

Ронцов почесал лохматую макушку. Он уже залез под одеяло, да и Сперанский забрался в кровать.

— Своих можно распознавать по слепку силы или по крови. Это просто — я придумал, как такое сделать. А вот чтоб прямо сигнализацию... Такого я еще не придумывал.

— Ну, время у тебя будет, хотя и немного. И еще нужно согласовать это заклинание с комендантом. А то прилетит по башке, — ответил я. — Ладно, народ, спим.

Афанасьев наконец-то уgomонился, залез под одеяло и через некоторое время мерно засопел. Я прошелся по комнате, выключил лампы, но оставил шторы не задернутыми — лунного света должно было хватить, да и небольшой фонарик из дома я прихватил.

Сколько я лежал, не знаю, но когда Сперанский начал похрапывать, приступил к делу.

Первым делом хотел повесить непроницаемый купол, но вовремя спохватился — применение Благодати без разрешения в жилых комнатах было запрещено. Да, слишком уж я привык полагаться на силу. Сейчас предстояло почувствовать себя обычным человеком.

Осторожно спустившись с кровати, я сунул ноги в тапки и бесшумно обошел свое ложе. На ощупь нашарил отошедшую доску и пальцами нащупал ту самую щель. Блин, лишь бы влезла и не застряла — не хватало еще порвать книгу. Тогда Корф меня точно по головке не погладит.

Света чертовски не хватало. Пришлось почти всем корпусом залезть под кровать, и сделать это бесшумно оказалось той еще задачей. Стараясь возиться как можно тише, я зажал в зубах маленький фонарик и зажег свет.

Так... Вот она, нужная досочка. Лак отошел — красили давно. Плинтус тоже был старый и, к счастью, его не прибивали гвоздями наглухо. А халтурный ремонтник-то, как оказалось на поверку... И уж больно хорошо доска

отходила, словно я был не первым, кто додумался там что-нибудь припрятать. Правда, больше пачки сигарет туда было трудно что-то впихнуть.

Я отодвинул доску и посветил внутрь. Так и думал — места оказалось мало. Мне в нос попал ком пыли, и пришлось зажать ноздри, чтобы не чихнуть. От этого действия заложило уши. Мерзкое ощущение.

Придерживая доску, я запихнул в тайник книгу, но ручка не помещалась. Проклятье. Ладно, ее спрятать будет проще. Вернув доску на место, я с усилием придавил ее и зажал плинтусом. Еще раз оглядел — вроде ровно, глаз не режет. Сойдет. Выключив фонарик, я осторожно, стараясь не елозить ногами и задницей, вылез из-под кровати.

И, обернувшись, едва не заорал.

На меня в упор смотрел Ронцов. Своими огромными глазами и почти не моргая.

— Йоптваю... — выдохнул я. — Серег, ты чего?

— А ты чего? Я шум услышал, возню какую-то. Подумал. За нами пришли. Сплю я чутко... Что там было?

— Да мыши, кажется, завелись. Услышал писк, вроде даже разглядел ее — а она юркнула под кровать.

— А ручка тебе зачем? — улыбнулся Ронцов. — Заколоть хотел?

— Да схватил первое, что под руку попало.

— Аааа... Ты не пугай так больше.

— Ты тоже.

Блин, а ведь и правда сердце едва в пятки не ушло. Вроде и безобидный этот Ронцов, а было в нем что-то жуткое. Ну либо это мне уже начала постоянно всякая жуть во всем подряд мерещиться.

Ручку я спрятал в вещах, рассчитывая утром перепрятать понадежнее. Да и сама по себе она не вызывала подозрений. Обычная, заправляемая, пишет синим. Главное, чтоб не стащили ненароком. А то часто бывает — одолжишь и забудешь, потом ищи, кому дал.

И только после того, как Серега улегся и засопел, я позволил себе закрыть глаза и почти мгновенно отключился.

Противнейшая трель старого механического будильника прозвучала так неожиданно, что я едва не подпрыгнул к потолку.

— Да что ж такое!

Я взглянул на циферблат. Шесть утра. Мда, отвык я подниматься в такую рань, ну да ладно, деваться некуда. Даже не открывая глаз, Афанасьев на ощупь пошарил ладонью по тумбе, нащупал адски вопящий агрегат и отключил его. И тут же снова рухнул на подушку. Даже захрапел, зараза такая.

Всех перебудил, кроме себя.

Я уселся на кровати с ногами, не сводя глаз с будильника. Давно не встречал такой древней шайтан-машины. Были в моем мире такие черно-белые будильники в “Икее”. Стоили недорого, полностью механические. Трещали так, что могли мертвого поднять — аж зубы сводило. Как-то я подарил такой своему другу Сереге, потому что он задолбал просыпаться первую пару.

И вот примерно такое же чудовище сейчас не смогло разбудить Афанасьева.

Сперанский тоже мгновенно проснулся и сполз с кровати, ухватившись за сердце.

— Доброе, блин, утречко, — прохрипел я, уставившись на Колю.

— Так и заикой легко стать, — проворчал он, пнул кровать Афанасьева и заорал ему прямо в ухо. — Гриша! Подъеееем!!!

От его вопля проснулся и Ронцов. Встрепенулся, тут же сгруппировался и принял оборонительную позу. Ну и зашуганный он, конечно.

Афанасьева, казалось, было невозможно разбудить даже пушечным выстрелом над ухом. Сперанский по утрам всегда бывал не в духе. Он взял стакан со стола, дошел до ванной, набрал воды похолоднее и навис над менталистом.

— Не знаю, ты и правда так крепко спишь или прикидываешься, но если сейчас не проснешься, будешь сушить подушку.

Афанасьев не реагировал.

Мы с Колей переглянулись, и лекарь хищно оскалился.

— Ну ладненько, Гриша. Я тебя предупреждал.

Он набрал воды в рот и тут же распылил ее прямо в лицо Афанасьеву.

— Твою мать!

Менталист наконец-то распахнул глаза — ровно в тот момент, когда Коля прыснул на него водой снова.

— Какого хрена?!

— О, сработало, — ухмыльнулся рыжий лекарь. — Доброго утречка, спящая красавица.

Пока мы возились с пробуждением Гриши, шустрый Ронцов успел проскочить в душ. Ушлый парень.

— Чур я второй, — сказал я, кивнув в сторону ванной и взял сумку с мыльно-рыльными принадлежностями. — Кто последний проснулся, тот последним и моется.

Афанасьев скривился.

— Ну простите. Надо было предупредить, что я очень крепко сплю. А что, будильник не сработал?

Я просто отмахнулся. Оставив Колю и Гришу в комнате, зашел в уборную, открыл кран и принялся чистить зубы. Ронцов плескался в душе и напевал какую-то песенку на английском.

Параллельно я засек время, пытаюсь понять, сколько минут понадобится четверым сонным парням утром, чтобы привести себя в порядок. Форму мы отгладили еще вечером, ботинки начистили, так что с этим вопрос был решен. Организм требовал кофе, и я очень надеялся, что хотя бы по утрам в столовой его еще давали.

“Проснулся?” — веселый голос Ирэн раздался в моей голове.

“Ага. Доброго. У вас все нормально?”

“Да. За исключением того, что соседка по комнате устроила истерику, обнаружив, что забыла дома плойку для волос”.

“Вселенские проблемы”, — улыбнулся я.

“Кстати, ребята говорят, что внизу вывесили расписание и список групп. Зайди, узнай”.

“Хорошо. Спасибо. Встретимся за завтраком”.

Завтрак, к счастью, прошел без происшествий. Кофе в Аудиториуме все же давали, но назвать эту коричневую бурду кофе у меня язык не поворачивался. Экономил снабженец, ох как экономил... Впрочем, на обилие и качество еды жаловаться было грешно — кормили здесь почти что на убой. Лишь Ирка и остальные следившие за фигурой девчонки возмущались, что диетических низкокалорийных блюд здесь было маловато.

— Ну что, готовы? — спросила подруга, отложив вилку. — Нужно еще заскочить к стендам, узнать, в какой мы группе.

Мы отнесли подносы с грязной посудой к специальному окошку, поблагодарили улыбчивую пухлую судомойку в очаровательном белом чепчике с рюшами и отправились в общий холл.

— Ух ты! Мы вместе! — воскликнула Ирэн. — Смотри, Миш. Коля тоже с нами.

— И не только Коля.

Мне в глаза бросились и другие фамилии. И увиденное меня совсем не обрадовало.

Группа 1Б:

1. Григорий Афанасьев
2. Татьяна Белокрыльцева
3. Анна Грасс
4. Константин Денисов
5. Казимир Забелло
6. Матвей Исаев
7. Ольга Мартенс
8. Андрей Меншиков
9. Марианна Перовская
10. Виктор Рахманинов
11. Сергей Ронцов
12. Михаил Соколов
13. Николай Сперанский
14. Мария Хилкова
15. Ирина фон Штофф

— Твою мать, — хором прошипели Сперанский и Ронцов.

— Это что же, теперь торчать два года в одной группе с этими сволочами? — добавил Сережа.

— Полагаю, да, — задумчиво отозвалась Ирэн. — Белокрыльцева — это хорошо. Мартенс — тоже хорошо. А

вот Перовская, Грасс и Хилкова — плохо.

— Почему? — спросил я.

— Грасс — стерва. Перовская — вообще избалованная отмороженная тварина. Хилкова — слабая. Могут задавить.

— Грасс — стерва, но с головой на плечах, — возразил я. — С ней можно договориться. Про Хилкову ничего не знаю. А вот Перовская — да, опасна. Но куда больше меня беспокоит, что в списке и ее дружки.

Сперанский и Ронцов мрачно изучали фамилии. И в этот момент я услышал хихиканье за нашими спинами. Обернулся — и почти что лицом к лицу столкнулся с Константином Денисовым.

— Ну здравствуй, Соколов.

— И тебе не хворать, Костик, — невозмутимо ответил я. Нельзя показывать, что эти новости хоть как-то нас задели.

Денисов бросил беглый взгляд на список.

— Что, уже увидели новости? Воодушевляет?

— Интересный состав.

— О да. Меня особенно радует, что княжеская троица с нами. Тем интереснее будет учебный процесс.

Слышал, ты уже в защитники обездоленных заделался, Соколов? Подобное к подобному, да?

— Полагаю, вы с Забелло иллюстрируете эту присказку куда точнее, — с вежливой улыбкой отозвался я.

Денисов наклонился к моему уху.

— Я ведь обещал, что не дам тебе жизни в Аудиториуме. А теперь ты подкинул мне гораздо больше причин от тебя избавиться. Ты ответишь за позор моего брата.

Я вскинул подбородок и уставился ему прямо в глаза.

— Хочешь войны?

— Я ее тебе объявляю. Учти, Соколов. Всякий, кто окажет тебе расположение, станет и моим врагом. Нашим врагом — вокруг меня уже объединяются те, кто не хочет терпеть всякую шваль вроде тебя и бастардов в священных стенах Аудиториума. Разве что Штофф я пощажу — эта красotka мне нравится, и я с удовольствием с ней развлекусь. У тебя на глазах.

Я холодно улыбнулся.

Да, Коля был прав — Денисов уже начал сколачивать банду. Ну что ж, придется ему ответить. А с врагом лучше всего воевать его же методами. Единственный способ дать серьезный отпор Денисова и прищучить его — сделать свою банду.

— Многовато слов и мало дела, Костя, — не сводя с него глаз, я улыбнулся. — Значит, война.

Глава 11

— Прекрасно, Соколов.

Денисов ухмыльнулся, крутанулся на каблуках и веселой походкой направился к ожидавшей его у выхода троичке княжичей.

— О чем вы говорили? — Ирэн тронула меня за плечо. — Интуиция меня обманывает или у тебя будут проблемы?

— Не обманывает. Впрочем, еще неизвестно, к чему все это приведет. Держись от них подальше, Ир.

— Почему?

— Просто пообещай, хорошо?

Подруга пристально взглянула мне в глаза, словно пыталась прочесть мысли. Но применять способности она не стала.

— Не нравится мне все это, Миш, — обеспокоенно сказала она. — Если он споется с Перовской и компанией...

— Уже спелся. Как бы то ни было, разберемся, — отрезал я. — Не забивай себе голову этими разборками. Тебе учиться нужно.

“Тебе вообще-то тоже”, — ментально ответила она. — “Что бы там ни происходило, я рядом”.

“Спасибо, Ир”.

Я взглянул на часы и подозвал остальных. Нужно было спешить в главный корпус на церемонию.

Выйдя на улицу, мы пожалели, что не прихватили верхнюю одежду. Пешком от Домашнего корпуса до Каменноостровского дворца было минут десять, но за это время все мы успели продрогнуть до костей. Передвигались мелкими перебежками, ежились от пронизывающего ветра — вот тут-то и сказалось расположение острова. Когда вокруг тебя вода, дует отовсюду.

Главный корпус был торжественно украшен синими и золотыми шарами, гирляндами, и даже иллюминация работала в дневное время — Аудиториум вбухал много денег в создание праздничной атмосферы. Даже с улицы было видно, как ярко сияли большие окна.

Взбежав по лестнице, мы замедлили шаг, выдохнули. Девчонки поправляли растрепавшиеся прически, а мы с парнями расправили мундиры и проверили стрелки на брюках.

“ТАЛАНТЛИВЕЙШИМ — ДОСТОЙНЕЙШЕЕ!” — гласил золотой лозунг над украшенным императорскими вензелями входом. Не хватало лишь уточнения, что привилегия эта давалась только аристократам.

— Господа первокурсники! — окликнул нас один из старшекурсников с повязкой организатора на рукаве. — Прошу сюда!

Мы вошли в холл с потолком-куполом, и ахнули от восхищения. Главный корпус впечатлял строгостью и изяществом архитектурных замыслов. Но остановиться и как следует его рассмотреть нам не дали — распорядители тут же сориентировали нас и указали на лестницу — там, на втором этаже, располагался бывший бальный зал, ставший “актовым” после передачи здания университету.

Поднявшись по алой ковровой дорожке лестницы, мы очутились перед распахнутыми дверями зала. Там уже собрались почти все первокурсники, и я наконец-то смог посчитать, сколько нас получилось. Около полутора сотен — немалый поток.

Пока что нам не раздали нашивок с обозначением наших рангов и курсов, поэтому я не смог понять, как мы распределились по рангам. Но, полагаю, больше всего было “середнячков” — от седьмого до пятого.

Нас распределили в шеренги, но не по группам, а словно по росту. Юношей и девушек — отдельно. Все-таки в Аудиториуме явно пытались препятствовать установлению отношений, ну или хотя бы делали вид, что препятствуют. Что-то подсказывало мне, что все эти меры не имели никакого смысла, и проникнуть в женскую половину труда не составит. Другой вопрос — уединиться особо негде.

Едва мы заняли свои места, как прозвучали трубы. Двухэтажный зал наполнился грохотом фанфар. На балкон верхней галереи вышел уже знакомый мне добрый дедушка Фрейд.

— Его высокопревосходительство Владимир Андреевич Долгоруков, ректор Аудиториума Магико! — объявил невидимый глашатай откуда-то сбоку.

Акустика в зале была великолепная, ибо когда Фрейд заговорил, ему даже не пришлось повышать голос. Мы все отлично слышали. Да и ребята перестали шушукаться, осознав важность момента.

— Дорогие первокурсники! — Начал благообразный дедуля и обратил на нас по-отечески теплый взор. — Поздравляю всех вас с зачислением в ряды студентов Аудиториума. Для меня в году, помимо Рождества Христова, есть два счастливейших дня. Первый — торжественная церемония посвящения новых студентов, а второй — прощание с выпускниками. Ибо оба эти дня отмечены звездой надежды. Вы — наше будущее, будущее всей империи. Вы — наследники уважаемых родов, хранители и продолжатели традиций, светлейшие умы, на деяниях которых будет держаться наша великая страна...

Какая-то девица за моей спиной аж всхлипнула, растрогавшись душевной речью ректора. Фрейд тем временем продолжал.

— Когда я смотрю на вас — юных, полных энергии, жизни... Одаренных величайшим благом, что может быть доступно человеку — Благодатью, этим непостижимым могуществом, то чувствую особую гордость за то, что родился на этой земле. И благодарность Господу за то, что даровал мне судьбу, связанную с обучением лучших из лучших. Чтобы обучить вас, в Аудиториуме собрались лучшие наставники, умнейшие руководители, опытнейшие практики. Ибо вы, благородные наследники, являетесь достоянием всей нашей страны.

Говорил Фрейд, конечно, красиво — даже я заслушался, хотя всегда засыпал на подобных формальных мероприятиях.

— Это, несомненно, повод для гордости, — продолжил ректор. — Однако вам надлежит ежесекундно помнить, сколь великую ответственность на вас налагает этот статус. Отныне вы не просто студенты Аудиториума. Не просто наследники знатнейших фамилий. Вы — символ благородной службы государству и обществу. Вы — образец для подражания. Пример для всех. И потому я прошу вас, как отец просит своих детей, сохранять приверженность нашим ценностям, использовать знания и умения, что вы получите, с умом и на благо государя и его подданных. Ибо однажды может настать момент, когда именно вы станете щитом, мечом и

опорой нашей империи.

А мозги здесь промывали хорошо. Качественно так, с первого дня.

Ректор наградил нас широкой улыбкой.

— Каждому из вас, несомненно, уготована особая судьба, — сказал он. — И я настаиваю, чтобы вы обрели в Аудиториуме как можно больше полезных навыков и верных друзей. Я могу смело утверждать, что Аудиториум станет вашей второй семьей, где вы познаете взлеты, падения, победы, поражения и обретете бесценный опыт. Время, что вы проведете здесь, навсегда останется в вашем сердце. И я желаю, чтобы эти годы стали для вас счастливыми. От лица всего обширного преподавательского состава и студентов старших курсов я поздравляю вас с поступлением и с гордостью принимаю вас в наши ряды!

Снова грянула музыка, но вой труб утонул в трехкратном “Ура!”. Первокурсники — и я вместе с ними — драли глотки, воздавая хвалу.

— Славься Отечество!

— Славься Государь император!

— Славься Аудиториум!

“Перваки” ревели так, что аж стекла в окнах задрожали.

Речь, что ни говори, вышла славная. Воодушевляющая. И вполне вероятно, что Фрейд сам верил в свои слова — все же мне казалось, что для управления подобным учреждением нужно было сохранять приверженность идеям.

Ректор дал нам проораться, а затем жестом призвал к тишине.

— Мне всегда приятно видеть радость и надежду в глазах новоприбывших, — улыбнулся он. — Однако для того, чтобы стать настоящими первокурсниками, вам надлежит пройти через еще один традиционный ритуал и получить свои личные шевроны. И еще вы кое с кем познакомитесь.

Мы напряженно замолчали, и в зале повисла гробовая тишина. Фред повернулся куда-то в сторону и громко приказал:

— Пригласите Леонида Ивановича, пожалуйста.

Стоявший рядом со мной Афанасьев вытаращил глаза и обернулся ко мне.

— Да ладно! Неужели? Охренеть!

— Гриш, ты чего? — удивился я.

— Ленька! Они принесут Леньку!

— Не понял? Что за Ленька?

— Сейчас увидишь! Вот уж не думал, что нам так повезет. Ходили толки, что от этой традиции отказались. А, оказывается, сохранили...

— Да что там с ним? Кто такой, блин, этот Ленька?

— Тсссс! — шикнули на нас сзади. — Не портите удовольствие!

Судя по всему, я не знал чего-то очень важного и захватывающего, потому как, судя по лицам остальных “перваков”, сейчас должно было произойти что-то неординарное. Даже для Аудиториума.

Тем временем ректор исчез с балкона, а спустя минуту долгого и почти мучительного ожидания боковые двери зала распахнулись, снова грянули фанфары, и в помещения вошла процессия сотрудников Аудиториума.

Первым шел Фрейд — Долгоруков вышагивал с достоинством, даруя первокурсникам хитрые, почти озорные взгляды. Что за шалость он удумал?

Следом за ректором шли сотрудники — один с толстой папкой, еще двое с большими коробками. А за ними четверо охранников в форме со знаками отличия внутренней охраны вуза тащили на носилках какой-то странный предмет. Закрытый ящик из ценных пород дерева. Замыкали процессию четыре девицы в форме студенток. Все — писанные красавицы, явно отобранные для какой-то торжественной миссии.

— Прошу задернуть шторы, — на ходу распорядился Фрейд.

Словно по команде зал погрузился в полумрак. Плотные занавески, казалось, сами по себе сдвинулись, а люстры вспыхнули. Причем лампы в них горели не теплым электрическим светом, а потусторонним сине-зеленым.

Ректор занял место на трonoобразном стуле — ну как пить дать правитель маленького королевства. Ящик водрузили на стол перед ректором. Коробки опустили на пол и открыли — я не увидел, что в них было, но предположил, что наши шевроны. А в папке наверняка был поименный список всех первокурсников. Девушки-старшекурсницы встали в ряд возле человека с папкой.

— Представляю вам Леонида Ивановича Пантелеева, — с широкой улыбкой объявил Фрейд и жестом велел

открыть ящик.

Едва короб был снят, “перваки” хором ахнули. Кто-то тонко вскрикнул, кому-то стало дурно. Я же завороченно пялился на то, что мне открылось, не понимая, как подобное вообще было возможно.

Я ожидал чего угодно, но не этого.

В большой запечатанной банке плавала уродливая мужская голова. Возможно, в момент смерти он был молод, но раствор и время шарма ему не добавили. Раствор слегка светился тем же неестественным голубовато-салатовым светом, почти флуоресцировал.

— Господи, что это? — пискнул кто-то с дальних рядов.

Афанасьев обернулся ко мне и ухмыльнулся.

— Вооот, я же говорил.

— Это что вообще такое?

— Сейчас узнаешь, — поддерживал интригу менталист.

И в этот момент голова распахнула глаза — две светящиеся яркие точки без зрачков и радужной оболочки. Наверняка слепые.

— Свежая кровь! — скривила рот голова. Ее голос — хотя откуда там было взяться голосовым связкам — глухо звучал сквозь толщу раствора и банку. — Это хорошо...

Ректор поднялся со стула и подошел к голове.

— Полагаю, некоторым из вас известна история Леонида Ивановича, однако я освежу вашу память. Ибо господин Пантелеев — не только полезный сотрудник нашего заведения, не просто уникальный кадр, но и важный символ.

Я нервно сглотнул слюну. Как ОНО могло разговаривать, а уж тем более думать? Неужели это была фантазия какого-то безумного артефактора?

— Леонид Иванович Пантелеев родился в Тихвинском уезде в самом начале прошлого века, — прохаживаясь между рядами студентов, вещал Фрейд. — Происхождение имел незнатное, однако талантами Господь его не обделил. Леонид Иванович получил образование печатника и, переехав в Петрополь, работал в газете. Однако увлекся революционными взглядами и опасными идеями неонародничества. Сперва печатал подпольные агитационные листовки и газеты, затем закономерно попался. Однако на первый раз правосудие смиростивилось — император тогда не желал применять жесткие меры к инакомыслящим. Наоборот, тогда велась активная работа над созданием многопартийной Думы — представителя народа во власти. Тем не менее милосердие государя не тронуло Леонида Ивановича. Вместо того, чтобы вернуться к порядочной жизни, он занялся грабежами, разбоем и лишь укрепил связь с революционерами. Даже несмотря на то, что громкие восстания к тому моменту уже были подавлены, а главные зачинщики получили сроки или были уничтожены.

— Это ведь он взорвался? — прошептал кто-то из строя.

Фрейд кивнул.

— Именно так, но не совсем. После освобождения Леонид Иванович имел неосторожность вступить в террористическую ячейку, поставившую своей целью уничтожение Аудиториума и других государственных институтов, руководимых аристократией. Разумеется, Аудиториум был первичной задачей. Террористы задумали убийство ректора — тогда во главе учреждения стоял князь Алексей Михайлович Горчаков. Но, поскольку предполагаемая жертва была опасна и могла дать отпор, а в средствах террористы были стеснены и серьезного оружия себе позволить не могли, выбор пал на бомбу.

— И на ней-то он и подорвался, — хихикнул Афанасьев.

— Однако кое-что в планах Леонида Ивановича пошло не так, — улыбнулся ректор. — К несчастью для террористов, бомба взорвалась раньше времени. Господин Пантелеев не успел донести ее до Алексея Михайловича. Заряд детонировал... И от Леонида Ивановича осталось немного целых частей.

— А ректор выжил? — тихо спросил кто-то в толпе.

Фрейд кивнул.

— Князь отделался лишь легким испугом, и в тот день обошлось без жертв. Разумеется, мотивы террориста были ясны, и Алексей Михайлович, будучи высококлассным артефактором и обладая весьма своеобразным чувством юмора, даровал неудачливому террористу вечную жизнь... Процесс создания артефакта был крайне сложен и занял длительное время, однако голова Леньки Пантелеева стала настоящим шедевром искусства артефактории и символом победы порядка над террором. Благодаря помещенному внутри головы Осколку артефакт обладает разумом и сверхъестественными способностями. И сейчас каждому из вас предстоит более близкое знакомство с Леонидом Ивановичем.

Я снова уставился на голову со светящимися глазами и нервно сглотнул. Страшно было представить, что предполагало более близкое знакомство с этим чудовищем.

Тем временем ректор вернулся на свой трон и дал команду начинать. Человек с папкой раскрыл свой фолиант, шепнул что-то девушкам, и те принялись рыться в коробках.

— Семен Семенович Абамелик-Лазарев, — громко прочитал первую строку в списке человек с папкой. — Пожалуйте к артефакту, ваше сиятельство.

Юноша восточной наружности выступил из строя и, стараясь придать походке уверенности, направился к столу. Представ перед головой, он вопросительно взглянул на ректора.

— Прикоснитесь к стеклу, — сказал Фрейд. — Ну же, смелее, ваше сиятельство. Клянусь, никто вас не укусит.

В толпе послышались смешки. Ну да, смейтесь — судя по всему, каждому придется пройти через эту процедуру. Еще поглядим, как вы себя поведете, когда столкнетесь с заколдованной башкой налетчика лицом к лицу.

Закрывший было глаза артефакт внезапно распахнул полупрозрачные веки и принялся безумно вращать глазами яблоками.

— Что, Сема, стррррашно? — глухо хохотнула голова. — Не страшись, не кипешишь, Сема! Шестой ранг у тебя, соколик...

Продолжая вращать глазами, голова Ленки задвигалась в банке. Поднялись пузыри, словно фосфоресцирующий раствор начал кипеть.

— Лекарем будешь хорошим! — Наконец возвестила голова. — Талант к целительству. Наследственность у тебя хорошая, Сема, только по мужской линии многовато пьяниц. Ты это, Сема, к алкоголю не притрагивайся, коль не хочешь кончить как твой дед!

Абамелик-Лазарев побледнел — даже в этом странном свете было заметно, как с его лица сошли почти все краски.

— Все! Надое! — Взревела голова и крутанулась вокруг своей оси. — Дедуль, ну-ка дай мне коньячку!

С невозмутимым видом Фрейд снова поднялся с кресла, подошел к голове, осторожно снял крышку и, вытащив из-за пазухи флягу, налил немного янтарной жидкости в раствор. Голова Ленки Пантелеева тут же расплылась в улыбке.

— Другое дело, дедуль... Хоррррошо.... Следующего давайте!

Ректор обернулся к нам со снисходительной улыбкой.

— Вероятно, в том был замысел моего предшественника, но Леонид Иванович изволил разговаривать исключительно в привычной ему еще при жизни манере. Склонен к пьянству и фамильярничанью донельзя. Однако же все равно ценен. И рекомендую вам запомнить все, что скажет артефакт. Голова обычно не ошибается.

Абамелик-Лазарев получил из рук старшекурсниц шевроны с указанием ранга Благодати и номером курса.

Я же пристально глядел на голову Пантелеева и гадал: а если этот безумный артефакт сейчас растреплет всем, что я был призванным духом? Что мне тогда делать?

Глава 12

Так, Миха, спокойно. Послушаем, что Ленка расскажет об остальных.

Сотрудник с папкой продолжил вызывать первокурсников по алфавитному порядку. Вскоре очередь дошла до Афанасьева. Услышав свою фамилию, менталист широко улыбнулся и едва ли не вприпрыжку побежал к артефакту. Казалось, для него эта процедура была лишь забавой. Впрочем, для того, кому скрывать было нечего, все это и правда могло показаться очередной шаловливой аудиториумской традицией.

Интересно, была ли у этого действия еще какая-то цель? Мог ли артефакт тайком считывать какую-то информацию или действительно выполнял извращенную роль распределяющей шляпы из Гарри Поттера?

— Эх, Гррришаня! — Весело запрыгала голова в банке. — Экий ты затейник и шутник. Это мне нравится... Среди этих ученых лбов так мало тех, кто остался бесшабашным. Но ты, Гришаня, будешь пудрить людям мозги. Вот это у тебя хорошо получится. С девицами на посиделках точно проблем не будет, эхе-хе-хе... Одна беда — ранг свой ты уже никак не повысишь, разве что нажрешься тех каменюк, что на Урале добывают. Ибо основная линия силы ушла к твоему старшему.

Ух как бы мы накуралесили... Ладно, утомил ты меня. Молодой, борзый, но тут помимо тебя еще толпа ссыкунов. Так что проваливай. Следующего зовите!

— А мне — не очень.

Больше всего меня смущало, что все сказанное тут же становилось достоянием всего курса. С одной стороны, это было хорошо — можно было выведать что-нибудь интересное о своих предполагаемых врагах. С другой стороны, я перед ними тоже оказывался как на ладони. И не только я — Ронцов, Ирэн, Сперанский...

Оставалось надеяться, что на артефакт было наложено какое-нибудь ограничение, не позволяющее озвучивать семейные тайны и закрытую информацию.

“Перваков” продолжили вызывать по списку. Я украдкой подслушал, что голова рассказала о моей однокласснице Белокрыльцевой — ничего интересного, кроме того, что ей прочили будущее боевика. Хотя как боевик она не выглядела совершенно — невысокая и худая, почти болезненно, с жиденькой косичкой и залезанными волосами, открывавшими торчащие уши. Не красавица ни разу, но все впечатление исправляли большие чистые глаза. Прямо как у Толстого про Марию Болконскую. Явно скромница, хотя опыт подсказывал, что в таких тихих омутках водились самые зубастые черти.

Ноги затекли от долгого стояния, и это было лишь начало. Вызывающий не дошел даже до середины списка, и я предположил, что мероприятие займет много часов. Ну, к ужину, надеюсь, управимся.

— Коооооостя! Костя-Костя-Костя, цып-цып-цып, — развлекался Пантелеев. — Иди сюда, жопа высокомерная!

Кто-то в толпе не выдержал и откровенно заржал, но быстро заткнулся, поймав неодобрительный взгляд ректора. Красивое лицо Денисова аж перекосило от столь неподобающего обращения артефакта, но поделаться с Ленькой он ничего не мог.

— В отличие от тебя, я хоть передвигаюсь самостоятельно, — огрызнулся он, прикоснувшись к банке.

Пантелеев ухмыльнулся, обнажив потемневшие от раствора зубы.

— Да если б тебе это помогло. От судьбы не убежишь, Костян. Не пинок — так пуля догонит. Или, что в твоём случае вероятнее, чей-нибудь “Колобок”. Мозгов у тебя нет, а амбиций — до задницы. Беда твоя в том, что почвы под ними нет.

— Много ты понимаешь.

— О пулях, Костик, я знаю все, — еще шире осклабился Ленька. — Ух, Иисус Христос и мать его Мария... С ментальными талантами у всей твоей семейки проблемы. Артефакторов из вас тоже не выйдет. Боевиком можешь стать — только это тебе и светит.

— Меня устраивает, — отозвался Денисов.

— Ну коль устраивает, то и проваливай с глаз моих. — Голова повернулась в сторону ректора. — Дедууууль, еще коньячку, ради всех святых угодников!

— Ты мне еще побогохульствуй, — проворчал Фрейд и повторил процедуру с вливанием коньяка прямо в банку.

Я слушал и мотал на ус. Значит, у Денисовых родовая слабость к ментальным воздействиям. Это было хорошо — кое-что в этой области я уже умел. А вот боевик из него и правда мог выйти сносный. Если Константин окажется таким же мощным, как его брат, мне придется туго. Одно радовало — я тоже не собирался прохладиться на учебе.

Еще посмотрим, кто кого.

К моему удивлению, Голова не сказала почти ничего интересного ни про Забелло, ни про Перовскую. Разве что Марианне порекомендовал посвятить себя целительству и сказал одну странную фразу: “Пляши, пока можешь. Живи, девочка, каждый день как последний, потому что для тебя он последним и окажется”. Не то угроза, не то предупреждение, а может просто странный приступ философствования.

Перовская лишь расхохоталась, исполнила несколько па и, получив свои знаки отличия, впорхнула обратно в строй.

А Меншиков оказался менталистом. Причем ранг имел высокий — четвертый с перспективой подняться до “тройки”. И вот это уже было серьезно.

— Ронцов Сергей Андреевич! — Пригласили моего соседа.

Бледный как смерть Серега нетвердой походкой подошел к Голове. Едва он прикоснулся к банке, Пантелеев принялся прыгать, скакать и взбивать раствор в пену.

— О, ублюдочек пожаловал, — бестактно объявил артефакт. — Папа князь, а мама красивая, да? Бедняга ты, Серега. Сожрут тебя, цветочек аленький. Правда, коль сожрут, то подавятся. Ранг у тебя пусть и шестой, но может подняться, коли сделаешь все по уму и ежели с родней батьки твоего свезет. И артефакторию ты мне брось. Не к тому у тебя душа лежит, и не слушай ты всяких старых пердунов. Боевиком станешь.

Ронцов аж отпрянул.

— Нет... Нет, вы ошибаетесь.

— Я, мил человек, ошибаться не умею. Не вложили в меня такого заклинания. Что вижу, то и говорю, — назидательно ответил Ленька. — А ты, птенчик, еще жару задашь. Коли выживешь. Все, ступай. И так засюсюкался с тобой. Коньякуууу!

Пораженный услышанным, Сергей рассеянно принял шевроны из рук красоток-старшекурсник и направился в строй. Румянец вернулся на его щеки, но парень выглядел настолько ошарашенным, что не смог вымолвить и слова, когда кто-то к нему обратился.

“Ты как, Серег?” — обратился я к нему ментально.

Ронцов вздрогнул и обернулся ко мне.

“Удивлен”.

“Это еще мягко сказано. Но если Голова не ошиблась, то ты можешь стать крутым боевиком”.

“Прости, Миш, но мне с трудом в это верится. Ну какой из меня боевик?”

“Всякое бывает. По Коле тоже не скажешь, что он лекарь, да и по Грише, что менталист”.

“Угу”.

Ронцов явно не был настроен на общение, и я перестал мучить парня. Пусть переварит и как следует свыкнется с пророчеством артефакта. Интересно, знали ли в Аудиториуме о скрытых талантах нашего затравленного бастарда? И случайно ли подселили именно к нам?

Опять параноишь, Миха. Вечно видишь во всем двойное дно.

— Соколов Михаил Николаевич! — Позвали меня. — Пожалуйте к артефакту, ваше сиятельство.

Тщательно скрывая нервозность, я уверенно направился к Голове. За моей спиной шушукались — кто-то был наслышан об особой природе моей силы, иные уже были в курсе объявленной Денисовым войны. Короче говоря, я внезапно стал знаменит, даже не стараясь этого добиться.

— А он милый, — промурлыкала какая-то девица своей подружке, когда я проходил мимо них. — Надо бы познакомиться поближе...

Ага. Рискни здоровьем, дорогуша. Ирэн тебя так отблагодарит, что неделю будешь пускать слюни в подушку.

Вблизи Ленька Пантелеев оказался еще уродливее, чем я предполагал. Часть тканей отслаивалась, лицо неестественно перекосило, и было удивительно, что это создание вообще могло шевелить распухшими губами.

Едва я дотронулся до стекла банки, как раствор забурлил, закипел, а Голова скорчилась еще чудовищнее и завывала.

— Твою мать, дедуля! — крутанувшись вокруг свое оси, заорал Ленька. — Не мог раньше предупредить, что у него не Благодать?!

Фрейд лишь коротко хохотнул.

— Нужно было тебя наказать за дерзость.

Голова принялась бешено крутиться, тарасилась на меня — да так, что у меня от этой адской светомузыки все поплыло перед глазами.

— Ааааааа! Уууууууу! — выл Пантелеев. — Руки! Руки убери, с-сволочь! Изверг! Нерон! Навуходоносор! Свали от меня, дух проклятый!

Строй позади меня зароптал.

— Говори что знаешь! — я обхватил банку обеими руками и наклонился так, чтобы моя голова была на одном уровне с визжащим Пантелеевым. — Говори, но тихо. Иначе руки в раствор опущу. Понял?

— Ыыыыааааааа! Пусти! Пусти, я все скажу, — проскулила Голова.

Я убрал руки.

— Ну. Вещай давай.

— Дух... Дух родовой, — жалобно всхлипнул Ленька. — Больно мне от вас. Я ж на Благодать зачарован, а не на древнюю силу... Больно... Больно...

— Извини, Лен. Я тебе вредить не хотел. Обо мне что-нибудь сказать можешь?

— Род у тебя сильный. Ты наследник, и одарен в избытке, — глухо прошептал Пантелеев. — Все дороги, какую ни выберешь, будут твоими. Но выбрать нужно одну или две — это предел. Распылишься — не получишь ничего.

— Понял. А посоветуешь что?

— Наставник тебе нужен, Соколов. Но такого в этой школе ты не найдешь. Не здесь он обитает. Ищи в семьях, что сохранили родовую силу. В Аудиториуме выучись на ту специализацию, какая по душе придется — из тебя и менталист, и боевик толковый выйдет. А как выпустишься, ищи наставника, пороги обивай... Тогда-то ты свою силу и раскроешь.

— Так здесь же есть кафедра родовой магии, — возразил я.

— Есть, да что в том честь? Азы дадут, не более. Тебе нужен свой наставник. Сильный, из рода и большой историей. Понял?

— Понял. Благодарю, Леонид Иванович.

— Уууу! Прочь поди от меня! — забулькала голова. — Коньяку! Коньяку! За вредность!

Я развернулся, забрал шевроны и зашагал на свое место. Теперь на меня уже откровенно пялились.

— Родовая сила? — шушукались в строю. — Охренеть!

Подмигнув Афанасьеву, я занял место подле него.

— Хорошо шоу? — Спросил он.

— Ага. Мне понравилось.

— Сперанский! Сперанский Николай Геннадьевич! — вызвали лекаря.

Коля шустро выбежал из строя и направился к успевшей прийти в чувство Голове.

— Ты хоть с Благодатью, надеюсь? — проворчал Ленка.

— От меня сюрпризов не будет.

— Это хорошо. А то я аж весь горю. Этот Соколов меня чуть не вскипятил! — ябедничал артефакт. — Ну иди сюда, Коля-Колюшка.

Сперанский прикоснулся к банке, и Пантелеев крепко призадумался.

— Что-то не так? — после долгого молчания спросил лекарь.

— Да вот докумекать пытаюсь, как это так — стоит передо мной один, а должно быть трое.

— А, у меня еще брат и сестра есть. Не поступили.

— Жаль. Это большое упущение, — отозвался Ленка. — У вас, Коля, одна душа на троих. И сила тоже одна на троих. Коли вместе работаете, становитесь сильнее, а порознь слабеете. Химию изучал? Знаешь же, что бывают реакции, когда по отдельности элементы вполне себе непримечательные, а как смешаешь их — так кааааак бабахнет!

Голова выпучила безумные глаза и ухмыльнулась.

— Короче, Коля, в одиночку ты кой-чего можешь, но с братом и сестрой станешь куда сильнее. Нельзя вам разлучаться. Хочешь добиться успехов в Благодати — пусть они на следующий год поступят.

— А специализация?

— Да лекарь ты. Скучный душила. Ничего в тебе интересного, когда ты один. Говорю же. Вот коли втроем придете — тогда скажу больше. Выясним, на что вы способны, когда объединитесь.

Сперанский отнял руки и чуть поклонился.

— Благодарю, Леонид Иванович.

— Ой, иди уже!

Я пристально вглядывался в лицо Коли и понимал — сказанное Головой его не удивило. Знал или догадывался? А может и сам понял — чай не один год вместе с Полей и Борей тренировались. Но эффект, конечно, был интересный. Осталось выяснить, насколько Сперанский просел в своем потенциале, оторвавшись от родни.

К тому моменту, когда вызвали Ирэн, я уже едва мог стоять на ногах и старалсяшний раз не думать о мочевом пузыре, который был готов разорваться от утреннего кофе. Знай я, что это мероприятие так затянется, фигушки бы стал пить эту невкусную мочегонную бурду. Но когда вызвали Ирину, мучения отошли на второй план.

Подруга летящей походкой подошла к Голове и приложила маленькую ладошку к банке.

— Ишь какая краля, — сально улыбнулся Ленка. — Не бойся, милочка, иди ко мне. Я тебя не обижу. Люблю блондиночек. Ты же натуральная, да?

Ирэн кокетливо улыбнулась.

— Хороша девка, ничего не скажешь, — продолжал сыпать грубыми комплиментами Пантелеев. — И сколь красива, столь же сильна. Ты, Иришка, поздно расцвела, да?

— А это важно?

— Для женщин, одаренных Благодатью, важно, — внезапно отринул грубости артефакт. — Чем раньше расцветаешь, тем быстрее развивается сила. А ты у нас поздний цветочек. Так что ранг у тебя еще подрастет. Может до пятого, а то и до четвертого — точнее не скажу. И менталистка из тебя выйдет не просто толковая, а выдающаяся, коли головой работать будешь. Одна твоя беда — стоит вон там в строю. Ты будь поосторожнее, милая.

Афанасьев с ухмылкой покосился на меня.

— Значит, букетик еще не сорвал? — широко улыбнулся он.

— Гриш, заткнись. Не твоего ума дело.

— Ой, да я ж по-дружески. Ну да ладно, береги. Такой бриллиант и правда нужно сперва поместить в достойную оправу.

— Тоже мне ювелир нашелся, — огрызнулся я.

— Ювелир-не ювелир, а в резьбу попадаю.

Я приложил ладонь к лицу, испытывая испанский стыд. Угораздило же соседствовать с таким юношей. А ведь на испытаниях казался приличным человеком.

Ирка тем временем получила шевроны, вернулась в строй, и я с надеждой взглянул на наручные часы. Обед мы уже пропустили. Ну да ладно — лишь бы очереди в толчок не было.

После Ирэн вызвали еще двоих, и на том знакомство курса с Ленькой Пантелеевым завершилось. Когда в строй отправили последнего первокурсника, ректор поднялся со своего трonoобразного стула, долил остатки коньяка в раствор и приказал унести артефакт.

— Итак, господа первокурсники, теперь вы — полноправные члены нашего сообщества, — обратился к нам Фрейд. — У нас принято, чтобы шевроны студенты пришивали самостоятельно. Поэтому утром мы ожидаем их на вас увидеть. А сейчас прошу в Трапезный зал, где для вас накрыт праздничный обед. После вас ждет экскурсия по учебному корпусу.

Едва двери распахнулись, я пулей вылетел на поиски туалета. И я, впрочем оказался не единственным — видел бы школьный физрук, как мы сейчас бежали. Едва успел — еще минута — и случился бы неминуемый конфуз.

Когда миссия была успешно выполнена, я нашел соседей, и вместе с ними мы направились в Трапезный зал.

Обед действительно закатали роскошный. Столы были уже накрыты, и я заметил, что на этот раз у каждого места была карточка с именем конкретного студента. Найдя свою и прочитав соседние, я понял, что нас распределили по группам — вероятно, так руководство надеялось дать нам возможность познакомиться.

Усевшись на скамейку между Колей и Серегой, я оглядел нашу группу. Денисов и княжичи держались особняком и вели себя осторожно. На всякий случай я придвинул тарелку поближе к себе — с этих моральных уроков станется плюнуть в салат.

Денисов вгрызся в бутерброд с красной икрой и, прожевав, уставился на группу.

— Сейчас нам предстоит решить, кто станет главным. Как оказалось, у нас аж целых два претендента на первенство.

— Это обязательно? — отозвалась Анна Грасс. Хотя она сменила прикид байкерши на аудиториумский мундир, но пирсинга не сняла, да и глаза подвела куда ярче дозволенного.

Закинув ногу на ногу, Марианна Перовская свысока оглядела остальных.

— Боюсь, что да. Выбирайте, господа, с кем будете. С нами, с элитой, — она обвела рукой воздух, обозначая свою компанию, — или с изгоями? Кто хочет быть презираемым изгоем, господа?

Глава 13

Одногруппники удивленно тарасились на Денисова и троицу княжичей. Оно и понятно — мы еще толком познакомиться не успели, а эти бандиты, блин, уже начали передел власти.

Следовало брать ситуацию в свои руки.

— Господа, — громче, чем следовало, обратился я. — Сдается мне, вы несколько забегаете вперед. Сперва представимся друг другу, а затем, если тебе, Константин, приспичило побороться за звание альфа-самца, можем решить этот вопрос отдельно.

Денисов высокомерно улыбнулся и чуть подался вперед.

— Представиться — это хорошо. А вот один на один драться, Соколов, уже не получится. Ты ведь успел сколотить маленькую шайку — ишь как спелись. Я требую тех же условий.

— Денисов, ты совсем с глузду поехал? — не выдержала Грасс. — Какие к черту шайки? Граф ты или конь педальный? Ты зачем вообще в Аудиториум пошел?

Я едва заметно кивнул байкерше, и она демонстративно отвернулась, словно всем своим видом хотела показать, что была не с нами.

— Я хотя бы с первого раза поступил, — отозвался Денисов. — А здесь оказался потому, что всегда получаю то, что хочу. И те, кто пойдет под мое крыло, нуждаться ни в чем не будут. Правда, придется время от времени выполнять кое-какие поручения и слушаться. Что до тебя, Аннушка, то кто бы говорил. К твоему кругу общения у меня тоже есть вопросы.

— Затолкай их себе подальше в зад, может удовольствие получишь, — огрызнулась байкерша.

Перовская, да и вся ее свита, наблюдали за перепалкой с нескрываемым удовольствием.

— А ты у нас дерзкая, да? — с елейной улыбочкой обратилась Марианна к Анне Грасс. — Вся из себя такая крутая плохая девчонка... Да только друзей здесь у тебя нет, и я бы на твоём месте освоила пару уроков приличного макияжа и вела себя потише. Если очень попросишь, могу научить.

Малыш Рахманинов, до того помалкивавший, не выдержал нападков на Анну, и с грохотом опустил кулак на стол — да так, что стекло задрожало, а на нас начали оборачиваться остальные первокурсники.

— Хорош!

Низкий бас крепыша пронёсся над столом, и все мы от неожиданности выпрямили спины.

— Аннушку не трогать, — предупредил Рахманинов. — А не то пополам разорву.

Денисов уставился на Рахманинова недобрый взглядом, но тут коса нашла на камень. Малыш внушал угрозу одним своим видом, и лезть к нему даже отбитый Костик поостерегся. Пока он шумно сопел, я придвинулся ближе и уставился на Денисова в упор.

— Вот ты чего сейчас добиваешься, а? Скажи, чего ты всей этой затеей хочешь получить или доказать? На кой черт суету наводишь? Ответь по-человечески хоть раз, Константин.

Забелло поправил накрахмаленный воротник рубашки и хотел было что-то сказать, но Денисов жестом заставил его умолкнуть. А забавно получалось: Денисов-то был графским сыном и стоял по статусу ниже всей троицы княжичей. Однако они признавали за ним силу. Интересно, почему?

— Хочешь знать, Соколов? — С недоброй улыбкой прошипел вражина. — Хорошо, расскажу. И тебе, и остальным, чтобы все знали. Я, понимаете ли, человек старых, даже радикально традиционных взглядов. И все эти государственные нововведения, вследствие которых стирается граница между сословиями, мне очень не по нраву. Аристократия — высшее общество. Наделенные Благодатью — больше, чем люди. Я горжусь, что являюсь чистокровным аристократом и ношу в себе силу Осколка. И меня ужасно бесит, что в последнее время все, чем я так дорожу, обесценивается.

Грасс метнула на Денисова полный ненависти взгляд.

— Значит ты, из этих, реакционеров?

— Нас именуют по-разному, — улыбнулся Константин. — Но как ни назови, суть не меняется. Мы выступаем резко против сближения с чернью. Каждый должен занимать место, уготованное ему происхождением.

— Да ты, батенька, шовинист, — усмехнулся я.

Но Денисова уже понесло.

— Я выступаю за чистую благородную кровь. Мне тошно видеть, как купцы и вчерашние торгаши покупают дворянство за мешки с ассигнациями. Мне больно смотреть на то, как чистокровные дочери обедневших родов вынуждены выходить за безродных промышленников, чтобы получить достойную жизнь, а не подохнуть в каком-нибудь богом забытом поместье под Усть-Пердольском! Я всем сердцем люблю нашего государя и его семью, но, прости меня Господь, плевать тянет, когда приходится миловаться с очередным выскочкой, который должен чистить мне ботинки, а не обедать со мной за одним столом.

Пока Денисов разглагольствовал, я украдкой наблюдал за одноклассниками, пытаюсь прочесть в их лицах реакцию на эту спонтанную речь.

Княжичи, разумеется, кивали. Очевидно, придерживались точно таких же взглядов. Оно и не удивительно:

все-таки князя — это уже очень высокого полета птицы. Титулованного дворянства в империи было и так гораздо меньше, а уж княжеские линии даже среди титулованных выделялись.

Правда, к тому же Меншикову у меня были вопросы, с учетом происхождения его предка, получившего титул от Петра Великого. Впрочем, кому сейчас, спустя триста лет, было до этого дело?

— Все, за что я сражаюсь — это чистота, — продолжал Денисов. — Мои слова могут показаться грубыми, а убеждения — слишком радикальными, но я верю в то, что говорю, не просто так. Аристократия Осколков, носители Благодати — это не просто статус и принадлежность к высшему обществу. Мы, как говорил ректор, и есть оружие империи. Ее щит и меч. И чем крепче и сильнее мы будем, тем надежнее будет защищена наша родная земля. Неужели кто-нибудь из вас осмелится это оспаривать?

И в этот момент я здорово пересмотрел взгляд на Денисова как на врага. То ли до этого он прикидывался идиотом, то ли лишь сейчас немного освоился и набрался уверенности, чтобы раскрыться, но говорил он складно. Не греческий оратор, конечно, но своего слушателя точно мог бы найти. И что-то мне подсказывало, что таковых в Аудиториуме будет в избытке.

Одногруппники молчали. Ронцов потупил взгляд, Грасс отчего-то тихо бесилась — не говорила ни слова, но внутри явно кипела от негодования.

— Вот почему я презираю твой род, Соколов, — обратился ко мне Денисов. — Вы были элитой. Уважаемым графским родом. И твой предок по глупости своей низверг вас до уровня плебеев. Ибо чего стоит титул без Осколка?

— Ты одного не учел, сладкий мой, — прошипела байкерша. — Соколов владеет родовой магией. И мощь у нее такая, что тебе с вашим огрызком даже не снилась.

— Соколову повезло, — кивнул Константин. — Однако это не сотрет с него пятно позора. Если бы родовая сила не проснулась в нем, где бы он был сейчас? Скажи, Анна, где?

Грасс пожала плечами.

— Понятия не имею. Но точно не здесь.

— Именно, — улыбнулся Денисов. — А Ронцов? До чего мы докатились? Князь пытается легализовать ублюдка, чтобы передать ему наследство. И никто не протестует! А ведь он полукровка! Он разбавит кровь, и ранг Благодати в его роду упадет, если, конечно, не женится на какой-нибудь сильной девице. Но сам факт, господа!

Я оперся локтями о столешницу, сцепил пальцы в замок и положил на них подбородок.

— Костя, я верно понимаю, что вся твоя ненависть строится лишь на том, что я и Ронцов исходим из семей, запятнавших свою репутацию? То есть ты с Роновым срать на одном гектаре не сядешь именно потому, что его отец имел наглость не отрезать любимого внебрачного сына от рода?

— Именно так. Воронцов совершил глупость.

— Значит, по-твоему, род Воронцовых должен пресечься, но ни в коем случае не разбавиться? — с вызовом спросила Грасс.

— Он бы не пресекся. Вывели бы на первый план одну из младших ветвей — и дело с концом. И даже у самой младшей ветви будет больше прав на эти блага.

— Дурак ты, Денисов, — вздохнул я. — Юный дурак.

— Объяснись.

— Ничем ты не отличаешься от этих террористов, что устроили кровавое шоу на Смотре. Просто вы по разные стороны баррикад стоите. Одни вопят о всеобщем равенстве и доступности благодати, другие костями лягут, но не подпустят к ней никого, кроме родовитых и благородных. Для вас мир словно на черное и белое делится, а ведь это совсем не так. Впрочем, если в семнадцать ты не радикал, то у тебя нет сердца. Если ты радикал в сорок — у тебя нет ума. Спишу твою горячность на юношеский максимализм.

Денисов усмехнулся.

— Сказал бы ты моему девяностолетнему деду об отсутствии ума... Вся наша семья придерживается столь строгих взглядов. И не только наш род. А что скажешь ты, Ирина фон Штофф?

Ирэн пристально взглянула на меня.

— Скажу, что знаю многих простолюдинов, которые куда благороднее тебя, Константин, — уверенно и спокойно ответила она. — Ты, Денисов, так и не понял, за что именно вашу семейку, да и всю зарвавшуюся верхушку не жалуют. Не за то, что вы родились с золотой ложкой в заднице и унаследовали Осколки, а за то, как вы себя держите. Времена изменились, Костя. А плебеи, как ты их называешь, тоже поумнели и разули глаза. Сто лет назад императора уже чуть не свергли. Кабы не Объединение, никого из нас сейчас бы здесь не

было. Тогда свезло подавить бунты и раскрыть заговорщиков. Но люди-то поняли, на что способны. И их уже не обманешь. Но пока такие, как ты, будут отгораживаться и превозносить себя над остальными, Благодать так и останется для черни злом и тем, что нас разъединяет.

— А разве это не так? — лениво ковырявшая ветчину Перовская подняла глаза на Ирку. — Благодать и есть то, что объединяет нас и отделяет от остальных.

— Все дело в том, как ее преподносят, — встрял Сперанский. — Есть целые семейные линии, которые используют Благодать для помощи людям. Один скромно одаренный лекарь способен заменить десяток врачей на поле битвы. Один посредственный боевик стоит десяти солдат, а уж сильный...

Денисов усмехнулся.

— Сразу видно, лекарь говорит. Все они немного альтруисты. Кроме Марианны разве что...

Перовская отложила вилку и невинно улыбнулась.

— А я просто боевой лекарь, — сказала она. — Но ближе к делу, господа. Нашу позицию мы огласили. Мы не желаем терпеть недостойных вроде Ронцова или Сперанского в стенах Аудиториума. Мы не считаем их ровней и не собираемся с ними брататься. И требуем того же от остальных, ибо достойные должны держаться вместе против недостойных. Те, кто согласится с этой доктриной, окажутся под нашей протекцией. Несогласные будут подвергнуты ostracismu и порицанию.

— Как я понимаю, нейтралитета ваша доктрина не предусматривает? — спросила Ольга Мартенс. Симпатичная девушка с вьющимися каштановыми волосами и умным лицом. — Право слово, я здесь ради получения знаний. И ваши общественно-политические прения меня совершенно не волнуют.

Белокрыльцева придвинулась на лавке чуть ближе к княжеской троице.

— А следовало бы побеспокоиться. Мне тоже нужны знания. Но и связи. Прочные связи.

Альбинос Меншиков протянул ей бледную руку.

— В таком случае я буду лишь рад новому знакомству.

Так, Белокрыльцева решила не заморачиваться и примкнула к традиционалистам. Я глядел на Мартенс, но не понимал, что мог ей предложить за невмешательство. Да ничего, откровенно говоря. Мы и знакомы-то были шапочно.

— А если о вашем милом шантаже прознает руководство? — Внезапно спросил Ронцов.

Перовская переглянулась с Забелло, и вдвоем они синхронно рассмеялись.

— И что? Прибежишь к ним и станешь ныть, что тебя обзывают ублюдком и делают мелкие пакости потому, что ты ублюдок? Ты ведь еще даже официально не признан, Ронцов. Иначе стал бы Воронцовым. Кому будет охота с тобой возиться? Здесь полторы сотни ошалевших новичков. Поверь, до тебя никому не будет дела.

Я снова взглянул на Мартенс и вопросительно поднял брови. Она лишь слабо качнула головой и отвела взгляд. Понятно. Еще один потенциальный союзник мимо.

— Я с вами, — сказала она Денисову.

— Тогда прошу на нашу лавку.

Теперь наша конфронтация была заметна даже невооруженным глазом: моя команда и прихвостни Денисова расселись напротив друг друга, и нас разделял лишь стол. Со мной остались Ронцов, Сперанский, Афанасьев, Малыш Рахманинов, Анна Грасс, и Ирэн. К Денисову и троице княжичей присоединились Белокрыльцева, Матвей Исаев — невысокий парень с лицом и грацией хорька и Ольга Мартенс.

Лишь Мария Хилкова никак не могла определиться. Симпатичная смуглая девушка с приятным лицом и ладной фигурой нервно теребила пуговицы кителя и метала взгляды то на Денисова, то на меня.

Наконец, она не выдержала и бухнулась на скамейку рядом с Анной Грасс. На нашу скамейку.

— Выбор верный, — сказала байкерша. — Но ты можешь о нем пожалеть.

— Знаю, — отозвалась Хилкова и посмотрела на вражин в упор. — Но не боюсь. Я из Дакии. Мой род перебрался сюда после того, как нас чуть не вырезали бунтовщики. И, поверьте, эти голосистые юнцы не смогут сделать ничего, что бы меня удивило.

Мы удивленно уставились на Хилкову. Грасс улыбнулась и дотронулась до ее плеча.

— Это, дорогуша, не Дакия. Однако не обещаю, что здесь будет проще.

Денисов обвел взглядом обе команды.

— Ну что ж, почти ровно вышло. Вы свой выбор сделали, и, признаюсь, я разочарован. Ожидал, что вы окажетесь более сознательными. Но я уважаю право на самостоятельные решения.

— Ты мне лучше другое скажи, Константин, — обратился я. — Вот разделились мы, вот увидел ты, кто с тобой, кто против твоих идей. Дальше что?

— Дальше, Соколов, будем бороться за влияние.

— И что это даст?

Он лишь хитро улыбнулся. Интриган хренов.

— Я хочу попасть в один из Орденов, и если я избавлюсь от вас с Ронцовым, это прибавит очков мне и моим друзьям.

— Смотри, чтоб очко выдержало, — ухнул Рахманинов. — Я вписался в эту историю только потому, что Аннушка у нас пассионарная девица. Так-то до вашей мышиной возни мне дела нет. Но если узнаю, что кто-то из ваших ее обидел, выверну каждого мехом внутрь.

— Посмотрим, как дальше пойдет, — улыбнулся Забелло.

Звон колокольчика возвестил об окончании ужина. Взглянув на нетронутую тарелку, я тяжело вздохнул. Единственный торжественный прием пищи до самого Рождества — и тот прошел. Ну да ладно. Не в пище счастье, а в ее наличии.

Но не успели мы подняться из-за стола, как в Трапезный зал ворвались несколько сотрудников Аудиториума в белых халатах поверх кителя. На лицах всех были защитные маски, руки в перчатках, а тела окутаны плотным сиянием Благодати.

— Господа первокурсники! Прошу внимания! — Неприятно высоким голосом обратилась к нам женщина в маске. — В Домашнем корпусе зафиксирована инфекция.

Первокурсники зароптали. Кто-то охнул, иные, не расслышав, пытались переспрашивать.

— Ситуация не смертельная, обычный грипп, — пыталась успокоить дама в маске. — Волноваться совершенно не о чем. Однако с учетом высокой плотности населения администрация Аудиториума предпринимает жесткие меры по контролю распространения хвори. Всем вам надлежит немедленно разойтись по своим комнатам и остаться на карантине до приказа ректора. Вход в корпус разрешен только работникам медицинской службы. У каждого из вас сегодня до вечера возьмут кровь и мазок слизистой на анализ. При появлении симптомов хвори — боли в горле, кашля, жара, ломоты в мышцах или насморка, вам надлежит обратиться к коменданту ментальным способом.

— Господа, прошу не паниковать! — добавил мужчина в маске и халате. — Ситуация штатная. Такое бывает. Это Аудиториум, здесь мы быстро разбираемся с эпидемиями.

Мы с одноклассниками переглянулись.

— Это еще что за чертовщина? — проворчал Денисов.

— Уводи своих. Быстро! — сказал я. — Война войной, а здоровье дороже. Что-то здесь не так. Не стали бы они запирать нас из-за какой-то безделицы.

— Согласен, — кивнул мой враг. — Я знаю короткий путь мимо главной лестницы. Здесь есть ход для прислуги. Брат рассказывал. Идем с нами.

Глава 14

Услышав предложение Денисова, я помедлил, размышляя, мог ли ему верить. С него случилось бы воспользоваться начавшейся паникой и суматохой, затащить нас в какой-нибудь укромный уголок и попытаться...

А что он мог придумать?

С одной стороны, что угодно — все таки за Денисовым сейчас было несколько сильных и крепких ребят. С другой стороны, серьезный всплеск Благодати здесь заметят быстро, а бить по нам слабо не было смысла.

— Чего встал столбом? — торопил Денисов. — Идемте!

Перовская и Забелло уже начали пробираться между столов в сторону служебных выходов. Я дернулся было за ними, но меня схватил за плечо Сперанский.

— Плохая идея, — шепнул мне на ухо лекарь. — Я ему не верю.

— Я тоже. Но сейчас на выходе начнется давка. Лучше контактировать как можно меньше.

Впрочем, если по корпусу гуляла какая-то серьезная зараза, путешествие по служебной лестнице нас не спасет. Разве что просто доберемся до своих комнат раньше.

Денисов шагнул ко мне.

— Сейчас можешь мне верить. Слово дворянина.

— Ладно, — я обернулся к своим. — Все за нами. Тихо и быстро. Не отставайте!

Денисов коротко кивнул, быстро развернулся и принялся торопливо пробиваться сквозь столпотворение. Всего за пару минут обстановка в Трапезном зале сменилась с чинной и торжественной на суматошную. Первокурсники повскакивали из-за столов, побросали приборы и недоеденные яства и теперь ломались к выходу. Медиков оттеснили, и их одинокие голоса тонули в гомоне испуганных ребят.

Прорвавшись сквозь толпу и оказавшись у служебного входа мы с Денисовым принялись считать каждый своих по головам. Да, следовало пустить вперед Малыша как таран — он бы быстро раскидал паникующих. Но было уже поздно.

— Так, все активируйте “Берегиню”, — распорядился Денисов. — Кто умеет, распределяйте силу на полную защиту — сделайте вокруг себя пузырь воздуха. Если уже заражены, это воспрепятствует распространению болезни. Если еще не заразились, защитит вас.

С предложением никто не спорил — вражина говорил дело. Активировав защиту, я зачерпнул из родового источника смесь боевой и лечебной силы и пошел чуть дальше. Попытался обратить боевые потоки внутрь — на случай, если я уже был заражен, чтобы мелкие вспышки силы гасили инфекцию. Ни черта я не понимал в столь тонких делах и наверняка сработал очень грубо, но уж как мог.

Сперанский и остальные лекари поставили защиту первыми. Когда все было готово, Денисов указал на массивную дверь.

— Должно быть открыто. Заходим и бежим прямо по коридору до упора. Оттуда будет два поворота: налево — в мужское крыло, направо — в женское. Там разделимся. Все общение — только ментально. Перовская отведет девушек — я объяснил ей, как идти.

— Веди, — сказал я и потянул на себя дверную ручку.

Мы очутились в освещенном неуютным холодным светом коридоре — ряд ламп на потолке указывал дорогу, прямо как аварийные дорожки в самолете. Не сговариваясь, все бросились вперед. По бокам мелькали двери с маленькими окошками. Я слышал грохот посуды, какое-то шкварчание, шипение. Женщины и мужчины глухо и спокойно переговаривались, словно до них еще не дошли вести о вспышке заразы.

Это было странно. Мне казалось, что сотрудникам Аудиториума должны были сообщить об этом в самую первую очередь. И уж тем более — работникам кухни. Их-то проверяли в первую очередь...

Но долго об этом думать времени не было. Стараясь громко не топтать, мы добежали до конца коридора и уперлись в обитую металлом стену.

— Здесь расходимся, — сказал Денисов и устался на Перовскую. — Все запомнила?

Княжна кивнула. Сейчас с нее слетела вся спесь, и, казалось, она действительно испугалась.

— Да. Девочки, все ко мне.

Охваченные сиянием защитных заклинаний девушки из моей компании неуверенно шагнули к Перовской. Ирэн бросила на меня обеспокоенный взгляд.

“Все будет в порядке”, — ментально сказал ей я. — “Она не причинит вам вреда. Денисов обещал”.

“Как доберешься, дай знать”.

“Хорошо”.

— Все, идите, — поторопил я девушек и обернулся к Константину. — Куда дальше?

— Погоди, — Денисов прикрыл глаза и едва слышно зашевелил губами, словно проговаривал про себя заученное воспоминание. — Прямо до конца, налево до конца, направо, третий проход — и лестница до верхнего этажа... Все, прикинул. Бежим!

Дорога, к моему удивлению, была почти пуста. Лишь раз Денисов резко затормозил, и Меншиков подал знак припасть к стене. Человек в рабочей робе катил тележку и прошел мимо, не заметив нас. Я выдохнул. Лучше не попадаться на глаза — открыто нам не запрещали заходить в помещения для сотрудников, но все же сейчас был не самый подходящий момент, чтобы спалиться.

Дождавшись, пока мужик с тележкой скроется за поворотом, мы выбрались из укрытия и двинулись дальше. Вскоре Константин нашел нужный поворот и осторожно высунулся.

— Лестница, — беззвучно прошептал он и пошел первым.

“Зачем помогаешь?” — спросил я, когда мы принялись подниматься по бесконечным ступенькам.

Денисов украдкой обернулся ко мне и тут же снова сосредоточился на подъеме. Света здесь было мало, место казалось запущенным — сотрудники явно предпочитали пользоваться другими путями и убирались здесь спуская рукава.

“Я помогаю не тебе и не Ронцову, а остальным. Тем, кого ты впутал”.

“В таком случае я должен тебя поблагодарить”.

“Война войной, а обед по расписанию, Соколов”, — снова раздался в голове голос Денисова. — “Я знаю, что ты считаешь меня сволочью, но причину такого отношения к тебе и Ронцову я озвучил. Сейчас у нас перемирие, а не мир”.

“Допустим. Что изменилось?”

“Те, кто пошли за тобой — чистокровные аристократы, и я все равно должен их уважать. Со временем они поймут, что мои идеи верны. Но я — человек слова, Соколов, что бы ты обо мне ни думал. Поэтому если я понимаю, что им угрожает нечто по-настоящему серьезное, я пойду на мир даже с тобой”.

“Да? А где было твоё рвение на Смотре, когда крыша рухнула? Что-то я тебя не заметил среди тех, кто пытался помогать. Рванул к выходу так, что пятки сверкали”.

Денисов остановился на площадке между пролетами и схватил меня за рукав.

“Мать у меня наверху была. В галерее. Ей с сердцем плохо стало, к ней бежал”, — прорычал он мне прямо в мозг. — “И за это не стыжусь — Род и семья превыше всего. Не говори о том, чего не знаешь, Соколов”.

“Что ж, стало понятнее. Значит, перемирие до конца карантина?”

Денисов отпустил мою руку и принялся снова подниматься по ступеням. Теперь мы просто шли рядом, продолжая разговаривать. И чем дольше мы общались, тем более противоречивые эмоции у меня вызывал этот кадр. Мог же вести себя адекватно, когда хотел. Так какого рожна выделялся?

“С тобой в одной комнате Афанасьев и Сперанский. К ним у меня личных счетов нет, если сами не полезут на рожон. И если в твоих силах о них позаботиться, сделай это”.

“Разумеется, позабочусь”, — ответил я. — “Они же мне доверились. И все-таки не понимаю я тебя, Константин. Человек ты принципиальный и даже на поступки человеческие способен. Неужели вся эта свистопляска со мной и Ронцовым тебе нужна для того, чтобы выслужиться перед каким-то там Орденом или куда ты так жаждешь попасть?”

“В “Аспиду” по-другому не пробиться, Соколов”, — сухо сказал Константин. Мне показалось, или он все же резко помрачнел?

“Что за аспиды такая?”

“Ты из какой дыры вылез?” — раздраженно выпалил Денисов. — “Это самый желанный из доступных Орденов. Членство дает большие преимущества. Ты — наследник, тебе не понять, что чувствует сын, которому ничего не светит. И это мой единственный шанс обрести нужные связи и вес”.

Я покачал головой.

“Если для того, чтобы там тебя заметили, нужно издеваться над другими, то в жопу членство в таком Ордене”.

“Говорю же. Наследнику этого не понять. У тебя, Михаил, и без Аудиториума есть какая-никакая собственность, семейные дела и прочее. Я же, выпустившись, буду сам по себе”.

“Почему?”

“Больше ни о чем не спрашивай. Я и так рассказал тебе гораздо больше, чем следовало. Быть может, потому, что сам пытаюсь примириться со своей участью и в какой-то степени переступаю через себя. Но этот душевный разговор положения вещей не изменит. Если ради “Аспиды” мне придется пройти по твоей голове, я сделаю это без колебаний”.

— Пришли, — едва слышно шепнул он вслух, и мы с парнями остановились.

Денисов осторожно приоткрыл дверь — узкая полоска света из коридора упала на пыльный пол. Издалека доносились голоса и топот.

— Тихонечко, бочком, бочком... — выдохнул Афанасьев и скользнул в дверь вслед за Денисовым.

Я вышел одним из последних — рефлекторно прикрывал тылы, хотя понимал, что наше тайное путешествие обошлось без эксцессов. Оказавшись на этаже, мы огляделись по сторонам, пытаясь сориентироваться.

— Вон там старые душевые, — указал Меншиков. — Мы почти на месте.

Я собрал своих — Афанасьева, Ронцова и Сперанского. Вздурораженные внезапной шалостью, ребята покраснели, что было заметно даже под плотным сиянием “Берегинь”.

— Спасибо за помощь, — сказал я Денисову. — Я это запомню.

— Это ничего не изменит.

Да понял я, понял! Хотя о Денисове следовало поразмыслить отдельно. Попрощавшись, мы разошлись по разным сторонам коридора и вскоре отворили дверь нашей 507 комнаты.

— Всем мыть руки! — велел Сперанский и распахнул дверь уборной. — Бегом.

— Жаль, еды с собой не прихватили, — ворчал Гриша. — Я толком и не поел. Так этого Денисова заслушался,

что обо всем позабыл.

Я вытер руки полотенцем и вышел в комнату. Сперанский уселся с книгой, Афанасьев завалился с ногами на кровать, а Ронцов задержался в ванной и решил принять душ.

Разговаривать особо ни с кем не хотелось. Я сбросил ботинки, связался с Ирккой, убедился, что она была в порядке, и прилег, размышляя о сказанном Денисовым. Выходит, Константин у нас был трагическим персонажем?

Интересно, что там у него стряслось внутри семьи, раз парня оставили без наследства? Или законы их рода предполагали наследование основного богатства только старшим сыном? Как бы то ни было, Константин оказался в пролете. Что ж, это объясняло и его сволочный характер, и стремление любой ценой зацепиться. Пытался изображать хорошую мину при скверной игре.

Одна беда — я оказался его мишенью. Но Денисов уже явно понимал, что бороться со мной в лоб — занятие бессмысленное. С Ронцовым еще бы прокатило, но за мной стоял Род, и я Дениову был не по зубам. Значит, будет портить мне жизнь мелкими бытовыми подставами и пакостями. Вредно, раздражающе, но едва ли смертельно.

Не могу сказать, что я чувствовал к Денису симпатию или сострадание, но теперь я хотя бы понимал его мотивы. А раз понимал, с этим можно было работать.

А самое забавное заключалось в том, что мы с Денисовым не особо-то и по своей воле оказались по разные стороны баррикад, и цели наши занятым образом были взаимоисключающими. Нам обоим требовалось попасть в Ордена, которые, следуя логике, имели противоположные цели. И так уж получалось, что добиваться своих целей нам наверняка придется за счет друг друга.

— Гриш, — позвал я. — Ты же у нас явно сведущий во всех аудиториумских традициях и вообще во всей этой кухне. Просветишь неуча?

Менталист ослабилась, польщенный доверием.

— Излагай вопрос, мою юный ученик, — пробасил он, копируя интонации ректора.

— Знаешь что-нибудь об Ордене Аспиды?

— Ну допустим. Чего знать желаешь?

— Да ничего я о нем не знаю. Вываливай все.

Пивший воду Сперанский поперхнулся и удивленно на меня уставился.

— А ты не в курсе?

— Вообще нет. Ничего об Орденах не знаю. О них в буклетиках не написали.

— Ууу... — ухмыльнулся Афанасьев. — Ну тогда садитесь в круг, детки. Буду рассказывать страшилки.

— Давай без страшилок, — попросил я. — Мне для дела нужно.

Менталист театрально возвел глаза к потолку.

— Какие вы скучные... До зубного скрежета! Ну ладно. По делу — так по делу. “Аспида” — старейший Орден Аудиториума. Это неофициальное сообщество, куда входят студенты и, по слухам, некоторые преподаватели. Отличается... Скажем так, весьма консервативными взглядами на общество.

— Это я, кажется, уже понял. А конкретнее?

— Ну конкретнее тебе скажет только посвященный член сообщества, — отозвался Афанасьев. — Легенд ходит много, и Орден их старательно поддерживает. Знаю только, что отбирают туда по нескольким критериям. Нужно происходить из старого и уважаемого Рода. Нужно иметь серьезный ранг Благодати, успехи в учебе, поддерживать ценности Ордена...

— А как туда принимают?

— Ритуала не знаю. Мне лишь известно, что самому прийти и попроситься невозможно. За потенциальным кандидатом пристально наблюдают, а затем, если он подходит, приглашают сами.

Весьма похоже на тайный Орден, что так интересовал Корфа, только цели противоположные.

— И еще членам этого Ордена нельзя проявлять себя с непосвященными, — добавил Афанасьев. — Та еще замысловатая шкатулка с секретом, в общем.

Понятно, что ничего не понятно.

— Спасибо.

— Раз уж речь зашла о традициях и прочих неформальных объединениях Аудиториума, расскажу вам еще одну штуку. Выделиться-то можно по-разному. Весь первый год за нами будут наблюдать. Обычно в первый год Ордена дают всякие проверочные задания, чтобы оценить способности и лояльность кандидата. И в первый год проводится одно мероприятие, которое может заинтересовать всех, кто желает сделать себе имя в

Аудиториуме...

— Не томи, — поторопил Сперанский. — Вещай.

Глаза Афанасьева загорелись, и он подобрался ближе.

— В общем, слушайте. Я уже кое-что придумал, и, сдастся мне, нам это будет по плечу. Короче, нам нужно выкрасть голову Ленки Пантелеева.

В комнате повисла гробовая тишина.

— Я галлюцинирую? — спросил Сперанский. — Или ты сейчас на полном серьезе предложил стащить один из ценнейших артефактов?

— Я совершенно серьезен, — оскорбился менталист. — Звучит безумно, но это и правда традиция. Каждый год первокурсники пытаются это сделать. Имена тех, у кого получается, после отбывания незначительного наказания, остаются в истории! А это — слава, почет среди своих и интерес старшекурсников, которые могут привести и в Орден...

Я моргал, не зная, плакать или смеяться.

— Гриша, признайся, ты нас разыгрываешь?

— Нет же! Спроси любого “старшака” — скажет тебе, что либо сам пытался, либо знает тех, кто пробовал. Это старая традиция, пошла лет через десять после создания артефакта. Старый ректор был мужиком с юмором и объявил, что те из студентов, кто исхитрится выкрасть Голову, спрятать на сутки и незаметно вернуть ее обратно, будут пожизненно освобождены от дежурств. Ну и раз в несколько лет это удается...

— А наказание? — спросил Ронцов.

— Да фигня это, а не наказание. Так, для вида, да и то обычно за несанкционированное применение Благодати, потому что без этого артефакт ну никак не стащить. Обычно на неделю отправляют в лабораторию к артефакторам пробирки мыть. Так что если у тебя толстые и короткие пальцы, к Голове лучше не лезь.

Я тряхнул головой, пытаюсь переварить услышанное.

— Так. Давай по порядку. Значит, это такое традиционное развлечение?

— Скорее соревнование. В течение года можно попытаться. Так уж сложилось, что шалость позволяют только первокурсникам.

— И за это даже толком не наказывают?

— Ну да. Миш, ну ты оглянись по сторонам. Мы в замкнутом пространстве, нам нельзя выходить за пределы территории, хотя торчим почти что в центре Петрополя. Здесь все с ума начнут сходить, если не дать возможность выпустить пар...

— Странный способ, — отозвался Сперанский.

Менталист пожал плечами.

— А мне нравится.

Внезапно Ронцов обернулся ко мне, и лицо его просияло так, словно он Христа узрел наяву.

— Ребят, а ведь в этом кое-что есть, — сказал бастард. — Благодать применять нельзя, но ведь у нашего Михаила другой источник силы. О нем ничего не сказано в правилах. А раз так, то, быть может, получится придумать что-нибудь интересное... Да и наказания, быть может, удастся избежать...

Афанасьев широко улыбнулся.

— Ну так что, будем воровать голову? Что скажешь, Михаил?

Глава 15

Три пары глаз моих соседей выжидающе уставились на меня. Я набрал в легкие побольше воздуха, чтобы сказать все, что думал об их умении строить планы, о безнаказанности, на которую они рассчитывали, руководствуясь одной лишь традицией, о возможных дисциплинарных взысканиях, что нам сулила эта затея...

Но моя тирада захлебнулась, даже не успев начаться — в дверь настойчиво и требовательно забарабанили. Так, как не стучали бы студенты.

— Медицинская служба Аудиториума! — четко, но слегка глухо донеслось из коридора. — Сбор анализов. Откройте!

Ронцов с отвращением скривился, но поплелся отпирать. Едва он приоткрыл дверь, как внутрь скользнула рука в белой резиновой перчатке, охваченная характерным сиянием “Берегини”.

— Просим всех лечь на свои кровати и снять защитные заклинания, — приказал медбрат или кем он там был. Мы быстро разошлись и заняли места согласно требованиям. И лишь после этого двое санитаров в белых халатах, масках и перчатках вошли в комнату. Оба несли по стальному чемоданчику и, окинув нас беглым взглядом, водрузили их на стол.

— Есть ли у кого-нибудь из вас жар, сонливость, ломота в костях или мышцах? — Спросил тот, что был постарше.

Мы отрицательно покачали головами.

— Ничего такого, — сказал Сперанский.

— Кашель, заложенность носа или выделения из носа? Боль в горле?

— Да здоровы мы, — раздраженно бросил я.

— Здоровы вы или нет, подтвердит Лабораториум, — сухо отозвался санитар. — С вашего позволения, приступим к забору анализов. Пожалуйста, закатайте рукава на руке для взятия крови из вены.

Ронцов побледнел пуще обычного.

— А кровь брать... обязательно? — заикаясь, спросил он.

— Разумеется.

— Нельзя ли ограничиться только мазком?

— Увы, исключено, — ответил санитар и кивнул своему коллеге. — Приступайте к стерилизации помещения.

— Ронцов, ты что, уколов боишься? — хохотнул наш менталист. — Это ж не больно, особенно если из вены...

— Да ну тебя, супостат, — бледными губами прошептал наш бастард. — Я их с детства не выношу.

Я не слушал перепалку соседей, а пялился на персонал. На моих глазах второй лекарь воспроизвел обеими руками какой-то замысловатый жест, и в комнате резко запахло озоном и еще чем-то специфическим. Словно здесь на полную включили кварцевую лампу и ксерокс одновременно. Лекарь внимательно оглядывал каждый уголок помещения и водил рукой, словно в ней была лампа, хотя ничего, кроме “Берегини”, я не заметил.

— Готово, обеззаражено, — наконец сказал он. — Можно приступать к сбору.

— Благодарю, коллега, — улыбнулся одними глазами санитар и открыл стальной чемоданчик. — Сперва мазки, затем кровь. Кто первый?

Сперанский пожал плечами.

— Давайте я, мне не страшно.

Пока один санитар возился с Колей, я продолжал рассматривать второго.

— А что это за заклинание?

— Особая форма, точнее, производное, от “Жар-птицы”, — с готовностью пояснил медик. — Переработана в Аудиториуме под нужды полевых врачей. Позволяет на краткое время обеззаразить небольшое пространство. Это было особенно ценно во время боевых действий.

— Догадываюсь, — кивнул Сперанский. — Это очень полезно.

— Именно.

Санитар дошел до меня. Забор мазка оказался несколько унижительным — глубже в меня проникал только зонд ФГДС, когда еще в прошлой жизни в поликлинике мне проверяли желудок. И это, признаюсь, было то еще развлечение.

— Ы-кхе! — Откашлялся я, когда санитар вытащил длинную ватную палочку и тут же упаковал в пластиковый пакет с моим именем.

— Не драматизируйте, ваше сиятельство, — улыбнулся лекарь. — Неприятно, но ничего смертельного. Это вы еще нашего уролога не видели.

— Надеюсь, и не познакомимся, — хмуро отозвался я и с вождением взглянул на кувшин с водой.

Когда с мазками было покончено, санитары приступили к рутинному сбору крови. И все бы ничего, кабы Ронцову не приспичило грохнуться в обморок. Санитары, явно привычные к подобному исходу, невозмутимо достали пузырек с нашатырем, профессионально пару раз хлопнули парня по щекам и сунули тому под нос ватку.

— Слабак, — ухмыльнулся Афанасьев.

— У всех свои фобии!

На этот раз Ронцов отвернулся к стене так, чтобы даже не видеть иглы. Вздрыгнул, когда лекарь протер сгиб локтя ваткой, а затем тихо завыл.

— Полно вам, Сергей Андреевич, — успокаивал сотрудник, — Всего одна мааааленькая пробирочка...

На этот раз все обошлось. Серега собрал в кулак остатки мужества, заткнулся и позволил врачам делать свое

дело. Едва все закончилось, проводивший процедуру сотрудник достал из кармана конфетку и протянул Ронцову.

— Это вам за храбрость.

— Их же детям дают.

— Поощрение самоотверженности ведет к преобладанию здравого смысла над страхами! — назидательно сообщил лекарь. — Ананасовая. Берите, не пожалеете. Вам тут на карантине еще пару дней пустой чай гонять.

Под хихиканье соседей Ронцов все-таки принял конфету и тут же спрятал под подушку. Ну как в детском саду, ей богу.

Я иголок никогда не боялся — и сам в детстве чутка потаскался по больницам, потом с Олей началась вся та бадяга... Словом, насмотрелся ужасов всяких.

Завершив сбор, двое из медицинского ларца осторожно поместили пробирки в специальный бокс, проверили соответствие имен на каждой, затем в третий раз напомнили, что повязку на вене дольше десяти минут держать не рекомендуется, и удалились истязать следующую партию первокурсников.

Едва дверь за ними закрылась, Ронцов сполз на подушку.

— Простите. У меня и правда фобия.

— Да ладно, бывает, — отмахнулся Сперанский. — Я вот пчел боюсь до ужаса. Даже не столько пчел, сколько ос и шершней. Как укусил в пять лет здоровенный, так с тех пор визжу громче девчонки, если их увижу. Хорошо хоть, у нас они не так часто встречаются.

— Это смотря где, — задумчиво проговорил Афанасьев и повернулся к нам. — Но вернемся к нашему разговору. Михаил, что скажешь за идею?

— Идея безумная, план дурацкий, — ответил я.

— Есть соображения получше?

— А нас кто-то торопит? Можно же нормально освоиться, изучить местность... Мы ведь даже не знаем, где эта башку хранят!

— Знаю только то, что иногда ректор играет в Пантелеевым в шахматы, — сказал менталист. — Наверняка хранится она в Артефакториуме — это корпус афртефакторов. Там они проводят эксперименты, хранят лабораторные образцы и прочее... Это отдельное здание немного на отшибе. Потому что если шарахнет...

— А может шарахнуть?

— Еще как. Они же там не только осколки в отрезанные башки вставляют. Артефакторы вообще-то и зачарованные бомбы умеют делать. Да много всего там интересного...

— Значит, Артефакториум... — я схватил брошюру и раскрыл ее на карте острова. — Вот здесь?

— Ага. На севере, ближе к реке.

— Ну да, и правда место немного на отшибе. Это и хорошо и плохо. Наверняка Артефакториум запирают на ночь, да и охрана там должна быть надежная. Я уже молчу обо всяких там сигнализациях и прочих способах слежения.

— И все запитано на Благодать, — добавил Сперанский.

— Самый простой способ оказаться там ночью — спрятаться днем, до закрытия, — предложил Афанасьев.

— На словах легко. А на деле?

— А на деле — надо проверить.

— Есть только одна проблема: хрен мы сейчас сунемся туда, не вызвав подозрений. Вводный курс Артефактории дают только на втором году обучения. А просто так, без повода, нам там не будут рады.

— Можно взять факультатив. Их позволяют брать с первого года, — предложил Сперанский.

Черт, даже праведник Коля, казалось, заразился этой безумной идеей. Им что, всем мозги поотшибало, едва оторвались от мамкиных юбок да батиних ремней? Это ж не окно в туалете выбить и не покурить в неположенном месте — на кону стояла сама Голова... Причем, судя по всему, либо наши башки, либо Пантелеевская.

Пока парни продолжали дискутировать, я перелистнул брошюру и наткнулся на свод правил. Увы, про наказания здесь почти ничего не говорилось: формулировка “от внеочередных дежурств до исключения” ясности не вносила.

Теперь помозгуем более трезво.

Допустим, похищение Головы и правда было традицией. Значит, суровых мер принимать не будут, но осадочек останется. Точно возьмут на заметку и станут наблюдать... Что я теряю помимо остатков репутации? В целом — ничего. Что обретаю в случае успеха? Да черт его знает. По крайней мере имя мое будет на слуху. А

раз так, обо мне узнает Орден Надежды, на который так хочет выйти Корф.

Но просто засветиться будет недостаточно. Если там действительно ценились революционные настроения, то мне следовало каким-то образом их проявить. И не просто надавав по шам тому же Денисову. Нет, здесь требовалось что-то более... “идейное”. С неким элементом самопожертвования, как в песни о Данко и пылающем сердце...

Но обо всем будем думать по порядку, Миха.

— Ладно, согласен, — вздохнул я. — Даю добро на продумывание плана.

— Аллилуйя! — съязвил Афанасьев. — А то я уж начал было думать, что ты — ссыкло.

— Ну и выражения у тебя, Гриша. Впрочем, все здесь хороши. Мы, господа, станем ворами, это никого не смущает?

— Не ворами, а хулиганами, — парировал менталист. — Мы украдем и вернем на место спустя сутки.

Сперанский покачал головой, словно сам не верил, что вписался в этот блудняк.

— Тогда вот нам всем задание для размышлений, — сказал он. — Первое — добыть достоверные сведения о том, где и под какой охраной содержится Голова. Второе — найти легальные способы очутиться в Артефактории, если Голова хранится там. Третье — продумать пути отступления. Четвертое — отыскать надежное место, где схороним Голову.

— Ага. И самое сложное — незаметно вернуть ее на место, — добавил я. — Вот с этим будут особые трудности.

— Без Благодати или иной силы точно не обойдется.

— И без большой команды, — сказал Ронцов. — Возможно, нам понадобятся помощники.

Я прислонился к стене и расслабил затекшую спину.

— Значит, с вас, самые вы мои коммуникабельные, выяснить у “старшаков”, как они проворачивали этот трюк. При чем меня интересуют и удачные, и неудачные исходы. Это, Гриша, на тебе.

— А чего я сразу?

— Язык у тебя без костей, но в доверие ты втираешься легко, — ответил за меня Сперанский. — Я, впрочем, тоже пару яблонек потрясу. Есть у меня знакомцы среди старшекурсников.

— Отлично, — отозвался я. — А теперь, господа хулиганы, всем спать.

Карантин, как и напрогнозировали лекари, занял еще два дня. Меньше, чем ожидалось, но больше, чем хотелось бы. В очередное утро, когда мы, намывшись и надушившись, ожидали разноса завтрака, в дверь постучали медицинские работники.

— Карантин снят, господа, — улыбнулся уже знакомый нам лекарь. На этот раз он был без маски, перчаток и плотного сияния “Берегини”.

— Так быстро? — удивился Сперанский.

— Ложная тревога. У одного больного, которого посчитали распространителем, оказался вовсе не вирус гриппа, а обострение весьма редкого хронического заболевания. При чем этого можно было избежать, сообщив он точные сведения о своем здоровье при поступлении. Так что все вы вольны свободно передвигаться по территории.

Мы с ребятами переглянулись, и я вздохнул с облегчением. Ну наконец-то начнется настоящая учебная жизнь.

Радовались мы, впрочем, недолго.

Первой парой поставили общую для всего потока Историю применения Благодати — предмет. Который был интересен мне как пришельцу в этом мире, но вела его древнейшая старуха с голосом столь монотонным и успокаивающим, что половина курса уснула сразу же, а вторая едва продержалась до середины пары. Я честно старался записывать историю обнаружения Великих Осколков в подвалах Собора Святой Софии в Константинополе, но несколько раз просыпался от храпа Малыша на соседнем ряду. Грасс то и дело тыкала его в ребра, но заставить этого детину проснуться так и не смогла.

Следующей парой шла литература — до сих пор не понимал, на кой черт ее запикивали во все вузы. Казалось бы, аристократия, имевшая давать своим отпрыскам лучшее образование, могла прекрасно справиться с погружением оных в литературный контекст. Но нет же, вместо того, чтобы учить нас Благодати, первый день обучения состоял сплошь из скучных общих предметов.

После обеда был предмет “Естественные науки” — этаких синтез физики, химии, математики и биологии для гуманитариев. Тоска смертная, преподаватель перескакивал с темы на тему, пытаясь объединить

необъединяемое и впихнуть невпихуемое. На ней я, разморенный перевариванием супа с лапшой и бифштекса с гречкой, благополучно и заснул.

Зато куда интереснее оказался поход в местную библиотеку. Решив прошвырнуться по местам для самостоятельной подготовки, я набрел на роскошный читальный зал и принялся ходить вдоль стеллажей с книгами. Припомнил, что неплохо было бы поискать Радаманта среди выпускников Аудиториума.

Шансов найти его было немного, но следовало проверить списки. Желательно — отыскать альбомы выпускников за каждый год и попробовать узнать среди них того человека с парализованным лицом...

Но не успел отойти далеко, как что-то хлестнуло меня по ладони.

— Что за...

Я с трудом проглотил остаток фразы. На меня взидала красотка-библиотекарша с указкой в руках. Именно этим предметом мне и прилетело.

— В зале запрещено находиться без читательского билета, господин первокурсник, — поправив стервозные очки на переносице, сказала она и кивнула в сторону входа. — И ряд книг можно трогать исключительно в перчатках.

Я проследил за ее взглядом и увидел ящик с белоснежными тканевыми перчатками, сиротливо дожидавшимися меня в начале стеллажа.

— Прошу прощения, не заметил.

— Но читать-то вы умеете? У входа огромный стенд с правилами на двух языках, — тихо прошипела библиотекарша. — Эх, первокурсники... Одно и то же каждый год. Прошу за мной.

Чувствуя неловкость, я последовал за девушкой. Каблуки у нее были столь невероятной высоты, что бедра при ходьбе покачивались крайне эротично и вызвали мысли отнюдь не об усердной учебе. Словно почувствовав мой взгляд, девушка обернулась и криво усмехнулась.

— Пялиться неприлично, молодой человек.

— Я и не пялюсь. Просто думаю, удобно ли в таких туфлях по лесенке лазать? Книжки-то высоко расставлены, а лестница крутая. Одно неловкое движение...

— Не жалуемся, — отрезала библиотекарша.

Едва мы достигли стойки у входа, как передо мной очутилась анкета.

— Заполняйте, — велела стервозная дамочка и отложила указку. Хотя какая дамочка? На вид — студентка-старшекурсница или недавняя выпускница. — И мне нужен ваш студенческий билет.

— Еще не выдали, — отозвался я. — Карантин же был...

— Тогда не имею права зарегистрировать.

Я многозначительно улыбнулся.

— Ой ли?

— Не положено!

— Может сейчас заведете, а потом я занесу документы?

— Нет, юноша. Так у нас дела не делаются.

— А если я вызовусь помочь? Скажем, тяжести потаскаю или пыль протру?

Библиотекарша облокотилась на стойку — да так, что я мог хорошенько рассмотреть ложбинку ее груди, приспустила узкие очки на нос и уставилась мне прямо в глаза.

— Что у вас за срочность, юноша?

— Хочу посмотреть альбомы выпускников.

— И это срочно?

— Всяко лучше, чем праздно шататься по коридорам. Домашних заданий еще не дают, погода для прогулок неподходящая... Я Михаил Соколов, кстати.

Девушка молча кивнула на свой бейдж, который я не сразу разглядел, ибо отвлекали расстегнутые пуговицы ее рубашки.

“Елена Владимировна Скворцова”, — прочитал я.

— Елена Владимировна, может я все-таки смогу как-то помочь? Труд, знаете ли, превращает обезьяну в человека...

Стервозная красотка театрально вздохнула, покачала головой, но, к моему удивлению, согласилась.

— Нужно повесить пару стендов в малом зале, а для этого требуется мужская рука. Справитесь, Михаил?

— Отчего же не справится? — осклабился я. — Показывайте фронт работ!

Дело оказалось плевым. Я-то ожидал, что стенды окажутся огромными, а это были всего-то большие рамы с

убранными под стекло тетрадами знаменитых выпускников. В Малом зале, оказывается, находился внутренний музей Аудиториума, и там размещали памятные предметы, принадлежавшие выпускникам.

— Готово! — отрапортовал я и обернулся к библиотекарше. — Принимайте.

Пока Скворцова ходила едва ли не с рулеткой и уровнем вдоль стендов, измеряя углы и расстояния, я было расслабился, но ненадолго.

“Миш!”, — внезапно раздался в моей голове голос Ронцова. — “Слышишь меня?”

“Да”, — мгновенно отозвался я.

“Ты сейчас где?”

“В общей библиотеке”.

“Можешь подняться на второй этаж мужского крыла?”

“Срочно? я тут слегка занят помощью одной особе”.

“Боюсь, что да. У меня проблемы. Три огромные проблемы и уже один фингал под глазом...”

Глава 16

Твою мать! Ну как он умудрился нарваться? Оставил его одного всего на час, велел не разгуливать по другим этажам — и нате! Получиться, распишется. Хьюстон, у нас проблемы.

“Где тебя поймали?” — рывкнул я прямо в голову Ронцову.

“Вторая лестница... Между пролетами... Миш, я не продержусь долго. Это второкурсники”.

“Жди. Бегу”.

Я мигом спрыгнул с табуретки и, громко топнув, приземлился — паркет застонал и затрещал под моим весом. — Аккуратнее! — шикнула на меня красотка Скворцова. — Это же библиотека! Здесь нужно соблюдать тишину.

Но я ее уже не слышал — бежал к выходу.

— Соколов! — кричала она мне вслед. — Куда вы? Что случилось?

— Извините, мне нужно идти. Срочно.

— А как же читательский билет? — в голосе Скворцовой звучала смешанная с удивлением растерянность.

— Позже. Все позже! Потом студенческий занесу...

Последнюю фразу я договорил, уже хлопнув дверью малого зала.

Чуть замедлив шаг в главном, чтобы не смущать немногочисленных студентов, я добрался до выхода, а оттуда рванул со всех ног к лестнице в мужском корпусе. Их там действительно было две — одна главная, и вторая, которую нам показал Денисов.

Вот на ней-то и подкараулили Серегу. Понять бы еще, какого рожна он там забыл. Говорил же ему сидеть и не рыпаться. Но это выясним позже. Сперва следовало спасти его тощую задницу.

На бегу я первым делом связался с Рахманиновым.

“Малыш, знят?”

“Свободен”, — ухнул гигант. — “Надо чего?”

“Беги на второй этаж. На черную лестницу”.

“И что там?”

“Наших бьют”.

“Хм... Ладно, иду”.

Докричался я и до Сперанского. Чутье подсказывало, что услуги лекаря Ронцову не помешают. А, что было более вероятно, не только ему, но и всем нам.

Я взбежал по парадной лестнице, едва не сбив с ног стайку озадаченных первокурсников, но даже не успел извиниться — ноги сами несли меня дальше. Добравшись до второго яруса, я свернул в коридор и добежал до самого конца — туда, где располагались запертые общие душевые, оставшиеся еще с тех времен, когда Домашний корпус больше напоминал классическую общагу с удобствами на этаже.

— Эй! Первак! — окликнули меня. — Этажом не ошибся?

Я не ответил — не до того было.

Вслед мне полетели еще какие-то крики, но я уже их не слышал. Эх, погубит меня однажды это геройство, как пить дать погубит... Но поделать с этим я ничего не мог. Умом понимал, что от защиты слабых в Аудиториуме

будут одни проблемы, но и отказаться от этого не получалось. В конце концов, Ронцов и остальные мне доверились. Кем я буду, если брошу их в беде?

И, кроме того, была у меня одна мыслишка, как обратить этот свой недостаток себе же на пользу... Впрочем, этот мой план был еще более дырявым, чем Афанасьевский прожект по краже Головы.

Я с усилием рванул дверные створки на себя, распахнул черный ход и, окутав себя плотной пеленой “Берегини” и “Шлема”, влетел в полумрак лестничной площадки. Шум возни, звуки пинков и ударов на секунду затихли, но тут же снова продолжились.

— Так его! Да!

— Ишь чего надумал! — Доносилось до меня снизу.

— А ну не трожь парня!!! — заорал я и принялся безумно зыркать по сторонам, силясь отыскать среди теней Ронцова.

Все снова замерли. Я не видел их, но чувствовал присутствие. И не только это — здесь еще совсем недавно разливалась сила. Невысокий ранг, но следы витали в воздухе. Но сейчас все замерли, позасовывали языки подальше и даже старались не дышать.

Затихарились, сволочи. И логично — они же не видели, кто сюда вошел.

Ничего, это никому из них не поможет.

Во мне кипел гнев. На придурка Ронцова — за то, что ослушался и поперся гулять куда не следовало. На этих неизвестных второкурсников — за то, что затеяли неравный бой, если это вообще можно было назвать боем. И на себя — за то, что я собирался сделать, даже осознавая последствия.

— А ну вышли на свет! — велел я, быстро зажег небольшой огонек “Жар-птицы” и пустил вниз по лестнице осветить пространство.

— Еще чего! — донеслось снизу.

Снова какая-то возня, пинки, звук удара и тихий скулеж.

Ну, черти, держитесь.

“Колобок” сам по себе возник над моей ладонью.

— Вот вы где, негодяи, — прошипел я, свесился через перила и наконец-то их увидел. — Втроем на одного первака? И не стыдно?

Усилием воли я поддал яркости в “Жар-птице”, и огонек засветился ярче. Теперь оба лестничных пролета хорошо освещались.

Ронцов распластался на пыльном полу. Узнав мой голос, он молча поднял голову и даже выдавил из себя улыбку. Учítывая то, что рот его был в крови, а под левым глазом расцвел хрестоматийный фингал, улыбочка эта смотрелась жутковато и безумно.

“Поздно, Миш”, — шепнул он ментально. — “Беги отсюда”.

“Ну уж нет”.

Моего соседа обступили трое парней — я рассмотрел на их шевронах отметки второкурсников. Тот, что был ближе всего ко мне, резко обернулся.

— Что, подмога пришла? — усмехнулся он и вытер потный лоб тыльной стороной ладони. — Это ты зря, парень. Если ты, конечно, не Соколов.

Я пожал плечами, не гася “Колобка”.

— Видать, слава бежит впереди меня. А в чем, собственно, интерес?

— Значит, и правда Соколов? — второкурсник двинулся на меня, и я смог хорошенько его разглядеть. Невысокий, но очень крепко сложенный. Про таких говорят — коренастый. В руках явно прилично силушки, а рожа хитрая. — Это хорошо. Ты-то там и был нужен. Ну иди сюда, потолкуем о твоём месте в этом мире.

— Выманили, значит? — отозвался я. — Вы, выходит, тоже из этих, поборников древних традиций и чистоты дворянской крови, что и Денисов?

— Вроде того, — ответил тот, что прятался в тенях возле стены. Этот был более изящной комплекции, но от него веяло опасностью. Или это моя сила так на него отреагировала. Словно род, из которого происходил этот второкурсник, был древним и могущественным. А моя сила таких улавливала на раз-два.

“Миш, почему ты один?” — прозвучал у меня в голове слабый измученный голос Ронцова. — “Я же сказал, что их трое. Благодать использовать нельзя. Тут кулаки нужны”.

“Отползи пока подальше”, — ответил я. — “Сейчас разберемся”.

— Ну и кто поднял руку на моего соседушку? — я принялся медленно спускаться по ступеням, сосредоточив в ладонях побольше боевой силы. — Назовитесь.

Благодатью пользоваться запрещалось, но мне этот закон был не писан. Нет, в том, что за применение родовой силы мне точно влетит, я не сомневался, но хотя бы мог удивить относительно непосвященных. Или вынудить их использовать Благодать и подвести себя под еще большее наказание. Все равно окажемся на соседних скамьях у кабинета куратора.

— “Темная” тем и хороша, что она “темная”, — ответил третий. — Меньше знаешь — крепче спишь.

— Какие вы тут все хитрые, усрать можно, — улыбнулся я.

“Это Алабышев, Гордеев и Высоцкий”, — шепнул мне в голову Ронцов. — “Я их знаю. В позапрошлом году видел на дне открытых дверей в Аудиториуме”.

А у нашего бастарда, оказывается, была неплохая память. Надо бы использовать это качество на пользу дела. Ну что ж, значит, эта тройка точно безнаказанной не уйдет. Даже если я сейчас не успею достойно дотянуть до прибытия Малыша, все равно буду знать, кому мстить.

— Ну что, господа, — улыбнулся я. — Числом вы уже задавили. Теперь давайте по-честному. Один на один. Кто первый?

“Перед тобой Петр Гордеев”, — сказал Ронцов. — “Он опасен”.

“Вижу”, — ответил я, заметив ранг на шевроне. — “Четверка”.

Гордеев рассмеялся и покачал головой.

— Мы здесь не для честной драки, а чтобы показать вам, что нас всегда будет больше. И что вам здесь не рады. У вас есть неделя, чтобы под удобным поводом покинуть Аудиториум. Мы даже позволим вам эту роскошь — самим выбрать предлог. Пусть вы нам не ровня, но все же принадлежите к дворянскому сословию... По крайней мере ты, Соколов, чистокровный, пусть и из покрытого позором рода. Но это будет последняя милость, что вы от нас получите.

Он прохаживался передо мной из стороны в сторону, словно чувствовал себя хозяином положения. И что заставило его так думать? Старшинство? Численное превосходство? Видать, не все слухи обо мне до него дошли.

— А если замешкаемся и решим остаться еще так годика на четыре? — холодно улыбнулся я.

— Ну, если жизнь не дорога — оставайтесь. Морг здесь большой.

Достали. Как же они меня достали. И было б чем гордиться. Та нет же, превозносили себя исключительно по праву рождения, влиять на которое никак не могли. А копнешь глубже — и польется такая же красная кровь вперемешку с соплями.

Мда, тяжелоатом мне было свыкнуться с местными реалиями. В моем мире равенства как-то побольше было, пусть и на словах. Здесь же социальное расслоение добралось даже до дворянского сословия.

Но я не собирался играть по правилам этих придурков.

— Серег, уходи! — велел я, обращаясь к силе, что текла внутри меня.

Волна ненависти поднималась, захватывала потоки из родового источника и изливалась прямо в ладони. Кровь словно закипела, забурлила и... Я уже не мог остановить то, что случилось дальше.

“Колобки” в моих руках буквально за какую-то секунду расширились, разрослись, превратившись в два огромных светящихся потока света — я бил чистой родовой силой. И пусть зачерпнул из источника совсем немного, но этого хватило, чтобы ослепить всех, кто стоял на лестнице.

— Ааааа! — донеслось от стены. — Сука! Дальний свет выруби!

— Еще чего, — расхохотался я. — Позднйак метаться, уроды.

И обрушил на них весь поток, что успел захватить. Быстро, мощно — не на уничтожение, но на поражение. Лестница наполнилась криками — боли, неожиданности, возмущения. Гордеев оказался первым на моем пути, и ему досталось больше всех. Поток силы свалил его на колени, и я добавил пару пинков ему по лицу от всей щедрой души.

Обезвредив Гордеева, тут же метнулся к стене — здесь меня встретили парой “Кос”, от которых я лихо увернулся. Сказались тренировки с Матильдой. Оказалось, наставница натренировала нас сильно сверх минимума.

Я дарил второго потоком силы, его отбросило к стене и вдавило в каменную кладку. Он захрипел.

— Урод... Тебе конец за применение Благодати.

— А это и не Благодать, — широко улыбнулся я и врезал ему по лицу.

Третий, взвизгнув, ломанулся вверх по лестнице, но напоролся на как раз открывавшуюся дверь. Малыш с присущей ему размахистостью распахнул створки, и одна из них угодила неудачливому второкурснику прямо по лбу.

— Аааа! — заревел он.

— Малыш, хватай его! — Рывкнул я. — Не дай уйти!

Дважды просить не пришлось. Рахманинов одной рукой сгреб попытавшегося улизнуть студента, скрутил и закинул на плечо. А перед этим для надежности пару раз легонько шлепнул по щекам.

— Уймись, негодяй, — ухнул здоровяк, и второкурсник обреченно обмяк.

— Серег! — Позвал я. — Ты как?

— Здесь, здесь я...

Вспышка моей силы погасила “Жар-птицу”, и Ронцов зажег огонек снова.

— Цел? — оглянувшись, спросил я.

— Местами. Жить буду.

Все еще слепые, Гордеев и второй студент беспомощно ползали по полу и давились кровью.

— Это еще что за вечеринка? — Малыш спустился на несколько ступенек, оглядел масштабы бедствия и вздохнул. — Мишань, у тебя проблемы будут.

— Им я тоже обеспечу проблемы, — зло отозвался я. Сила унялась, а вот гнев все никак не мог уняться.

Ронцов со всей дури пнул Гордеева под дых, тот захрипел, и я хотел было оттащить бастарда, но он сам успокоился.

— Это тебе за бланш, — буркнул Серега. — И что теперь делать будем?

Я взглянул на ребят и пожал плечами.

— Пойдем сдаваться. Все вместе.

Брови Ронцова поползли вверх.

— Уверен, что это хорошая идея?

— Все равно выяснится. Так хоть ускорим события. Ну и может чистосердечное признание немного смягчит наказание.

Малыш кивнул.

— Я с вами. Буду свидетелем. Пусть хоть память читают, все расскажу.

Но договорить он не успел.

Двери снова распахнулись, и на лестничную площадку влетело сразу несколько старшекурсников во главе с темноволосым мужчиной явно восточных кровей. На его кителе красовалась вышивка представителя администрации.

— Это еще что за балаган? — рывкнул он так, что, казалось, задрожали каменные стены. Возможно, он даже вложил Благодать в силу голоса.

— Вот они, Савва Ильич, — подсказал один из “старшаков”. — Видел одного в коридоре, бежал напрямик сюда. Потом голоса, звуки, возня — и мы за вами побежали.

Ага. Савва Ильич. Значит, это был господин Мустофин — выходец из казанского дворянского рода. Куратор Домашнего корпуса.

Поздравляю, Миха, мы влипли по-крупному. Впрочем, все пока шло по плану.

“Миша, там конец!” — верещал напуганный Ронцов у меня в голове. — “Это... Это...”

“Заткнись и не паникуй. Все под контролем”.

“Что ты задумал?”

“Просто заткнись и выложи все как на духу, если Мустофин начнет расспрашивать”.

Я шагнул вперед, закрывая товарищей собой:

— Михаил Соколов, первый курс, группа 1Б. Позвольте мне все объяснить, ваше высокоблагородие, — сказал я. — Произошло нападение на первокурсника.

— Объяснитесь у меня в кабинете, — сухо сказал куратор и кивнул остальным “старшкам”. — Сопроводите господ ко мне. Немедленно.

Алабышев, Гордеев и Высоцкий сидели напротив и взирали на нас с плохо скрываемой ненавистью. Теперь я хотя бы знал, кто есть кто: Алабышеву досталось дверью от Малыша, а Высоцкого я впечатал в стену.

Отплевываясь кровью и потирая ссадины, второкурсники молча слушали рассказ главного потерпевшего.

— Собственно, я сам виноват. Друзья предупреждали, что мое происхождение вызовет негодование некоторых персон, а я усугубил свое положение, отправившись гулять по другим этажам...

— Это никого не оправдывает, — возразил Мустофин и перевел внимательный взгляд темных глаз на меня. —

Есть что добавить, Михаил Николаевич?

Я виновато развел руки в стороны.

— Отпираться не буду. На стороне нападавших было численное превосходство, поэтому я воспользовался родовой силой для защиты товарища. Сожалею. Что пришлось к этому прибегнуть, однако поступил бы точно так же в любом другом случае. Не люблю, когда толпой нападают на тех, кто не может или боится дать отпор.

Мустофин тяжело вздохнул, словно проглатывал длинную тираду, которую собирался на нас вывалить. Второкурсники, явно уже бывавшие в этом кабинете, инстинктивно вжали головы в плечи. Я же, наоборот, выкатил спину колесом — мне стыдиться было нечего.

— Об одном прошу, — добавил я. — Ронцова и Рахманинова пощадите. Одного побили, второй вообще под конец подошел и случайно Алабышеву по лбу врезал. Силу применял только я.

Мустофин поправил накрахмаленный воротник форменной сорочки, и я заметил на одном из его пальцев фамильный перстень-печатку. Золотой с рубином, все дорого-богато. Сам же он оказался относительно молодым мужчиной с щегольскими замашками и сталью в голосе. Веяло от него силой, хотя он ни разу ее перед нами не явил. Но тут мой родовой источник снова отозвался — передо мной был потомок князей, причем кровь у него была немного другая. Сильная, горячая, но безрассудством там не пахло.

— Что ж, господа, — обратился он к второкурсникам. — Я безмерно разочарован. Потомки столь древних и уважаемых родов — Гордеевых, Высоцких, Алабушевых... А повели себя как шайка лиговской шпаны. Где ваше благородство? Куда испарилась честь? Или присутствие незаконнорожденного княжича настолько вас оскорбило, что разом отшибло?

Последние слова он договорил, приподнявшись над столом, и второкурсники словно по команде отшатнулись назад.

— Я могу списать поведение Соколова на горячность, хотя он и признает, что нарушил правила сознательно. Но вы... Горько слышать. Казалось бы, спустя год обучения вы уже должны были осознать, что сословие наше неравномерно и состоит из множества прослоек. И что каждому из вас волей-неволей придется сталкиваться не только с равными по происхождению, но и уважать их качества — как личные, так и профессиональные. Я уже молчу о том, что любую неприязнь можно излить на тренировках и честных поединках — для этого созданы все условия. Словом, вы будете наказаны по всей строгости, господа.

Мы с Рахманиновым и Ронцовым слушали вкрадчивый голос Мустофина, затаив дыхание. Было что-то неуловимо опасное в этом человеке. Несмотря на относительно безобидный вид, он буквально излучал тьму.

— Согласен, что мы облажались, — наконец произнес Гордеев. — И примем наказание.

— Другой вариант не предусматривается. Все трое будут отстранены от занятий на неделю. Каждый из вас отправится на исправительные работы на благо Аудиториума. Алабышев неделю помоем посуду. Высоцкий станет помогать нашим дворникам. Гордеев отправится в прачечную. Там нужна сила. И, разумеется, никто не освобождает вас от учебы. Как будете добывать конспекты, ваши проблемы. Аудиториум — не ясли, да и вы уже не первокурсники.

Все трое нападавших выслушали вердикт молча. Я наблюдал за их лицами и видел, как по ним пробежала рябь отвращения, когда Мустофин озвучил плебейские задания. Полагаю, это он подобрал специально — дабы сбить спесь с зарвавшихся студентов.

— Что до Соколова... — куратор внимательно на меня посмотрел и скрестил руки на груди. — Принимая во внимание положение новичка, искреннее желание спасти и чистосердечное признание, а также попытку взять всю вину на себя... Отработка двух недель в Лабораториуме без отстранения от занятий. С завтрашнего дня все свободное время вы будете проводить за мытьем колб и уборкой последствий экспериментов.

Я кивнул.

— Благодарю за понимание и мягкий приговор, Савва Ильич.

— Работа в Лабораториуме не из легких, — предупредил куратор. — Первым делом выпросите защитную экипировку. Там можно всякими парами надышаться.

— А Ронцов и Рахманинов? — спросил я.

Мустофин скользнул по ним незаинтересованным взглядом.

— Ронцова — в лазарет, Рахманинов не успел влезть в драку. Оба свободны. — Мустофин задержал взгляд на бастарде. — У вас хорошие друзья, Сергей Андреевич. Цените это.

Ронцов улыбнулся кровавой улыбкой.

— Благодарю.

— Господа, вы свободны. Распоряжение с указанием дисциплинарных взысканий будет вывешено на стенде

внизу. Заминать этот вопрос я не вижу смысла. Надеюсь, наказание станет назиданием и для остальных.

Я украдкой улыбнулся.

А план-то оказался не таким уж и дырявым. Две недели в Лабораториуме поближе к Голове — именно то, что мне было нужно.

Глава 17

Первыми кабинет Мустафина покинули второкурсники — подорвались так, словно только и ждали команды убираться прочь. Дождавшись их ухода, я поднялся, поклонился куратору и кивком пригласил Ронцова и Малыша за дверь.

— Михаил Николаевич, — позвал меня Мустафин. — Прошу, задержитесь на пару минут.

Я пропустил ребят к дверям и направился обратно к столу куратора.

— Чем могу помочь?

Савва Ильич пристально всматривался в мое лицо и долго не говорил ни слова. Словно сканировал, хотя я не ощутил прикосновения его силы к своему разуму. Наконец, Мустафин устало вздохнул и указал на кресло. Я подчинился и сел на самый краешек, надеясь, что беседа не продлится долго.

И вот чего еще ему от меня понадобилось?

— Вам здесь придется туго, Михаил, — сказал куратор. — Позвольте такое краткое обращение к себе?

— Конечно, — кивнул я и улыбнулся. — То, что будет непросто, я понял еще на вступительных испытаниях. Да и раньше предупреждали. Но мой род не ищет легких путей, Савва Ильич. От меня многое зависит, и я осознаю ответственность перед родными.

Но мои слова, казалось, его не убедили.

— Боюсь, сегодняшняя стычка окажется не последней. Это вы понимаете, Михаил?

— Разумеется. И прекрасно осознаю, что сегодняшние события вызовут у некоторых особ лишь больший гнев. Возможно, мне захотят отомстить, да и Ронцову не раз достанется. Другой вопрос, и вопрос к вам, уж не сочтите за наглость. — Я чуть подался вперед и уставился на Мустафина. — Почему Аудиториум не стремится предотвратить подобные нарушения дисциплины?

Савва Ильич печально улыбнулся.

— Михаил, Аудиториум — место своеобразное, но это все же не тюрьма. У нас был неудачный опыт очень тугого закручивания гаек. И угадайте, кто первым взвыл и стал ходатайствовать о смягчении правил?

— Полагаю, выходцы из именитых и могущественных семей.

— Именно. Те, кто состоит в попечительском совете. Увы, далеко не все родители согласны держать своих отпрысков в ежовых рукавицах. Поэтому определенные послабления в Аудиториуме все же имеются. При этом мы считаем правильным давать равные возможности всем поступившим. По этой причине наказания и поощрения будут одинаковы для всех.

Я натянуто улыбнулся. Ну что ж, примерно такого объяснения и следовало ожидать.

— Неужели вы только что вы расписались в неспособности поддержать порядок и обеспечить мне безопасность?

— Конечно, нет, — отмахнулся куратор. — И уж тем более я не преследую цели вас напугать. Лишь прошу реально смотреть на вещи. До тех пор, пока ваш род не вернет Осколок, многие будут смотреть на вас свысока. Впрочем, вы, Михаил, представляете особый интерес для преподавательского состава ввиду природы вашей силы. Поэтому потерять вас никто не захочет. Однако не все студенты осознают, сколь уникальный вы человек. А когда они это поймут, что непременно случится со временем, начнут завидовать. Согласитесь, особа, не зависящая от Благодати, но способная выдавать мощнейшие потоки силы почти в любой ситуации...

— Повод для зависти, да, — ответил я. — Но скрывать это бессмысленно.

— Верно, — кивнул Мустафин и поправил гладко зачесанные назад волосы. — Поэтому я сейчас с вами и разговариваю. Мне нужно убедиться, что вы понимаете, где оказались и что ждет вас дальше.

— Ничего хорошего, судя по всему.

— Ну, не стоит так драматизировать. Вот увидите, завтра, когда новости о вашей драке облетят весь Домашний корпус, вы прославитесь. В этом есть и свои плюсы. Ваша же задача, Михаил, научиться жить со своими даром и проклятьем так, чтобы извлекать из этого пользу. Это главное, что может дать вам Аудиториум.

Опыт, Михаил. Опыт бесценен, и я прошу вас об этом ежеминутно помнить.

Хотел бы я ответить, что опыт — еще и дитя ошибок, но не успел. Мустафин поднялся, давая понять, что аудиенция была окончена. Я тоже вскочил и с удивлением уставился на протянутую для пожатия руку.

— Поступок, что вы совершили, был благородным, — тихо сказал куратор. — Я не одобряю его с позиции своей должности, но по-человечески вас понимаю, хотя на этой службе мне и нельзя иметь любимчиков. И все же проявите осторожность, ваше сиятельство. Не всем здесь это свойственно. Хотя казалось бы...

Я крепко пожал руку куратора и, попрощавшись, выскользнул за дверь. А этот Мустафин вроде оказался нормальным мужиком. Не жестил, но и не мямлил. Старался относиться к каждому случаю адекватно, хотя было очевидно, что в таком серпентарии, как Аудиториум, получалось это с трудом. Тем не менее наказание меня удовлетворило и показалось справедливым.

Интересно, догадался ли наш куратор, что я не просто защищал Ронцова, но и преследовал другую цель?

В конце коридора, облокотившись на лестничные перила, меня дожидались Сергей и Малыш. Ронцов пытался оттереть кровь одолженным у Рахманинова носовым платком, но без воды получалось скверно.

— Ну как, Миш? — ухнул здоровяк. — Вроде обошлось?

— Ага, я доволен. Давайте отведем Серегу в лазарет. Нужно подлечить ему лицо.

— Не только лицо, — отозвался Ронцов. — По почкам врезали будь здоров. И чуть хребет не переломил, упав с лестницы.

Я сверился с планом этажа, припомнил карту корпуса в брошюре и указал на лестницу.

— Нам на второй этаж, лазарет там. И пока мы идем, Сережа, изволь объяснить, какого рожна ты оказался там, где оказался.

Ронцов вернул Рахманинову платок и потупил взгляд.

— Ну, Сереж, — подбадривал его Малыш. — Рассказывай давай. Бить за это никто тебя не будет. Уже...

— Бить, конечно же, не стану, — отозвался я. — Но не буду лукавить — я очень зол. Я в ярости, вашу мать! Сереж, ну ты же понимал, что тебе нельзя шляться где попало. Что у Денисова и его компании обязательно есть дружки и на других курсах. И что мы не всегда будем рядом. Сегодня повезло — оба оказались недалеко. А если бы мы опоздали? Или вообще не отозвались? Или если бы у меня сил не хватило их раскидать? Что было бы тогда?

Ронцов остановился, оглянулся по сторонам и, не заметив лишних глаз и ушей, обратился ко мне:

— Ну, меня бы нашли через несколько часов, когда Сперанский или Афанасьев подняли бы тревогу, потому что я не вернулся к ужину... Простите, ребят, — вздохнул он. — Понимаю, это был дурацкий поступок. Я не рассчитал, облажался, но я должен был так поступить.

А вот это уже было интереснее. Чего это там Ронцов удумал?

— Расскажи по порядку, что, где, как и почему, — велел я.

— Опять смеяться будете.

— Не будем, — пообещал Малыш. — Давай, Серый. Не ссы.

Ронцов вздохнул.

— Я и правда долго сидел в комнате вместе с Колей и Гришей. Они прикидывали, с кем из знакомых старшекурсников можно пообщаться, чтобы выяснить побольше о Голове и попытках ее украсть. Ну и я припомнил, что у меня тоже есть здесь пара знакомцев. Было несколько ребят в гимназии, которые относились ко мне без ненависти. Я им с домашкой помогал — с гуманитарными науками всегда успевал и изучил программу на пару лет старше, а они пару раз за меня заступились, когда запахло жареным. Дружбы между нами не было, но хотя бы отношения сложились равные... Я знал, что двое из них в прошлом году прошли в Аудиториум.

Ну, хотя бы становилось чуть яснее.

— И ты решил их найти, так? — предположил я.

— Да, — кивнул Ронцов. — Знал, что они второкурсники. Подумал, если поднимусь на их этаж и пойду по общим коридорам, то никто меня не тронет. Это же не гетто какое... Но кое-чего не учел.

— Что случилось? — торопил Малыш.

— Меня обманули. Я начал ходить по этажу, спрашивал, как найти Васю Плахова и Тимофея Стрешнева — это те самые, с кем я общался. Просто шел по этажу и искал, вопросы задавал. Вежливо, прошу заметить! Не нарывался. Всего-то хотел выяснить, в каких комнатах они живут или на какие факультативы ходят. Ну, чтобы потом подойти, если что.

— И?

— Подошел к Гордееву. Ну, к тому, которого ты потом ослепил... Спросил. Он сперва пытался выяснить, что мне от них нужно. Я наплел, что учились вместе — и не солгал. А вот в чем облажался, так это в том, что имел неосторожность представиться. Назвался полным именем... Правда, в тот момент гордеев никак не проявил ненависти. Сказал, что они пошли в кладовые в конце корпуса, где старые душевые. Уборка у них, дескать. Ну вот здесь-то я и не догадался, что это была ловушка. Это была моя вторая ошибка.

Малыш хлопнул себя ладонью по лбу.

— Ну Серег... Ну как так-то...

— Значит, они отправили тебя в безлюдную часть этажа и там зажали? — Продолжал я импровизированный допрос. Мустафин в такие детали не вдавался, а вот мне было интересно.

— Ага, — кивнул Ронцов. — Я от них бежать бросился. Припомнил, что черный ход недалеко был, заскочил туда. Хотел скрыться в служебных ходах, потом бы вылез. Но отбежать далеко не успел — огрели они меня в спину чем-то вроде “Косы” — хорошо хоть, что по привычке “Берегиню” нацепил. Шарахнуло сильно. Ну я и покатился с лестницы. Не поломался, но они меня догнали. А дальше вы знаете.

— Дерьмо, — вздохнул я и покрепче сжал плечо бастарда, и он скривился — видать, я случайно задел больное место. — Это тебе, Сереж, наука. Одному не ходить, никому из незнакомцев не доверять. Да и эти твои знакомые вполне могут повести себя не так, как в гимназии. Кто знает, как их этот Аудиториум перемолол...

— Ну теперь-то я это понимаю. И все равно обидно, что так наивно попался. И было еще кое-что. Почему я решился.

— М?

— Я устал бояться, парни. Устал, понимаете? Сколько лет уже тряся за свою шкуру и получал затрещины. У меня это уже вот где сидит! — Он приставил ладонь к горлу. — А тут еще на вас посмотрел, с Головой пообщался... И решил, пусть сначала будет сложно, пусть у меня вообще, может, ничего и не получится. Но я хотя бы попытаюсь. И я дал отпор. Их там просто оказалось больше. Но я больше не стану трястись, как осиновый лист. Мне НА-ДО-Е-ЛО!

Было сейчас в глазах Ронцова что-то, что заставило меня ему поверить. Вроде и прилетело ему не хило, и закончилось бы все много хуже, не подоспей я вовремя. Но парень не был сломлен. Да, смутился, испытывал неловкость за то, что подвел меня под наказание... Но он не жалел.

Малыш широко улыбнулся.

— А вот такой разговор мне уже гораздо больше нравится.

— Научите меня драться, — попросил Ронцов. — Прошу, ребят. Помогите стать другим. Если Голова была права, из меня может получиться сносный боевик. Я просто об этом не задумывался до той церемонии. Даже помыслить боялся, что придется именно сражаться... Но сейчас я чувствую, что готов.

— Легко не будет, — предупредил Рахманинов.

— Знаю. Но не боюсь.

— Значит, научим, — пообещал я. — И не только Благодатью работать, но и кулаками махать. Но сперва, Сережа, идем в лазарет. Заштопаем твою фотогеничную мордашку.

Адский будильник Афанасьева снова поднял всех, кроме самого менталиста, ровно в шесть. Утренние метания по комнате у нас уже были слаженными: пока один мылся, второй чистил зубы, а третий возился с кроватью и расталкивал Гришу. Лучше всего это удавалось Сперанскому — трюк с брызгами воды имел неизменный успех.

Но в это утро все пошло иначе, едва мы переступили порог нашей 507 обители.

— Это он!

— Слышал, это Соколов вчера раскидал троих второкурсников.

Шепотки гуляли по коридору, преследовали меня на лестнице, а уж в столовой мне и вовсе было не спрятаться от взглядов. Слухи разлетелись слишком быстро и не без помощи куратора — объявление о дисциплинарном взыскании еще до завтрака повесили на стенд внизу.

— Ну и каково тебе быть популярным? — Кто-то толкнул меня в бок, и я едва не уронил поднос с омлетом и бутербродами.

Ирка скалилась во все зубы, но я знал эту ее улыбочку. Ничего хорошего она не сулила. Я был готов поклясться, что вскоре она примется меня отчитывать за неблагоразумное поведение.

— Нормально, — отозвался я и подхватил пару кусков ветчины. — Я так понял, уже вообще все в курсе?

— Это ж Аудиториум, та еще деревня. Надо же людям как-то развлекаться.

Хорошо бы, чтобы это проходило без моего участия. Но, увы, план требовал именно таких действий. Если хочешь, чтобы тебя заметили, изволь светиться.

Но мне это было не по нутру. Не любил я все это внимание.

Ирэн тем временем согнала каких-то девиц с нашего излюбленного стола и водрузила поднос. Вскоре собралась вся наша группа, за исключением Денисова и княжеской троицы — эти обедали поодаль, но то и дело поглядывали на нас.

— Ну что, герой, пробирки мыть будешь? — усмехнулась Грасс. Впрочем, смотрела она на меня уже теплее. Видать, любила хулиганов.

Жуя, я кивнул.

— Легко отделался, — заключил Афанасьев. — Могли и от занятий отстранить.

— Могли, — согласилась Ирина. — Но, видимо, повезло с куратором.

— Не без этого. Нормальный мужик.

Я потянулся к чашке с кофе, но в этот момент чья-то рука легла мне на плечо. Судя по тому, как поползли вверх брови Ирэн, это был кто-то неожиданный.

Я медленно обернулся.

Передо мной, обворожительно улыбаясь, стояла рыжеволосая девица в короткой не по уставу юбке, едва прикрывавшей задницу, зато открывавшей головокружительной длины ноги. На шевроне кителя красовалась нашивка третьего курса.

— Здравствуйте, Михаил Николаевич, — еще шире улыбнулась девушка. — Ядвига Хруцкая, третий курс, артефактор.

Я обернулся к ней всем корпусом и даже перекинул ноги через лавку. Да и вообще неплохо было бы уважить даму и подняться.

— Чем могу помочь? — спросил я, игнорируя безмолвные многозначительные взгляды одноклассников.

— Судя по расписанию, первой пары у вас сегодня нет, и занятия начнутся со второй. А поскольку с сегодняшнего дня все свободное время вы обязаны проводить на работах в Лабораториуме, то я явилась по вашу душу. Буду сегодня вашей наставницей. Или надзирательницей — это от вас зависит.

Я бросил полный тоски взгляд на недоеденный завтрак.

— Дожевать позволите? На голодный желудок из меня плохой работник.

— Разумеется, ваше сиятельство. Жду вас у стендов. У вас десять минут.

Девица развернулась и направилась к выходу, покачивая бедрами и сверкая высокими, выше колен, гольфами. Я с трудом оторвал взгляд от ее смуглых ножек и обернулся к столу.

Ирэн тихо присвистнула.

— Вот это ноги... Кажется, даже я влюбилась.

В кои-то веки Анна Грасс была с ней солидарна.

— Да уж... Почему полячки всегда такие знойные?

Афанасьев пялился на третьекурсницу до тех пор, пока она не скрылась за дверями, а затем обернулся ко мне.

— Знай я, что в комплекте с наказанием пойдут такие надзирательницы, то, пожалуй, вызвался бы поджарить мозги всем обидчикам Ронцова... Везунчик ты, Соколов.

Я засунул в себя остаток завтрака и щедро запил остатками кофе.

— Это мы еще поглядим, свезло мне или нет... Ладно, ребят, — я поднялся. — Служба зовет. Увидимся на паре.

“Не ревнуй”, — бросил я Ирэн ментально.

“И не подумаю. Нет, ты видел ее ноги?”

Я усмехнулся. А Ирка-то, казалось, тоже подрастеряла спесь и чопорность, хотя в излишках целомудрия не была замечена. И все же.

“Только не нарвись на еще каких-нибудь старшекурсников”, — попросила она. — “Бесконечно тебе кредитов давать не будут”.

“Знаю. Постараюсь”.

Я вышел из шумного зала и направился к стендам, возле которых толпились студенты. Длинноногая Ядвига отошла от стены и кивнула в сторону выхода.

— Идемте, ваше сиятельство. Покажу фронт работ. На сегодня вы полностью мой, и я у меня большие планы на вашу помощь.

— Извольте уточнить. Пробирки мыть? Полы протирать?

Девушка рассмеялась.

— Ох, что вы, ваше сиятельство. Отнюдь. Сегодня мы с вами будем проводить эксперимент на живых людях.

— И кто доброволец?

— Боюсь, что вы, Михаил Николаевич, — загадочно улыбнулась третьекурсница.

Глава 18

— Хм... Если я ничего не путаю, само понятие “доброволец” предполагает, что я буду участвовать в этом эксперименте по своей воле, — ответил я, едва мы вышли за порог Домашнего корпуса.

На газонах лежала снежная крошка, но хотя бы ветра не было. Если я ничего не перепутал, до Лабораториума было минут десять бодрым шагом через парк, аккуратно на север. Если, конечно, эта Ядвига действительно вела меня туда.

Честно говоря, после той ловушки, в которую второкурсники заманили Ронцова, я теперь постоянно был начеку, а длинноногая знойная красотка вроде Хруцкой прекрасно подходила на роль отвлекающего маневра. При взгляде на такую у кого угодно отшибло бы мозги и инстинкт самосохранения, но моя паранойя оказалась сильнее. Я шел за девушкой, бесстыдно пялясь на ее едва прикрытый юбкой зад, и ежился от холода.

— Что, Михаил Николаевич, стало страшно? — с улыбкой обернулась Хруцкая и тряхнула копной роскошных огненных волос. — Что ж вы раньше не подумали, когда нарывались на наказание?

— А думать было некогда. Друга защищал, — огрызнулся я.

— Ой, ну полно вам. Бояться нечего. Пусть ваше участие и добровольно-принудительное, но я обещаю, что вы не пожалеете. И мне стоило больших трудов выбить у Плещеева вас на пару дней в свое пользование.

Пользование, ага. Словно я был вещью. Странноватые все же повадки были у старшекурсников.

— Почему я?

— Потому что, Михаил Николаевич, вы сейчас единственный студент во всем Аудиториуме, чья природа силы отлична от Благодати. И мне очень пригодится эта ваша особенность.

— Зачем?

— Для настройки артефакта, над которым я работаю. Для чего же еще?

— Понятия не имею. Кто вас, артефакторов, знает...

Мы как раз дошли до конца широкой дорожки, и, обойдя скульптурную композицию, кажется, трех граций, свернули на север.

— Здесь есть короткий путь, но придется пробежаться, — сказала Хруцкая и уставилась на мои ботинки. — Обувь подходящая. Отлично.

Не успел я спросить, что именно она имела в виду, как девушка торопливо зашагала напрямик в заросли каких-то кустов высотой с человеческий рост. Пожав плечами, я последовал за ней — чай, не впервой уже шастать по пересеченной местности в компании одаренных аристократок.

Хруцкая ловко раздвинула ветви и, обернувшись ко мне, улыбнулась:

— Рекомендую запомнить дорогу.

А затем ломанулась напрямик по припорошенному газону — только подошвы ее ботинок сверкали. И тут, побежав за ней, я понял, что она имела в виду. Насыпная дорожка делала большой крюк, и это расстояние невозможно было рассчитать из-за кустарников. А так Хруцкая срезала по прямой добрых метров пятьсот. И короткий путь вывел нас ровнехонько к мосту, к которому подходила основная дорога.

А за мостом через узкую протоку высились стены Лабораториума, больше походившего на особняк какого-нибудь безумного ученого. Остроконечные башенки соседствовали с зубчатыми стенами. Тут же была длинная деревянная веранда, примыкавшая к высоким каменным уступам. Окна тоже оказались разными? Готические стрельчатые, круглые, классические прямоугольные...

— Почему это место так странно выглядит? — Спросил я, когда мы прошли мост.

— Лабораториум часто перестраивался, ибо нередко... Скажем так, случались различные инциденты, после которых здание требовало ремонта.

— То есть эксперименты здесь не самые безопасные?

— Разные курсы делают разные работы. Кто-то предпочитает создавать безвредные артефакты, а иные сорвиголовы могут и бомбу сотворить. Можете представить себе, что будет, если смешать порох, Благодать и

юный пытливый ум?

— Катастрофа? — ухмыльнулся я.

— Примерно. Так что Лабораториуму периодически достается.

Я задумался. Если Лабораториум оказался столь опасным местом, то зачем там хранили ценные артефакты, если существовала угроза их уничтожения? Или меры защиты, что принимали для охраны, нивелировали эту опасность? Черт знает. На месте ректора я бы прятал Ленку Пантелеева понадежнее...

Или я что-то упустил?

Пока я размышлял о безопасности, знойная полячка вывела нас к входу.

— Добро пожаловать, — она отвесила шутливый поклон. — Хорошо, что вас определили сюда на отработку. В Лабораториуме никогда не бывает скучно.

Не знаю, что веселого в отмывании пробирок, уборке помещений или участии в загадочных экспериментах. Но вариантов у меня не было.

— Постойте, — сказал я и поравнялся я красоткой. — Предлагаю сделку.

Хруцкая бросила на меня заинтересованный взгляд.

— Что вы можете мне предложить?

— Ну вы же сами сказали, что я единственный из всего Аудиториума, кто может помочь с вашим артефактом. Чем бы он там ни был. Предположим, вам больше не придется выбивать мое время на помощь в собственных экспериментах, и я найду способ уделить вашему проекту столько сил и часов, сколько потребуется...

С каждым моим словом интереса в глазах Хруцкой становилось все больше. Она отбросила со лба огненную прядь и уставилась на меня в упор с легкой соблазнительной улыбкой. Да уж, этой девице палец в рот не клади. Каждое ее движение, каждое выражение лица несло в себе соблазн. Устоять и правда было сложно.

— А что вы попросите взамен, Михаил Николаевич? — томно выдохнула она. — В обмен на то, что поможете сделать мне лучшую курсовую работу на всей кафедре в этом семестре...

Я нервно сглотнул, когда ее губы оказались в опасной близости от моих. От нее пахло чем-то сладким, словно она пользовалась фруктовой помадой или чем-то подобным.

— Я же первокурсник, — улыбнулся я. — Чего может хотеть первокурсник от особы, проводящей все свободное время в Лабораториуме.

Глаза Хруцкой хитро сузились, и она снова загадочно улыбнулась.

— Значит, вас интересует говорящая голова...

— Именно, — отбросив остатки стеснения, я наклонился к ней и обжег горячим дыханием ее ухо. — Расскажите побольше о Голове — и я помогу с вашей курсовой. Даже пару фокусов покажу и, быть может, расскажу побольше о родовой магии...

Вот уж не думал, что девица с данными Хруцкой могла возбудиться не от какой-нибудь романтики или созерцания античных статуй всяких там Давидов в саду, а от... учебы. Хруцкая тяжело задышала, глаза потемнели от желания, но, взяв эмоции под контроль, она несколько раз моргнула.

— Черт, Михаил Николаевич, а ведь вы меня раскусили. Опасная, однако, проницательность. Ничто не заводит меня больше, чем знания.

— В таком случае я могу обеспечить вам незабываемое время за... обменом знаниями. Ну что, по рукам?

— Спрашиваете!

Мы скрепили сделку традиционным рукопожатием, которое, впрочем, несколько затянулось, и Хруцкая кивнула в сторону входа.

— В таком случае идемте, Михаил Никола...

— Миша.

— Ладно, Миша... Идем, и я покажу тебе кое-что интересное...

Но не успели мы подняться по нескольким ступеням, как двери Лабораториума распахнулись словно сами по себе. Я едва успел отскочить и увлечь за собой Хруцкую.

— Ой! — испуганно взвизгнула студентка.

— ЧУДОВИЩНО! — гулко взвыли откуда-то из глубины Лабораториума. — ОТВРАТИТЕЛЬНО!

Что-то пролетело совсем рядом с нами, грохнулось на крыльцо и покатилося по ступеням. Следом из недр Лабораториума вылетел еще один непонятный предмет, затем еще. И мне показалось, что я услышал уже знакомый глухой хохот Ленки Пантелеева.

— Эй! — нагло крикнул я. — Чего вы кидаетесь? Тут же люди ходят!

Ядвига пришла в себя. Моргнула пару раз, взглянула на разбросанные предметы — мне их форма и вид ни о

чем не говорили. Какие-то металлические шарики, цилиндры...

— Понятно, — вздохнула девушка. — У Евгения Родионовича опять провалился эксперимент...

Хм. Ладно, беру свои слова назад. Кажется, в Лабораториуме и правда веселились на всю катушку...

Я взглянул на спутницу.

— И часто у вас такое?

— Да постоянно, — отмахнулась Хруцкая. — Работа у нас такая... Парами дышим, с ума сходим...

И чего это такую красотку потянуло именно в артефакторию? Казалось бы, самая скучная специализация после целительства. Но Хруцкая, казалось, жила несколько на своей волне. А вот то, что девица была с безуминкой, проглядывалось уже сейчас. Интересно, что это за пары такие?

Она потянула меня за собой и осторожно выглянула из-за двери.

— Евгений Родионович, это я, Ядвига! Привела наказанного!

Из глубины полутемного холла донеслось шарканье, что-то грохнулось, кажется, даже разбилось, и я услышал негодующее ворчание. Ну точно безумный профессор. И угораздило же.

— А, Ядка, ты? — прошамкал старик и вышел на свет. Я едва удержался от того, чтобы не рассмеяться.

Евгений Родионович, кем бы они ни был, выглядел как настоящий безумный ученый. Под рабочим халатом — всем в подпалинах — красовался выдавший лучшие годы распахнутый китель. Галстук был приспущен и тоже явно пострадал в ходе каких-то экспериментов. Всклооченные седые волосы старика и седая же борода придавали ему вид совершенно безумный. Но сильнее всего выделялись глаза. У этого деда они были красными.

— Ох ты ж! — Я инстинктивно отшатнулся.

Дед расплылся в любезной и чудаковатой улыбочке, обнажив на удивление крепкие и здоровые зубы.

— О, значит, вы у нас Соколов? Пойдемте, голубчик, пойдемте... Ядка, скажи Ване, чтоб убрал отработанный матерьял!

Я замешкался на пороге, всерьез размышляя, стоило ли входить в эту обитель безумия. Инстинкт самосохранения вопил, что нужно было отсюда бежать со всех ног, но природное любопытство брало верх. Ну и Мустафин по головке не погладит. И что-то мне подсказывало, что куратор отправил меня сюда не просто так. Не было ли это небольшим знаком расположения? Если он сочувствовал таким, как я и Ронцов, не мог ли он подстроить так, чтобы я попал именно в то место, откуда требовалось стащить Голову?

Старый ученый поманил меня к себе и слегка поклонился.

— Евгений Родионович Плещеев, профессор артефактории и заведующий Лабораториумом этой богадельни, — представился он. — Прошу извинить за несколько взбалмошное знакомство. Мне никак не удастся раскрыть секрет одного найденного в Дакии боевого артефакта...

Я ответил более почтительным поклоном.

— Михаил Николаевич Соколов, первый курс.

— И носитель уникальной родовой силы.

Глаза профессора улыбались, и я, как и предрекал куратор, увидел в них очень живой интерес. Почти такое же вожделение, с каким на меня глядела Хруцкая. Да уж, собрались здесь любители экзотики. Живым бы уйти.

Ядвига тем временем присоединилась к нам.

— Евгений Родионович, вы обещали, что утром он — мой.

— Помню-помню. Ты, Ядка, все соки из парня не выжимай. Ему силы еще пригодятся.

— Да я немножко. Сегодня будет просто ознакомительный эксперимент...

Чем дальше, тем интереснее.

— Тогда идем? — Я демонстративно взглянул на циферблат наручных часов. — Мне остался час до пары.

Хруцкая деловито кивнула.

— Успеем.

Профессор Плещеев проводил нас долгим взглядом, а затем направился куда-то на первый этаж и принялся греметь какими-то склянками.

— Сейчас утро, народу в Лабораториуме почти нет, — вещала по дороге Хруцкая. — Обычно подтягиваются после второй пары. Но и засиживаемся допоздна. Поэтому, Миша, имей в виду: до самого отбоя придется торчать здесь.

Я пожал плечами. Это вполне вписывалось в мои интересы.

— Ничего. Пару недель и потерпеть можно.

— Я тоже имею привычку задерживаться допоздна, — промурлыкала девушка. — Так что если решил помогать мне, придется все успевать...

— Разберемся, чертовка.

Хруцкая обворожительно улыбнулась и повела меня в самый конец темного коридора. Это место мало походило на лабораторию, какой я себе ее представлял. Мне виделись кафельные полы и стены, много белого, яркие лампы и металлические приборы. А на деле оказалось, что Лабораториум больше напоминал старинный особняк, в который свезли всю ненужную старую мебель.

Впрочем, было в этом какое-то неуловимое очарование. Создавалось впечатление, что я перенесся на десятки, если не сотни лет назад. Удивительно, как Лабораториум сохранил этот дух спустя столько перестроек и восстановлений. Возможно, не обошлось и без Благодати.

Хруцкая открыла деревянную с окошком дверь и пропустила меня вперед.

— Добро пожаловать в мою лабораторию, — с гордостью произнесла она. — Я пока что единственная третьекурсница, которой выделили собственное постоянное место для работы.

— Значит, ты и правда преуспеваешь в артефактории?

Девушка кивнула.

— Знаю, что не произвожу впечатление ученой. Но внешность обманчива, да и мне нравится сбивать людей с толку. Но я и правда талантлива в этой специализации и уже сделала несколько занятных артефактов.

— Взрываешь?

Ядвига покачала головой и подошла к массивному столу, на котором были хаотично расставлены разнообразные предметы — колбы, разноцветные шарики из различных материалов, трубки, горелки, порошки...

— Нет, я выбрала небоевую артефакторию. Будем честны — чтобы хорошенько бабахнуть, даже Благодать не требуется. Неодаренные в других странах убивают друг друга пачками и без помощи великой Силы Осколков. Мне гораздо интереснее преобразовывать силу в вещи, которые без этой силы не работали бы вовсе.

— Логично, — кивнул я. — И для какого же артефакта я тебе нужен? Что у тебя за курсач?

Хруцкая снова улыбнулась — видимо, ей льстил мой интерес. Накинув невзрачный халат на плечи, она подала мне такой же.

— Лучше застегни на все пуговицы — китель надо беречь.

— А маску дашь?

— Паров сейчас не будет. Это безопасно.

— Точно?

— Если я случайно тебя покалечу, с меня ректорат голову снимет, — резко посерьезнела девушка. — Ты же уникал! Редчайший...

— Экземпляр? — горько усмехнулся я.

— Представитель. Возможности родовой силы слабо изучены, но артефакторы должны ее учитывать при создании своих изделий. И раз я работаю с Благодатью, то должна проверить и то, как артефакты реагируют на тебя...

— Так я тебе нужен просто для проверки?

— Пока что — да. Но это прототип. И, увы, уже не первый.

Хруцкая надела плотные перчатки, подошла к стальному шкафу с кодовым замком, набрала комбинацию, и дверь с тихим шипением отворилась. Запустив руки в недра хранилища, девушка осторожно, словно несла переполненную колбу с кислотой, вытащила... Совершенно простой металлический кубик размером примерно десять на десять сантиметров.

Но, присмотревшись к нему внимательно, я понял, что куб был не так-то прост.

Всю поверхность артефакта покрывала сетка бледно светящихся прожилок. Было похоже на дамасскую сталь с ее волнами и слоями, но часть металла светилась, а часть — нет.

— Что это за штука? — спросил я, всматриваясь в узоры.

— Усовершенствованный вариант Ока, — ответила Хруцкая. — Обычное око просто считывает ранг Благодати на текущий момент и оказывает его цветом. Я пошла дальше в своих изысканиях.

— Что придумала?

— Око делается из особого стекла, но я решила использовать металлы. Это сплав нескольких металлов, смешанный с винами и породой Осколка с нужной пропорции. Такая комбинация при условии использования потоков Благодати реагирует на силу и позволяет выявить не просто текущий ранг Благодати, но и общий потенциал силы субъекта...

— Винами, — припомнил я. — Это же допинг?

Хруцкая кивнула.

— Да, минерал, который временно усиливает ранг. Пыль винамия и пыль Осколка в особой связке позволяют рассчитать потенциал. Они вступают в реакцию с текущей силой субъекта и показывают его возможности для развития.

Я улыбнулся, не в силах оторвать глаз от изящной простоты творения Ядвиги.

— Значит, ты решила заменить Голову другим артефактом?

— Не совсем. Ленька незаменим. Но то, над чем я работаю, тоже может помочь. Особенно в провинции, где не так много одаренных. И я хочу понять, как мое создание отреагирует на твою родовую силу, Михаил, — Хруцкая протянула мне куб обеими руками. — Окажешь мне честь и прикоснешься к нему?

— Конечно.

Я дотронулся до него не сразу — несколько раз провел ладонью над идеально гладкой поверхностью куба, пытаюсь уловить потоки силы, что исходили от артефакта. Фон был похож на низкий гул, вибрации были совсем тихими, но сила, заключенная в нем, точно была немалой.

Ну, с богом.

Я осторожно прикоснулся к артефакту и первым делом ощутил ледяной холод — настолько резкий, что едва не отдернул руку.

И тут куб вспыхнул. Не просто засветились прожилки пыли винамия. Нет, артефакт полностью охватило яркое сияние, и под моими пальцами он начал стремительно нагреваться.

— Это нормально? — Спросил я, когда пальцы начало уже невыносимо жечь.

Хруцкая мотнула головой.

— Нет. Что-то не так. Убирай руку.

Я попытался, но... Не смог. Ладонь словно приросла к кубу, и мне казалось, что кожа начала сплавляться с его раскаленной поверхностью.

— Не получается, — прошипел я, стискивая зубы, чтобы не заорать от боли. — Не могу!

Глава 19

— Господи боже! — Ядвига инстинктивно отпрянула и попыталась вырвать артефакт из моих рук.

Я попытался избавиться от раскаленного куба, но куда там! Он прирос ко мне как присоска.

— Выруби его, срочно! — крикнул я. — Деактивируй!

— Не могу! — взвизгнула Ядвига. — У него же нет кнопки “Вкл/Выкл”! Он активируется от прикосновения силы испытуемого. У подобных артефактов вообще нет устройств управления!

А следовало, блин, об этом позаботиться. Или хотя бы предусмотреть примитивнейшие меры безопасности. Прототип хренов... Черт, как же было больно...

Металл, казалось, попросту расплавил мне кожу. Я уже не мог сдерживаться и заорал от боли во всю силу своих легких. Хруцкая подпрыгнула, побледнела и принялась суетливо бегать по лаборатории.

— Сделай что-нибудь! Твоя ж работа! — ревел я, пока девушка металась, пытаясь оттащить артефакт от меня. Тщетно. С каждой секундой куб словно глубже вращался в мою плоть, выжигая кожу, мышцы и кости, продолжая истязать. Каждое мгновение контакта с артефактом превращалось в бесконечную муку.

— Хоть руки руби, только убери его, — с трудом шевеля языком, проблеял я. В глазах расплывались радужные круги, и я чувствовал, что едва удерживался в сознании. — Я не смогу... Долго...

— Kugwa! — выругалась на родном польском Ядвига и растерянно оглянулась по сторонам, явно ища что-нибудь, что могло помочь.

Не найдя ничего подходящего, она застыла на пару мгновений, прикрыла глаза, и, вернувшись в реальность, бросилась ко мне. Видимо, быстро отправила кому-то ментальное сообщение. А затем сотворила силовой купол, похожий на “Покров” — видимо, на случай, если куб решит рвануть в моих руках и забрызгать кусками меня всю лабораторию.

— Попробую вот так, — закусив перчатку, Хруцкая быстро стянула ее и прикоснулась к артефакту голой рукой.

Я поднес куб ближе к ней, хотя даже руки поднять уже почти не мог.

— Ай! — вскрикнула девушка и отдернула ладонь. — И правда горячо. Очень. Так не должно быть...

— Нет, блин, я тут симулирую! — рявкнул я, тряхнул ладонью, и приросший к моей ладони куб остался болтаться на ней. Теперь, по ощущениям, он словно почти ничего не весил, хотя это было невозможно. Я видел, с каким усилием несла его создательница — куб был сплавлен не из легких металлов.

Чертовщина какая-то.

Но хуже было другое. Артефакт не просто жарил меня заживо — он словно тянул из меня силы. Трудно было объяснить это ощущение, но боль понемногу притуплялась, а сила — моя родовая сила — словно уходила в куб. Я попытался остановить поток силой мысли, но не смог удержать.

— Хрень какая-то, — прохрипел я. — Он меня пьет. Вытаскивает из меня силу...

Хруцкая ошарашенно покачала головой.

— Нет, быть такого не может. Невозможно! Он не настроен на такое. Я не закладывала алгоритм вампиризма...

Кровь стучала в ушах так громко, что я не сразу услышал, как распахнулась дверь лаборатории. В кабинет Хруцкой влетел уже знакомый мне чокнутый профессор, а за ним какой-то взъерошенный молодой парень — тоже в рабочем халате и защитных перчатках. Оба тут же бросились к нам, и Ядвига убрала защитный купол.

— Что стряслось? — крикнул Плещеев.

Хруцкая кивнула на меня.

— Артефакт... Вышел из-под контроля. Я не могу снять его с подопытного. Он... Он сплавляется с ним!

Плещеев мельком взглянул на мою перекошенную рожу, сразу же перевел взгляд на раскаленный куб в моих руках.

— Весьма занимательно... — задумчиво проговорил он. — Интересно...

— Сделайте что-нибудь, пожалуйста, — взмолился я. — Это вообще-то больно.

— Боль обжигающая или режущая?

— Жжет!

— Ага... — профессор достал из нагрудного кармана очки в толстой оправе, неторопливо надел их и устался на мою беду более внимательно.

— А нельзя ли как-нибудь побыстрее? — спросил я, изо всех сил стараясь не грубить.

— Не волнуйтесь, Михаил Николаевич, артефакт вас не убьет. И вообще никакого серьезного вреда не причинит.

— А это что, по-вашему? — заорал я. — Или вам шашлычку захотелось?

Страшно было представить, что в его понимании представлял из себя серьезный вред. У меня руки были готовы взорваться, а ладони наверняка уже покрылись волдырями. И странно, что все еще не завоняло жареным мясом...

— Евгений Родионович, что нам делать? — обеспокоенно спросила Хруцкая. — Он долго не выдержит. Сейчас потеряет сознание от боли.

Она была права. Меня уже мутило так, что я плохо воспринимал реальность.

Плещеев отстранился и выпрямился.

— Только ждать, — оговорил он. — Артефакт сам завершит работу.

Я зажмурился и плотнее стиснул зубы. Да, пекло уже не настолько невыносимо, или мне так казалось на фоне поплывшего сознания. Но раны, которые я получил, болели по полной. И я все еще никак не мог оторвать руки от артефакта, словно он присосался и стал продолжением моих рук.

— Лови его! — раздалось откуда-то сбоку.

Я даже не сразу понял, что начал падать. Пол ушел из-под ног, я завалился набок, но чьи-то руки успели подхватить меня и смягчили падение.

Наконец сияние куба стало понемногу угасать. Сперва потух основной металл, затем начали гаснуть прожилки и волны... И лишь после этого я выронил куб на пол — артефакт упал с громким стуком. Ядвига бросилась было его поднимать, но профессор перехватил ее.

— погоди, Ядька. Пусть остынет.

Я с трудом встал на колени, и на меня навалилась вся невыносимая боль свежего сильного ожога. Черт, я уже и забыл, сколь мерзким было это ощущение. Меня били, резали, швырялись в меня косами, но заживо еще не сжигали.

— Изверги, — корчась на полу, прохрипел я. — Фашисты...

Хруцкая тут же метнулась ко мне.

— Покажи руки!

Я молча протянул ей израненные ладони. Да уж, досталось от кубика мне знатно. Некоторые волдыри полопались, часть были обугленными. Завой я сейчас во весь голос, вряд ли кто-то стал бы меня осуждать. Но я стоически терпел. Лишь когда Ядвига дотронулась до моих ожогов, я дернулся и тихо заскулил.

— Проклятье...

— Серьезного вреда не причинит, да? — попытался улыбнуться я, но вместо улыбки вышел зверский оскал — лицо перекошило от боли.

— Так, лежи смирно. Постарайся не шевелиться, — девушка подползла ко мне с более освещенной стороны и внимательно уставилась на раны. — Сперва я их обеззаражу, затем применю “Мертвую” и “Живую” воды. Поначалу будет больно.

— А сейчас я на курорте, ага.

— Не ерепеньтесь, юноша, — строго посмотрел на меня профессор. — Ядька знает, что делать. Она хороша в лекарстве и периодически штопает наших ребят после неудачных опытов.

Ядвига откинула роскошные волосы назад и уставилась на меня в упор.

— Просить прощения буду позже, а сейчас тебя нужно быстро подлечить. Такие раны тем плохи, что в них легко занести заразу, и лечение потом дастся труднее. Нужно сразу обрабатывать. Готов?

Я кивнул.

— Давай.

Девушка прикрыла глаза, сконцентрировалась, и в следующее мгновение ее руки охватило сияние — но не привычной мне “Берегини”. Здесь явно была какая-то особая лекарская премудрость.

— Сейчас будет неприятно, — предупредила она и поднесла к моим ладоням свои сияющие руки.

Пару секунд кололо и пощипывало, а затем я не удержался и завыл. Болело так, словно она лила мне на раны концентрированную уксусную кислоту.

— Ааа! Черт!

— Терпи. Терпи, Миш, — приговаривала Хруцкая. — Так и должно быть. Это обеззараживающее заклинание. Выучила на факультативе.

— А анестезию вас там делать часом не учили?

— Нет времени, — она отняла руки, снова закрыла глаза и словно что-то перекалибровала в себе.

Теперь ее руки светились чуть иначе, более плотным и густым сиянием с мелкими искорками. Точно не “Воды”, что-то другое. А когда она поднесла руки ко мне, я почувствовал холод. Спустя несколько секунд стало немного легче.

— Больше обезболить не смогу, извини, — предупредила она.

— И так хорошо, спасибо...

Теперь я хотя бы мог соображать, а мозг не взрывался от болевых импульсов. Ныло, жгло, пульсировало — я чувствовал все виды боли, но мог ее терпеть. Не тратя времени зря, Ядвига снова обеззаразила раны, а затем принялась колдовать “Мертвую воду”.

— Сейчас начнет чесаться и зудеть.

— Ага.

Я уже более-менее знал, как работали связки обеих “Вод”. “Мертвая” сращивала повреждения, останавливала кровь и всячески останавливала процессы разрушения. А “Живая” запускала восстановление и стимулировала рост тканей. Опытный лекарь, в совершенстве овладевший “Водой”, мог за считанные минуты лечить открытые переломы. Правда, такое вмешательство не было приятным. Когда заставляешь организм восстанавливаться в сотни раз быстрее того, как это задумала природа, приходится расплачиваться болью.

Везде чертова боль. В этом мире боль, казалось, меня преследовала.

Ядвига провела еще несколько манипуляций с силой, и я испытал весь спектр ощущений от нестерпимого зуда и чесотки до легкого покалывания, теплой волны целебной силы и боли от стремительно делящихся клеток.

— Ну как ты? — С неподдельным беспокойством спросила Хруцкая. — Судя по виду, все прошло нормально.

— Уже куда лучше.

Я взглянул на ладони. Видок пока что был тот еще, и я знал, что окончательно кожа восстановится лишь к утру следующего дня. Но все равно это было гораздо быстрее, чем с применением традиционной медицины.

— Нужно забинтовать, — вылез из-за плеча Хруцкой лохматый парень. — Сейчас дам аптечку.

— Вот только как мне конспект писать? — отозвался я. — Обе руки же будут...

— Попроси у друзей списать, — пожала плечами Ядвига и, приняв бинты из рук паренька, вскрыла упаковку и принялась перевязывать мне руки. — Все так делают, когда пропускаяют.

Ну да, только у кого списывать? Афанасьев — раздолбай, который вел записи как попало. У Ронцова была другая беда: конспект-то детальный, но почерк просто отвратительный. Проще было расшифровать шумерскую клинопись, чем разобраться в его каракулях. Оставался только Сперанский. Или Ирэн. Впрочем. Покажи я ей свои забинтованные лапы — вопросов не оберешься.

Пока Хруцкая возилась со мной, профессор Плещеев обратил внимание на артефакт. Натянув перчатки, он безо всякой боязни взял куб в руки и принялся тщательно его разглядывать.

— Так-так... — бормотал он. — Ванька, поди сюда.

Лохматый парень поднялся и подошел к профессору.

— Чего, Родионыч?

— Не чевокай мне при посторонних, — проворчал Плещеев и протянул ему куб. — Ну-ка прикоснись. Поглядим, не сбилось ли там чего.

— Уверены, что это хорошая идея? — усомнилась Хруцкая.

— Ты, Ядка, помалкивай. Свое дело ты уже сделала, да так начудила, что, вон, парня штопать пришлось. Но если я прав в своей гипотезе, то случилось кое-что весьма интересное. Напомни-ка, какие алгоритмы и на какой ингредиент ты завязала в этом прототипе?

Ядвига принялась перечислять комбинации и сыпала такими странными терминами, что я толком не смог ничего разобрать. Понял лишь, что помимо винамия и пыли Осколка в кубе сплавляли серебро, золото, медь, цинк, олово и марганец. Причем сам процесс создания сплава протекал с использованием Благодати.

Иными словами, не зря Хруцкая так тряслась за свой курсовик: работа была дорогостоящая и сложная по всем параметрам. А я, кажется, испортил этот артефакт...

Плещеев кивал, слушая доклад студентки.

— Ну, тогда, быть может, и получилось... Так, Ваня, снимай перчатки и трогай.

Лохматый парень непринужденно пожал плечами, словно совершенно не боялся куба после того, что он сделал со мной.

— Если что, дедуль, с отцом сам объясняться будешь, — ухмыльнулся он.

Ага... Значит, родственники. Впрочем, взглянув на этого Ваню повнимательнее, я понял, что сходство между ним и дедом действительно прослеживалось. Даже белки глаз паренька были слегка розовыми. Наверняка следствие работы с какими-нибудь ингредиентами. А может просто у этих артефакторов сон не был в почете.

Ваня решительно обхватил куб обеими ладонями и выжидающе уставился на артефакт.

— Холодненький, — сказал он. — Ничего не печет.

— Так и должно быть, — кивнула Ядвига.

Прожилки куба вспыхнули, сияние растеклось по всей поверхности артефакта, а затем цвета начали меняться. Металлические ребра окрасились янтарным цветом, а вот прожилки стали рубиновыми.

Ага, значит, вот как оно работало. Прожилки — это потенциал, а основной цвет — текущий ранг. Удобно.

— Все работает, — заключила Хруцкая. — С Благодатью показывает как надо.

Профессор обернулся ко мне.

— Ну что, Михаил, готов ко второму заходу?

Я ошарашенно уставился на деда.

— Да вы издеваетесь?! На мне живого места не осталось.

— Если я прав, сейчас жарить не будет.

— А если ошиблись?

— Значит, наложим тебе еще одну повязку и освободим от занятий до конца дня, — хитро улыбнулся профессор. — Официально!

— Что ж вы за люди-то...

Но мне уже и самому стало интересно, что же за гипотеза такая родилась в голове у безумного ученого. Любопытство, конечно, сгубило кошку, но зря я что ли плотью жертвовал, чтобы не получить ответов на вопросы? Начал — надо идти до конца.

Я выпрямился, нетвердой походкой дошаркал до Ваньки. Тот передал артефакт хозяйке, и Ядвига, казалось, сама начала сомневаться в правильности предложения Плещеева.

— Давайте уже, — торопил профессор. — Минутное дело, а вы сопли развозите. Говорю, ничего смертельного не будет и даже ничего не рванет. Нечему здесь взрываться!

Я вздохнул, собрался с мыслями и решительно обхватил забинтованными ладонями куб так, чтобы голая кожа соприкасалась с поверхностью артефакта. Этого, я надеялся, должно было хватить.

— Ну что? — осторожно спросил Ваня. — Печет?

— Пока нет.

Я прислушался к ощущениям. Сила в кубе была — почти такая же гулкая, с низкими вибрациями, но мне показалось, что на малую толику она изменилась. Словно к хору потоков, что вибрировали в кубе, добавился еще один тонкий голосок.

Прожилки куба вспыхнули, а следом за ними сияние распространилось и на остальную поверхность. Да вот только...

— Тепло, — коротко сказал я, — Не жжет, не печет. Но разве это нормально?

— Понятия не имею, — прошептала Хруцкая. — Я вообще уже ничего не понимаю.

Поверхность куба сияла знакомым мне по видениям родовой обители молочно-белым светом. А прожилки... Прожилки были черными.

Ваня за моей спиной нервно сглотнул слюну.

— Дедуль, это как понимать?

Профессор подошел ближе, приспустил очки на нос и принялся внимательно разглядывать эффект.

— У меня две новости.

— Начинайте с хорошей, — попросил я.

— Первая — я понял, что произошло, когда артефакт едва не превратил ваши ладони в люля-кебаб, юноша, — Плещеев поднял на меня глаза. — Судя по алгоритмам, что Ядка заложила в куб, артефакт, столкнувшись с неизвестной силой, запустил анализ. А для этого ему требовалось получить образец вашей силы. Вам когда-нибудь делали пункцию? Или биопсию?

— Нет, но, кажется, я понимаю механизм.

— Артефакт отщипнул от вас кусочек силы, добавил ее в свой сплав — именно поэтому куб так раскалился. Алгоритмы вплавляли образец вашей силы, чтобы впоследствии было возможно ее распознать и рассчитать.

Ядвига открыла рот от изумления.

— Господи, что же я создала...

Профессор обернулся к ней с торжествующей улыбкой.

— Ты, Ядка, создала самообучающийся артефакт. Уже за один такой проект тебя с руками оторвут по выпуску.

— А я, выходит, послужил источником для самообучения, — добавил я.

— Именно, дражайший! А теперь плохая новость.

Мы втроем напряженно уставились на профессора. Я только сейчас понял, что так и не выпустил куб из рук — сейчас он ощущался увесистым куском металла, чем по сути и являлся. И никаких неприятных ощущений он мне больше не доставлял.

— Так в чем плохие новости?

Профессор снова взглянул на черные прожилки.

— Либо калибровка цветов слетела, либо у нашего носителя родовой магии в потенциале заложен первый ранг...

Глава 20

Иван и Ядвига уставились на профессора во все глаза.

— Евгений Родионович, это же невозможно, — прошептала девушка. — Первый ранг доступен только членам императорской фамилии...

Плещеев-старший воровато оглянулся по сторонам, убедился в том, что дверь была закрыта, а затем для надежности повесил над нами непроницаемый купол. Ничего себе паранойя у деда разыгралась.

Профессор жестом велел нам подойти к нему поближе. Поколебавшись с мгновение, Ядвига аккуратно положила артефакт на стол и присоединилась к нашему маленькому кружку. Судя по ее обеспокоенному лицу, она уже не раз пожалела, что втянула меня в свою научную работу. Но отступать было поздно. Нам обоим.

— То, что я сейчас скажу, юные господа, да и вообще все, что случилось здесь сегодня, не должно выйти за пределы этого купола и этого кабинета, — совершенно серьезно, и даже немного мрачно сказал ученый. — Дайте священное слово дворянина, что не нарушите этого условия.

И почему-то особенно пристально Плещеев смотрел на меня.

— В чем дело? — спросил я. — Не доверяете мне?

— Ванька и Ядка уже не первый год варятся на кухне артефактории и прекрасно понимают, когда следует кричать громко, а когда — молчать рыбкой, — пояснил профессор. — А вы, Михаил Николаевич, человек для Аудиториума и нашего направления новый. Правил не знаете, да и интуиция у вас еще не настолько хорошо развита. Поэтому просто поверьте мне: если я прошу о клятве молчания, значит, в этом есть нужда.

Я торопливо кивнул.

— И в мыслях не было ставить под сомнение ваше решение. Слово дворянина, что буду молчать.

Ванька и Ядвига тоже повторили клятвы. Удовлетворенно хмыкнув, Евгений Родионович окинул нас внимательным и жутковатым взглядом красных глаз.

— В этом и заключается плохая новость, — сказал он. — В показаниях куба. Я очень хочу надеяться на то, что у артефакта все же слетела калибровка вследствие сегодняшнего вмешательства и добавления дополнительных надстроек в алгоритмы. Однако если нет...

— Ну же, не томите, — взмолился я. — Чем это грозит?

— Ядвиге это грозит в первую очередь тем, что у нее могут отнять ее работу. Вплетение алгоритмов, распознающих родовую силу — это прорыв в нашей деятельности. Вы же помните, как отреагировала Голова, когда вы прикоснулись к сосуду?

— Ленке было больно...

— Именно. Большинство алгоритмов либо игнорируют, либо вступают в конфликт с родовой силой, поскольку настроены именно на Благодать.

Я хотел было вспомнить про артефакты сотрудников Тайного отделения, но вовремя прикусил язык. Не хватало еще на каждом углу болтать о том, что мой ранг проверял сам Корф. Сказочку, что он выдумал о нашей связи и вообще о знакомстве, следовало приберечь на случай, когда совсем припрет.

— Но я слышал, что у некоторых особых служб есть более усовершенствованные артефакты, — более уклончиво ответил я.

Профессор кивнул и пригладил растрепанные вихры.

— Да, у Тайного отделения, например, есть своя служба артефакторов, и они научились создавать многопрофильные устройства. К примеру, Око — оно может уловить ранг родовой силы, но не покажет ее природу. Если же Ядка пойдет в своих изысканиях дальше, то, имея вас в распоряжении как постоянный источник родовой силы высокого потенциала, сможет создать алгоритмы, которые будут четко показывать природу, ранг и потенциал. И это изобретение...

— Захотят иметь очень многие, — тихо отозвался Ванька. — Ох, дед...

— Тихо! — перебил его профессор. — Я не закончил. Словом, как только о возможностях этого артефакта станет известно хотя бы широкой общественности в Аудиториуме, к работе нашей Ядвиги будет приковано пристальное внимание. В лучшем случае она больше не сможет работать свободно — к ней приставят нескольких кураторов, которые будут диктовать пожелания. В худшем...

— Мою работу просто у меня отберут и передадут кому-то другому, — не скрывая злости, добавила девушка и яростно смахнула рыжую прядь со лба так, что чуть не вырвала клоч волос. — Повесят на документацию гриф государственной важности, может даже “секретку”, и я потеряю возможность продолжать заниматься проектом.

Плещеев скорбно вздохнул.

— Верно, доченька. И я не смогу вырвать этот проект обратно. Они же цепляются зубами за каждую разработку, что можно поставить на госслужбу. И, что хуже, и тебя могут завербовать. Сделают предложение, от которого ты не сможешь отказаться, и окажешься ты сразу по выпуску в лаборатории какого-нибудь закрытого артефактория одного из тайных отделений...

Ноги Ядвиги подкосились, и мы с Ванькой едва успели подхватить стремительно бледневшую девушку. Перекинувшись с лаборантом взглядами, мы, не сговариваясь, усадили ее на табуретку, которую Ванька быстро вытер полый халата.

— Как ты? Обморок?

— Нет... Все в порядке, — отозвалась Хруцкая. — Просто новости... Взволновали.

Профессор понимающе кивнул.

— Ты, Ядка, увы не первая, кто может столкнуться с такой несправедливостью. Хотя правда у каждого своя. Государевы щиты и мечи сантиментов не приветствуют, у них иная задача — защищать и оберегать. А уж какими методами и какой ценой — вопрос всегда открытый. К сожалению, ученые люди иногда страдают от их

действий.

— Но я не хочу работать в закрытой лаборатории, — нервно сглотнув, возразила девушка. — Я хочу исследовать, создавать новое. Не только на благо государства, но для помощи всем людям. Вы же знаете, Евгений Родионович, я всегда хотела показать артефактами, что Благодать может служить народу, а не пугать. Что это дар для нашей империи, а не ее проклятье...

— Ты, Ядка, всегда у нас была гуманисткой, — усмехнулся Ванька и обернулся к деду. — Ну что, дедуль. Что делать будем?

— Молчать, — хором ответили мы с Плещеевым-старшим.

Профессор повернулся ко мне и устало оперся о стеллаж.

— Молчать нужно еще и потому, что если сведения о возможностях Ядькиного артефакта просочатся за пределы Лабораториума, то непременно начнутся вопросы, откуда наша юная студентка взяла материал для создания алгоритма. Это с Благодатью просто — замешал чуток пыли Осколка — и ранги сами показываются, только цвет настрой. А с родовой силой иначе.

— То есть нужно иметь сильного живого представителя, чтобы куб впитал силу? — предположил я.

— Именно. Родовая сила иначе работает, ее тайны и механизмы и по сей день не изучены до конца, ибо носителей слишком мало, да и у тех силенок маловато. А тут чистая связь с Источником, да еще и такой потенциал... Иными словами, вы, Михаил Николаич, на данный момент являетесь идеальным источником для создания артефактов, что смогут работать с родовой силой. Первый ранг “родовухи” — это вам не хухры-мухры!

— Значит, все дорожки обязательно приведут ко мне, — заключил я. — Даже с учетом того, что потенциал пока не реализован?

— Не реализован, но обозначен. А теперь представьте, что будет, когда выяснится, что в Аудиториуме завелся юноша, потенциал силы которого сравним с императором или его ближайшей родней?

Хороший вопрос. Почему-то на ум сразу пришел Радамант. Неужели он каким-то образом прознал о моем потенциале, когда вышел на контакт? Быть может, поэтому он держался со мной если не осторожно, то... Нет, не по-дружески, но ведь он подсказывал и помогал мне. Да, логика у этого косоликого мужика была весьма своеобразная, да и мотивы оставались до конца неясны. Но если он и правда хотел превратить меня в инструмент для воплощения собственных замыслов?

И, к слову о ранге. У Радаманта был второй, и он навел столько шороху, что до сих пор икалось, когда вспоминал. А я в теории мог достигнуть первого, и при этом не зависел от Осколков. Лишь от Рода. Да, это накладывало свои ограничения, да и сила раскрывалась в первую очередь для того, чтобы принести блага семье. Но обстоятельства, чтобы я начал ее “прокачивать”, можно было и подстроить.

И что-то подсказывало мне, что без постороннего вмешательства вся моя история в этом мире не обошлась.

Но кто подстроил? Радамант? Корф? Семья? Кто-то еще?

— Так я стану надеждой или угрозой? — в упор посмотрел я на профессора. — Что мне светит, если правда выяснится?

Евгений Родионович привалился к стеллажу и рассеянно взглянул на ряд пыльных пузатых колб.

— Не хочу, чтобы мои слова звучали как пророчество, да следует помнить, что сейчас мы взбудоражены открытием... Но, сдается мне, Михаил Николаевич, что судьбой своей распорядиться вы не сможете. А вот вариантов развития событий несколько.

— Загребастают тебя в какое-нибудь Тайное отделение и будут доить на создание артефактов, пока не помрешь, — криво усмехнулся лаборант.

— Помолчи, Ванька! — Проворчал дед. — И не пугай юношу почем зря.

— И все же, — я подошел к профессору ближе. — К чему готовиться?

Плещеев-старший вздохнул и взял паузу, чтобы сформулировать мысль.

— Я бы сказал, юноша, что вами особо заинтересуется императорская фамилия. Первый ранг — это большая сила, пусть даже в потенциале. А это означает, что вы можете составить конкуренцию их силе... А дальше все будет зависеть от того, сочтут ли вас угрозой.

Я фыркнул.

— Да нет у меня никаких мыслей вредить государю!

— У вас — нет. Но всегда может найтись кто-нибудь, кто попробует действовать вашими руками. В свете полно интриганов, Михаил Николаевич. И у всех свои интересы. Романовы, если вспомнить, не так уж и долго занимают трон. Есть родовитые семьи, чье происхождение куда древнее и знатнее. А уж после эпохи дворцовых

переворотов, когда на троне сидела седьмая вода на киселе... В общем, дальше развивать крамольную мысль не буду. Вы сообразительный юноша, сами догадаетесь.

Вот оно как, оказывается. Нет, я был в курсе, что Романовы были далеко не самыми древними и могущественными, когда воцарились. Да и браки с иностранными принцессами оставили немного русской крови. Впрочем, после объединения Империи и Новой Византии снова возникла мода на браки с земляками — нынче было в почете создавать ячейку общества с византийской знатью.

Однако те же Юсуповы, которые, к слову, уже давно не отправляли отпрысков учиться в Аудиториум, могли похвастаться не меньшим богатством и родовитостью. И таких семей было прилично.

Другой вопрос — все они зависели от Осколков, которые жаловал император.

Или не все?

А что если кто-то из великих фамилий сохранил мощный поток родовой силы и очень не хотел бы, чтобы это обстоятельство вскрылось до поры-до времени?

Короче, чем дальше в лес, тем толще партизаны...

Я тряхнул головой, отгоняя очередные параноидальные мысли и уставился на профессора.

— Значит, в лучшем случае меня ждет служба государству на очень коротком поводке. Это если я буду хорошо себя вести и всячески покажу свою благонадежность. А если нет, то от меня попытаются избавиться как от угрозы государственному строю и лично императору, так?

Плещеев-старший кисло улыбнулся.

— Значит, я зря пытался выразиться помягче. Примерно так, Михаил Николаевич.

— Что ж, — вздохнул я. — Будем думать.

— Опять же, все мои страшилки будут иметь смысл лишь в том случае, если артефакт не ошибся. Это первостепенная причина, по которой я не желаю рассказывать об изобретении Ядьки раньше времени. Если выяснится, что слетела калибровка или была ошибка в алгоритмах, то мы зря взбаламутим воду.

Ванька охотно кивнул.

— Верно, дедуль. Сначала Ядвиге нужно все перепроверить.

— А может стоит и вовсе создать другой прототип, но заложить в него все алгоритмы на работу с родовой силой еще при отливке, — ответила девушка. Румянец на ее щеки понемногу возвращался, но артефакторша все равно выглядела взволнованной и напуганной. — Так будет правильнее.

— Согласен, — отозвался профессор. — Основное сырье есть. Винамий тоже остался с прошлого месяца. А вот пыли осколка мы наскребем всего на одну попытку...

Ядвига растерянно кивнула и взглянула на меня.

— Но мне понадобится носитель родовой силы.

Я пожал плечами.

— Значит, будет тебе носитель. При условии, что никто и правда не станет болтать.

— Я — могила! — тут же заявил Ванька.

“Ты не смотри, что он ведет себя как шалопай”, — прозвучал в моей голове мягкий голос Хруцкой. — “Ваня — нормальный парень. Просто дурачиться любит. Он нас не выдаст”.

Я пристально на нее посмотрел и коротко кивнул.

— Тогда решили, — устало сказал профессор. — Ядька. Убери здесь все, пусть юноша тебе поможет. А мы с Ванькой пойдем вниз. Утром привезли реактивы, нужно провести опись.

— Конечно.

Я взглянул на наручные часы и едва сдержал ругательство.

Вторая пара шла уже двадцать минут. Странно, что никто из ребят не связался со мной. Хотя если мы были под непроницаемым куполом, то они бы просто не смогли дозваться. Проклятье... Так и вылететь за неуспеваемость можно.

Плещеевы сняли купол и ушли, а я принялся помогать Хруцкой подметать пол. Ядвига вернула артефакт в сейф и, закрыв дверцу, привалилась спиной к стене.

— Я теперь твоя должница, — грустно сказала она.

— Ты знаешь, что мне нужно. Но раз ставки выросли, то и свои я подниму. Помоги мне выкрасть Голову.

— Как ты себе это представляешь?

— Расскажи, где она находится, какая охрана и вообще какие системы безопасности. Орет ли Ленька, когда его трогают посторонние? В какие часы лучше пробираться и как выносить... Короче, мне нужно знать как можно больше. И раз я все равно опоздал на пару, то предлагаю тебе вернуть должок прямо сейчас, пока мы тут

приводим все в порядок.

Хруцкая насупилась и скрестила руки на груди.

— Ты втягиваешь меня в хулиганство.

— А ты втянула меня в черт знает что! Мы пару часов как знакомы, а это уже может перевернуть всю мою жизнь, причем на такое ребро, что врагу не пожелаешь! — прошипел я, надвигаюсь на девушку. — Имей в виду, мне интересно поучаствовать, но рисковать своей шкурой бесплатно я не стану. И цена, что я тебе назначил, могла быть и повыше, знаешь ли.

— Если выяснится, что я вам помогла, будут проблемы.

— Значит, не попадайся, — улыбнулся я.

— Ох... — Хруцкая закатила глаза. — Теперь я тоже жалею, что с тобой связалась.

— Давай я скажу, что будет дальше. Хороший сценарий: ты соглашаешься, помогаешь мне провернуть дело, а я помогаю тебе с артефактом. Дальше — по обстоятельствам. Плохой сценарий: ты не соглашаешься, я отказываюсь тебе помогать, и твой проект не получит должного развития. На хороший курсовик хватит, но о работе с родовой силой можешь забыть.

Хруцкая оторвалась от швабры и нервно рассмеялась.

— А если я тебя сдам? — с вызовом спросила она. — Если я пойду и расскажу, что ты пытаешься стащить Голову? Или сделаю так, что вас поймают на горячем...

Я усмехнулся. Вот же жопа с ушами! Но не на того напала, милая. Знай ты, как я вообще здесь оказался, поняла бы, что тормозов у меня нет.

— Поймают, добавят общественных работ, — пожал плечами я. — Да, первая попытка стащить Ленку провалится. А вот о твоей работе могут узнать в администрации.

— Ты дал слово дворянина!

— Поверь, донести нужные сведения можно так, что клятва не будет нарушена. Уж это такая, как ты, знать должна, — сухо ответил я. — Ментальные практики, например... Один случайно пущенный слух или анонимная записка...

— Ты... Ты не посмеешь.

— Почему это? Мне, дорогуша, терять нечего. Аудиториум и так знает, что я использую родовую силу, поэтому меня неизбежно возьмут в оборот. Просто насыдут чуть крепче — я к этому готов. А ты, бестия, будешь до морковкиного заговенья клепать стекляшки в закрытой лаборатории Тайного отделения без права выезда за границу. Согласна, гениальная ты наша?

Хруцкая задыхалась от гнева. Вытаращив глаза, она, раскрасневшаяся, сжала швабру обеими руками и двинулась на меня.

— Не посмеешь! — хорошо знакомое сияние “Берегини” охватило ее тело. — Ты не посмеешь испортить мою работу!

Я лишь усмехнулся и перевернул свою швабру.

— Я потихоньку учусь всегда получать то, чего хочу.

Глава 21

Сверкая глазами, Хруцкая двинулась на меня, выставив швабру перед собой на манер копья.

— Пусть применять боевые заклинания и запрещено, я и так тебя уделаю, — шипела она. — Кое-кто здесь явно забыл о манерах и субординации.

Ситуация выглядела настолько абсурдной, что я просто рассмеялся в ответ.

— Не самая лучшая идея устраивать драку в лаборатории. Здесь стекла многовато, знаешь ли. А тебе потом отчитываться перед Плещеевым за разбитый материал.

Но мои попытки ее вразумить эффекта не возымели.

Девушка замахнулась шваброй — пыльная щетка прошла по широкой дуге под потолком — и ударила, целясь прямоком мне в голову. Я даже не стал вешать “Берегиню” — незачем. Но заблокировал своей шваброй удар. Послышался треск сухого дерева, а раскрасневшееся лицо Ядвиги оказалось совсем рядом с моим.

— Успокойся, — сухо сказал я. — Дракой делу не поможешь. Каждый из нас все еще может получить то, чего хочет.

— Да как ты вообще посмел мне угрожать? — прошипела Хруцкая. — Как смеешь ты меня шантажировать? Черенки швабр расцепились, девушка отскочила на шаг, крутанула свое оружие в руках и снова попыталась опустить его мне на голову. Но опоздала, и пыльная щетка опустилась на край стеллажа. Опасно задрожали стоявшие на верхней полке колбы, и лишь какие-то тяжелые стальные ящики, что размещались внизу, уберегли стеллаж от падения.

Я ушел в сторону, едва не задев боком стол с наваленными инструментами. Больно саданулся бедром, скривился, но тут же развернулся, не давая Хруцкой застать меня врасплох. Третьекурсница резко развернулась — аж подошвы ботинок заскрипели на полу.

— Успокойся, — повторил я. — Зла я тебе не желаю и вредить намеренно не буду. Если мы договоримся.

Девушка тяжело дышала. Под полупрозрачным сиянием защитного заклинания я видел, как свирепо она на меня глядела. Если бы взглядом можно было убить, я б уже наверняка превратился в горстку пепла. Грудь знойной полячки вздымалась, по ложбинке между грудями стекала тонкая струйка пота...

Впору было восхититься зрелищем, но мне было не до того.

И это меня спасло — я чудом увернулся от очередного удара.

— Ну все! Достала! — рявкнул я и прежде, чем она успела понять, что произошло, четким ударом снизу выбил из ее рук швабру.

Ядвига ойкнула от неожиданности. Многострадальный инструмент взлетел к потолку, и я, поймав его одной рукой в воздухе, отшвырнул подальше. Затем перехватил свою швабру обеими руками и налетел на девушку, оттесняя ее к стене.

— Отпусти! — Прохрипела она, когда я прижал ее шею шваброй к стене.

— В последний раз прошу по-хорошему — угомонись, — сказал я, глядя ей прямо в глаза. — Не заставляй меня применять силу. Я этого не хочу.

Она молчала и с ненавистью буравила меня взглядом. Только сейчас я увидел, какие необычные у нее были глаза: темная кайма радужки резко контрастировала с ярко-зеленым. Настоящая ведьма.

Правда, сейчас эта ведьма оказалась в ловушке.

Она продолжала глубоко и часто дышать, а я старался делать вид, что не замечал расстегнувшихся пуговиц на ее блузке.

— Будь ты проклят, Соколов! — сквозь зубы проскрежетала она.

— А теперь еще раз вдохни и выдохни, пообещай, что не станешь нападать — и я тебя отпущу. И учти — я могу ударить по тебе чистой силой, если мой родовой источник почувствует от тебя серьезную угрозу. Я это не контролирую, а вредить тебе не хочу.

Пришлось несколько приукрасить истинное положение вещей, но я пользовался тем, что о родовой силе студенты здесь мало что знали. Кроме того, иногда Род и правда несколько опережал события.

— Ладно, — наконец выдохнула Хруцкая. — Отпусти.

— Точно успокоилась?

— Точно!

Я опустил швабру и хотел было посторониться, чтобы выпустить девушку из ловушки, но внезапно Хруцкая обхватила мою голову руками и прижалась к моим губам.

— Ты что творишь, мать твою?

Я отшатнулся и выставил швабру перед собой.

— Совсем с ума сошла?

Хруцкая удивленно моргнула.

— Эээ... Мне казалось, у нас все к этому шло. А тут еще азарт битвы, кровь так и бурлит...

Ну и дела... Нет, я знал, что в Аудиториуме встречались дамочки с весьма фривольными взглядами на общение между студентами. Но что-то это наше знакомство с Хруцкой принимало слишком уж высокие обороты.

Да ну на фиг.

— Это неуместно, — ответил я, опустив швабру, и посторонился. — И у меня не в правилах пользоваться слабостью женщин, которые от меня зависят.

— Рыцарь, значит? — усмехнулась артефакторша. — Или стесняшка?

— Я несвободен.

— О...

— Ага.

— Здесь этот статус мало кого останавливает, — игриво улынулась Хруцкая, но приставаний не повторила. — Но ты у нас явно необычен во всем. Первый курс — и уже вляпался в отношения, надо же...

Лучше бы Хруцкой не попадаться на глаза Ирке. А то придется продавать билеты на места в партере, но не ближе третьего ряда — чтобы пух и перья не долетали. Ирэн, конечно, восхитилась головокружительной длиной ног этой горячей девчонки, но интуиция подсказывала, что моя вспыльчивая подруга заговорила бы совсем иначе, узнав о посягательствах Хруцкой...

— Давай к делу, — я поспешил перевести тему. — Мы договорились?

Страсть мигом погасла в глазах артефакторши, плечи поникли, да и сама она сгорбилась, словно хотела сжаться и исчезнуть.

— Ты от меня не отстанешь, да? — мрачно спросила она.

— Боюсь, что нет. Но напомним: мы можем дать друг другу то, что нам обоим нужно. Сдается мне, это будет справедливый обмен. И, разумеется, все так и останется между нами. Твоей тайны я не выдам, если согласишься помочь мне с Головой. Мне одно не ясно, Ядьк. Уговор вполне выгодный, но что тебя останавливает?

Она подняла на меня печальные глаза.

— Мне страшно. Понимаешь, я впервые столкнулась с проклятием многих ученых. Когда ты делаешь что-то для благой цели, а затем осознаешь, что у тебя могут это отнять и использовать во вред.

Я пожал плечами.

— Так можно много о чем сказать. Та же взрывчатка и старые дома сносит, чтобы расчистить место под строительство новых комфортных домов для малоимущих семей. А можно ею и людей убить. Но у тебя же не возникает вопросов к создателю этой взрывчатки? Вопросыки должны быть к тому, кто принимает решение о том, как ее применить...

— Да я это понимаю. Просто не думала, что столкнусь с этим так рано.

— Издержки гениальности, — улыбнулся я. — Ядвиг, не бери в голову. Просто работай над проектом, вложи в него душу и закончи его. А что будет дальше и как сложится будущее, никому знать не дано. Поэтому не рой себе яму раньше времени.

— Просто... Раньше это было для меня чем-то вроде страшилки. Я слышала от старших товарищей истории, что кого-то там пригласили работать после создания какого-то интересного артефакта, он уехал и... исчез. И никто о нем ничего не слышал с тех пор... — Девушка обхватила себя за плечи. — А сейчас эта страшилка коснулась меня. У этой монеты две стороны, Миш. Если не справлюсь, то провалюсь как ученая. Но если у меня получится...

— То, уверен, твой безумный профессор обязательно что-нибудь придумает. Да и Аудиториум, полагаю, не бросит. Выбьет для тебя условия получше. В конце концов, при самом плохом раскладе ты со временем сможешь уйти на покой и заниматься тем, чем захочешь. Однажды.

— Однажды... — тихо повторила Хруцкая, и я ощутил к ней сострадание. Ей в перспективе грозило примерно то же самое, что уже коснулось меня. — Но ты прав, я сейчас не должна настраиваться на худшее.

Я улыбнулся.

— Воооот, такой настрой мне нравится гораздо больше. И, пожалуйста, не пытайся отлупить меня шваброй. Девушка растерянно взглянула на валявшийся на полу инструмент и неловко рассмеялась.

— Да сама не знаю, что на меня нашло. Со мной такое бывает — от испуга сразу ухожу в нападение. У меня четверо братьев. По-другому было никак.

Я тихо выдохнул. Ну, вроде бы конфликт себя исчерпал. Да и девчонка, казалось, немного раскрылась и даже разоткровенничалась. Это давало надежду на то, что мне и правда удастся уговорить ее помочь.

Хруцкая оглядела лабораторию критическим взглядом.

— Так... Осталось вытереть пыль с инструментов — это я сама сделаю. Тебя попрошу сполоснуть вон те отработанные сосуды, что стоят у мойки. Перчатки там же. Мыть раствором в банке с желтой этикеткой. Не с красной! Понял?

— Ага.

Я снова взглянул на часы. До следующей пары оставался час, и неплохо бы на нее все же успеть.

За работой Ядвига тихо напевала какую-то польскую песенку, а я старался мыль колбы так, чтобы не расколоть тонкое стекло. Наконец, когда мы закончили, артефакторша снова окинула внимательным взглядом свои владения и удовлетворенно кивнула.

— Теперь — красота.

— Ну я тогда пойду? — предложил я. — Зайду вечером после пар...

Ядвига покачала головой.

— Есть предложение получше.

— М?

— У меня руки чешутся поскорее отдать свою часть долга. И раз время еще осталось, могу устроить экскурсию, которая будет тебе весьма полезна.

А вот такое развитие событий мне нравилось.

— Согласен.

Хруцкая распахнула дверь и вышла первой. Когда я очутился в коридоре, девушка закрыла дверь, затем достала из кармана кусочек какого-то странного материала, похожего на пластилин, присела на корточки и, судя по всему, прилепила его.

— Это зачем?

— Небольшая предосторожность. После сегодняшнего разумно проявить осмотрительность. Так я буду знать, заходил ли кто-нибудь в мою лабораторию.

— А если Плещеевым что-то понадобится?

Хруцкая фыркнула.

— Им? В моем кабинете? Точно ничего. Реактивы выдает Ванька под опись. А Евгений Родионович очень щепетильно относится к чужому рабочему пространству.

Я пожал плечами. Предосторожность казалась мне бесполезной. Впрочем, Ядка была артефактором, а это означало, что могла зачаровать и пластилин. Превратить его в сигнализацию, например. Кто знает, что могло прийти в ее голову?

— Идем.

Девушка повела меня вперед по коридору. Третью стен была убрана старым кафелем со следами старой мозаики, а верх стен выкрасили бледной краской. Создавалось ощущение, что мы шли по больничному коридору, да только стальные стеллажи, уставленные старыми коробками и какими-то затейливыми приборами давали понять, что место это было особым.

Дойдя до конца коридора, Ядвига остановилась перед треугольным окошком.

— Налево — коридор с рабочими кабинетами и общий зал для лекций, — пояснила она. — Но нам сейчас туда не нужно.

— А что направо?

Девушка хитро подмигнула.

— Лестница на первый и нулевой этажи. Запасная лестница, которой почти никто не пользуется...

Это хорошо. Это мне нравилось.

Но что-то отвлекло Ядвигу, и девушка, пройдя было мимо окна, вернулась к нему и, встав на цыпочки, выглянула вниз.

— Хм... Странно.

— Что там? — спросил я.

— Медики приехали. Гляди, — она отодвинулась, давая мне место, и ткнула пальцем в стекло. — Видишь?

— Ага.

У низкого одноэтажного флигеля действительно был припаркован белый фургон с красным крестом и пропуском на лобовом стекле. Но на карету скорой помощи он совсем не походил. Закрытый, с окнами только на переднем ряду сидений и гербом Аудиториума на кузове, он больше походил на автомобиль для перевозки грузов.

— Часто они к вам заезжают?

— Впервые их здесь вижу, — озадаченно ответила Хруцкая. — Очень странно... Обычно если к нам и приезжают медики, то на скорой. Если у кого бабахнет, лекари лечат ожоги.

Мы переглянулись, а затем я заметил движение возле фургона. Человек в белом комбинезоне и скрытом маской лицом возился у задних дверей фургона, загружая в него небольшие металлические ящики.

Силу внутри меня вскинуло, словно она хотела о чем-то меня предупредить. Опасность? Но какая опасность могла исходить от фургона? Я внимательно всмотрелся в ящики и увидел, что крышка каждого из них была помечена каким-то символом. Незнакомым.

— Ядь, что за знак на ящиках?

— Биологическая опасность...

Я не заметил, как, но мы оба синхронно перешли на шепот.

— Хрень какая-то, — отозвался я, не сводя глаз с ящиков. — У вас бывают биологические отходы? Я думал, вы работаете с неорганикой и Благодатью...

— Бывают, но редко. Материалы для артефактов разные. Некоторые и с растениями работают. Может это просто вывоз отходов?

— Тогда зачем так много одинаковых маленьких ящиков?

— Не знаю, Миш...

Чуйка подсказывала, что на это следовало взглянуть поближе.

— Откуда они их выносят?

— Видимо, с нулевого этажа. Там холодильные установки.

Не сговариваясь, мы оба осторожно двинулись к лестнице.

“Я хочу посмотреть, но лучше не попадаться”, — прозвучал в моей голове голос Хруцкой. — “Держись за мной и не вылезай вперед. Постараюсь провести нас тихим путем”.

“Добро”.

Стараясь ступать бесшумно, мы сперва спустились на первый этаж, затем Ядвига осторожно, стараясь не скрипеть подошвами, скользнула за угол.

“Сюда! Это кладовка!”

Я тенью метнулся за девушкой и спрятался в полумраке кладовки, вжавшись в кучу старых халатов. И как раз вовремя — с нулевого этажа как раз поднялся еще один человек с металлическим ящиком в руках. Мы с Ядвигой вжались в провонявшие чем-то жгучим и явно ядовитым тряпки, когда человек в комбинезоне проходил мимо нас.

Фух... Вроде не заметил.

“Ящиков немало. Что могло храниться в таком количестве у вас внизу?” — спросил я ментально.

“Понятия не имею. Я редко туда спускалась — моих реактивов там нет. Мне не нужен холод для работы”.

А денек-то переставал быть томным.

“Спустимся?”

“Лучше не стоит. Там только один выход и почти негде спрятаться”.

“Понял”.

Мужик в комбинезоне вернулся вниз, и мы с Ядкой снова озадаченно переглянулись.

“Что будем делать?” — спросила девушка.

“Подождем, посмотрим. Может они что-нибудь сболтнут”.

Снизу, со стороны лестницы, снова послышался шум — шорох пластикового комбинезона и шарканье обутой в бахилы ботинок по ступеням. С нулевого этажа и правда тянуло холодом — причем гораздо сильнее, чем с улицы из распахнутой двери. И холод был какой-то... Неестественный. Вполне вероятно, что он поддерживался зачарованными артефактами. С Лабораториума случилось бы.

Человек в комбинезоне почти поднялся, когда белая бахила зацепилась за торчавший из стены выступ, порвалась, и сотрудник споткнулся. Металлический ящик вылетел у него из рук, подлетел на добрый метр и с диким грохотом упал на кафельный пол. Я услышал звук металла и звон разбившегося стекла.

Ядка едва не вскрикнула от неожиданности, но я успел зажать ей рот.

— Проклятье! — выругался мужик в комбинезоне.

Раздвинув висевшие халаты, я осторожно высунулся и взглянул на происходящее. И едва не выругался сам.

От удара защелки ящика распахнулись, и все содержимое вывалилось на пол. Белый кафель был залит чем-то темно-красным — лужа расплывалась и норовила забраться к нам в кладовку.

“Тихо. Не шевелись”, — велел я артефакторше.

“Что там?”

“Не знаю. Похоже на кровь”.

“В ящиках кровь?”

“Кажется, да. В пробирках”.

Сыпля проклятьями, человек в комбинезоне осторожно обошел лужу и направился к выходу.

— Вить, у нас проблемы, — громким шепотом позвал он.

— Чего там?

— Один из контейнеров разбился.

— Дерьмо! Говорил же, что у тебя руки из жопы! Номер контейнера?

— Пятнадцатый.

— Ладно. Сверимся со списками, второй забор сделают. Но тебя, паскуда такая, я прикрывать не буду. Лишишься премии — на себя пеняй. Сюда иди, нужно подготовить список тех, кто был в пятнадцатом...

Мы с Ядвигой вновь переглянулись. Человек в комбинезоне вышел на улицу, и мы высунулись из кладовки. Стараясь не испачкать обувь в крови, я подкрался к контейнеру.

Стекло — тонкое, мелкие осколки. Пробирки. Каждая — с этикеткой. Некоторые остались целыми. Я потянулся к одной из них, но голос Ядвиги меня остановил:

“Куда голыми руками? Может быть заразно! Хотя бы “Берегиню” повесь как перчатку”...

Она была права, это я ступил.

“Стой на стреме”, — велел я. — “Гляну, что за надписи”.

Впрочем, я уже догадывался.

Осторожно подняв защищенной рукой целую пробирку, я прочитал: “А.А. Меншиков 19.03.2004”. Взял следующую — надколотую, но с целой биркой — “М.Е. Хилкова 30.12.2003”.

А затем взгляд упал на расколотую пробирку: “И.А. фон Штофф 5.05.2004”.

Значит, они перевозили кровь, которую взяли у всех нас, когда объявили эпидемию. Но ведь говорили, что образцы уже были проверены. И зачем тогда был нужен второй забор?

“Миш, быстрее! Идет!”

“Ядвига, на кой черт Аудиториуму сдалась кровь первокурсников?”

Девушка не ответила. Я лишь увидел, как она шарахнулась в сторону, увидев тень в дверном проеме.

Глава 22

Петли входной двери внезапно скрипнули. Звук резанул по ушам так, что я скривился и вздрогнул. Стеклянная пробирка выпала у меня из рук.

Твою мать!

Словно в замедленной съемке я видел, как пробитый флакон приближался к полу. И едва успел подставить ладонь, чтобы его поймать.

Фуух...

“Миша! Бегом!” — кричала в моей голове Хруцкая.

Я осторожно положил флакон к остальным и метнулся в сторону кладовки. Каждый шаг мужика в защитном костюме отдавался шорохом, у меня в ушах стучала кровь. Я едва не забыл погасить яркое сияние “Берегини” и в последний момент успел зарыться в грязные халаты.

Неужели пронесло?

“Успел?” — спросила Хруцкая.

“Вроде да. Ты где?”

“Спряталась на другой стороне. За углом”.

“Не высовывайся и не шевелись”.

Теперь мы оказались в ловушке. Я не знал, могла ли уйти Ядвига, но у меня точно был лишь один выход из кладовки — напрямик к луже, с которой сейчас возился мужик в комбинезоне. Отодвинув ткань, я одним глазом видел, как он тщательно собирал осколки в контейнер, затем закрыл его и понес в машину.

Видимо, замечали следы.

Я подумал было воспользоваться моментом и выбраться, но не успел — мужик слишком быстро вернулся.

“Осторожнее!” — вскрикнула в голове Ядвига.

Человек в комбинезоне направился прямо на меня — в кладовку. Видимо, хотел взять тряпки, чтобы вытереть кровь. Стараясь не шуметь, я зарылся в барахло и замер. Можно было попробовать отвести ему глаза, но это было рискованно. Вдруг при этих сотрудниках были какие-нибудь артефакты, что реагировали на силу? Тогда это бы меня мгновенно выдало.

Нет, нужно просто затихариться.

Я даже не дышал. Увидел руку в белой перчатке — она слепо шарила по халатам. Сдернула парочку с вешалок. Затем шорохи прекратились, и мужик отошел к луже.

“Видишь, что он делает?” — спросил я у Хруцкой.

“Пол моет. Вроде бы. Я не могу сильно высунуться”.

“Не рискуй. Ждем”.

Каждая минута превращалась для меня в вечность, а этот мужик оказался тем еще педантом. Отошел к машине, вернулся с канистрой воды и принялся тщательно замывать пол.

И раз они так старательно избавлялись от следов крови, значит, очень не хотели... Не хотели чего? Чтобы кто-то выяснил о том, что Аудиториум сохранил нашу кровь у себя? Или что эту кровь куда-то перевозили?

Черт, как же зудели руки влезть ему в голову... Но опасно, слишком опасно.

Покончив с мытьем, незнакомец отнес пустую канистру и тряпки в машину. Миленко, даже грязное барахло с собой увозят... А затем вернулся и совершил еще несколько ходок вниз, чтобы забрать оставшиеся контейнеры.

Мое убежище было рядом с лестницей. Снизу невыносимо тянуло могильным холодом — до такой степени, что я начал дрожать, а яйца едва не свернулись. К тому моменту, как мужик в комбинезоне закончил, я уже продрог настолько, что приходилось придерживать челюсть, чтобы не стучать зубами.

— Все, готово! — таким же громким шепотом объявил носильщик и передал последний ящик коллеге.

— С остальными все в порядке?

— Да. Пострадал только пятнадцатый.

— Это хорошо. Значит, повторный забор не привлечет внимания. Ну что, поехали? Закрывай здесь все и лезь в машину.

— Так куда в итоге везем? На север?

— Нет, на Полигон.

— Опять в пробке застрянем...

— Не ной, — шикнул водитель. — Иди закрывай там все.

Человек в белом снова прошел мимо моей кладовки, едва не поскользнулся на мокром после уборки полу, выматерился, зашуршал бахилами по ступеням и пару раз чем-то грохнул внизу. Было похоже на звук запиравшейся металлической двери. Нужно бы выяснить у Ядьки, что именно там хранили и как туда попасть. Может еще что интересное найдем.

Наконец он поднялся, вышел и плотно закрыл двери бокового выхода снаружи. Завелся двигатель фургона, а через полминуты автомобиль тронулся, увозя тайну на Полигон.

“Ждем!” — велел я артефакторше. — “Не дай бог вернуться”.

“Поняла”.

Я тем временем обмозговывал подслушанный разговор.

Значит, они повезли кровь на Полигон. Я не слышал, чтобы там был Лабораториум, хотя, сдавалось мне, Полигон использовался не только как испытательная площадка. Корпусов там было много, даже слишком много... Да и территория им принадлежала огромная. А если хочешь что-то спрятать подальше от чужих глаз, Полигон для этого вполне подходил...

Но зачем?

Я осторожно вылез и тоже едва не поскользнулся на остатках лужи. Услышав мои шебуршания, вышла из укрытия и Ядвига.

Не сговариваясь, мы оба кивнули в сторону лестницы на нулевой этаж. Говорить вслух не хотелось, и мы продолжали общаться ментально.

“Почему они повезли кровь на Полигон?” — спросил я. — “Что там?”

“Не знаю. Я вообще уже ничего не понимаю, Миш!”

Даже при ментальном общении в голосе Хруцкой звучали панические нотки. Девушка выглядела не просто удивленной, а ошарашенной и напуганной.

“Интересно, знает ли твой профессор о том, что здесь хранилось?”

“Должен был... Но почему он нам ничего не говорил?”

“Полагаю, мы с тобой, Ядвига, увидели то, чего нам видеть было нельзя”.

“И еще приехали они в такое время, когда здесь почти никого не бывает... Ночью здесь люди засиживаются, а по утрам все отсыпается”.

Значит, удачно подгадали. Почти подгадали. Не опоздай я на пару, то, скорее всего, никто бы ничего и не заметил. Крыло-то было самым нехоженым. Заросли кругом, деревья. Половина помещений — склады со старым оборудованием и списанной техникой.

Вот только опять я нарисовался и немного все подпортил.

Ладно, Мих, хватит рефлексировать. Сейчас поглядим, что там в холодильнике.

Бесшумно ступая по старым вытертым ступеням, мы спустились на два пролета и очутились в темном помещении. Ядвига остановилась. Подумала с пару мгновений и нащарила на стене выключатель. Пространство озарилось тусклым светом старой лампочки.

“Ого! Да у вас тут настоящий бункер”, — воскликнул я.

Холодильное помещение скрывалось за тяжелой металлической дверью — явно довольно старой. Да и, судя по окружающей обстановке и пыли, использовалось оно довольно редко.

“Вы не храните здесь артефакты?”

“Нет”, — покачала головой Ядвига. — “Проекты, над которыми работаем, остаются либо в кабинетах, либо в общих лабораториях. Есть еще архив — что-то вроде хранилища проектов. И особое хранилище — там, например, ночует Ленка. Но все это находится наверху, на втором и третьем этажах...”

“А холодильник вам тогда зачем?”

“Раньше пользовались, потом стало проще охлаждать некоторые реактивы Благодатью. Ну и что-то здесь все же хранят...”

Ядвига подошла ближе к двери и выставила руку, не давая мне ходу.

“Погоди. Я должна проверить замок”.

А я, к слову, не слышал, чтобы мужик в комбинезоне ворочал ключом. Значит, замок открывался как-то иначе. И вряд ли он был настроен на того сотрудника — значит, его могли в теории открыть и мы.

“Вот”, — Ядвига указала на две тонкие полоски с маленькими металлическими кнопками, — “Это кодовый замок”.

“Код знаешь?”

“Нет, конечно! Откуда мне? Но можно попробовать выяснить...”

“Дай я попробую”.

“Стой!”

Я замер.

“Сперва проверю на пару хитростей”, — пояснила Ядвига. — “Может быть сигнальная ловушка”.

Ядвига прикрыла глаза, настроилась, а затем ее руку охватило слабое, почти незаметное сияние. Неравномерное, словно ее ладонь была охвачена дымком. Шевеля губами и бесшумно что-то приговаривая, Хруцкая принялась водить ладонью по периметру двери.

Она остановилась у правого верхнего угла наличника, сделала замысловатый жест пальцами, а затем погасила заклинание и шагнула назад.

“Теперь можно, но быстро”.

“Значит, сигналка все же была?”

“Старая. Почти потеряла силу. И все равно тот, кто ее повесил, должен был узнать, что сегодня были гости. Я заморозила сигнал, но это ненадолго. У нас не больше пяти минут на все. Потом все вернется”.

“Тогда поторопимся”, — сказал я.

“А код?”

“Есть идея”.

Я отстранил девушку и принялся аккуратно прожимать каждую кнопку. Пригодились знания из прошлой жизни — в детстве, когда в нашем районе еще не ставили домофоны, мы развлекались тем, что угадывали код обычных дверных замков.

Вся задача заключалась в том, чтобы аккуратно прожать каждую кнопку и определить, какая нажимается чуть легче, а какая — нет. Привычным движением я принялся нажимать кнопки сперва на нижнем ряду. Так... Шестая — нет, седьмая — нет. Восьмая... Оп, легко пошла. Значит, восемь. Девять — нет, а ноль прожался хорошо.

“Что ты делаешь?” — нервно озираясь по сторонам, спросила Хруцкая.

“Ломаю систему”.

Мои пальцы скользнули на верхний ряд кнопок. Первая, вторая, третья — мимо. Четвертая прожалась легко. Попробовав комбинацию “восемь — ноль — четыре”, я надел кнопки одновременно и...

Замок щелкнул.

“Как тебе удалось?”

Сразу видно, дети аристократии и босяцкими забавами во дворах-колодцах не баловались.

“Очумелые ручки. Готова?”

Ядвига кивнула, и я потянул дверь на себя.

Не успел я приоткрыть ее даже на несколько сантиметров, как на нас хлынул тот самый могильный холод. Тянуло так, словно за этими дверями был Северный полюс. Дверь оказалась очень тяжелой, прорезиненной изнутри для герметичности.

Я вошел первым. Ядвига направила “Жар-птицу” внутрь.

Холод пронизывал со всех сторон. В помещении царила такая густая тьма, что даже слабый огонек не помогал понять, каких размеров был этот холодильник. Ядвига усилила яркость огонька, и мы принялись торопливо оглядываться.

Металлические стеллажи — несколько рядов были пусты — должно быть, именно здесь хранили ящики с кровью. Два стальных стола, несколько пустых ящиков, тоже металлических.

“Кажется, здесь не было ничего, кроме крови”, — предположил я.

Но Ядвига молча двинулась дальше.

“Миш, гляди!”

Я направился за ней. Девушка присела возле одного из стеллажей, и я заметил, что она разглядывала точно такой же ящик, в каких выносили пробирки с кровью. Хруцкая быстро достала один, разомкнула защелки и удивленно взглянула на меня.

“Пуст. Запасные?”

Я тоже зажег “Жар-птицу”. Огонек высветил всю стену, и мы с Ядвигой одновременно охнули. Всю соседнюю стену занимали одинаковые стеллажи, от пола до потолка забитые ящиками со знаками биологической опасности. Ядка тут же метнулась туда и достала несколько ящиков. Открыла и ошарашенно отступила.

“Тоже пустые. Миша, это хранилище. Теперь я все поняла. И вспомнила!”

“Что вспомнила?”

“Позже. Сейчас нужно уходить. Бегом!”

Мы быстро вернули ящики на место и вылетели за дверь. Стуча зубами от холода, Ядвига захлопнула створку, убедилась в том, что язычок замка защелкнулся, а затем сняла “заморозку” с сигнализации.

“Ко мне в лабораторию, быстро!” — велела она.

Я не спорил. Хотелось убраться отсюда как можно скорее. И судя по тому, как резко побледнела Хруцкая, то выводы, к которым она пришла, точно не внушали утешения.

Едва мы оказались в ее кабинете, девушка закрыла дверь изнутри аж на три щеколды, а над нами повесила непроницаемый купол.

— Ядь, в чем дело?

Честно говоря, ее реакция, да и до смерти напуганный вид уже и меня начинали напрягать. Девушка несколько раз глубоко вдохнула и выдохнула, несколько успокоилась, а затем подняла на меня волшебные ведьминские глаза.

— У нас проблемы, Миш.

— Давай-ка поподробнее.

— Кажется, я поняла, зачем им наша кровь.

— Так, по порядку. Им — это кому?

— Аудиториуму.

— Ну тогда рассказывай все по существу.

Я беспардонно уселся на край ее рабочего стола. Ядвига устало опустилась на стул.

— Я только в холодильнике вспомнила, что у нас на первом курсе тоже брали кровь. В самые первые дни, занятия только-только начались... Мы тогда не обратили на это внимания. Если ничего не путаю, нам просто объявили, что анализы следовало сдать в рамках медосмотра. Ни у кого это не вызвало вопросов.

— Но они получили кровь каждого из вас.

— Ага, — кивнула Ядка. — И в прошлом году вроде тоже что-то такое объявляли. Они раз в несколько лет, видимо, меняют легенду, чтобы лишних вопросов не возникло. В прошлом году тоже придумали какой-то медицинский повод. Все перваки ходили в медкорпус.

— Значит, Аудиториум берет кровь каждого студента, так? Должна же быть причина. Причем весьма весомая — меротприятие-то не самое простое. С кровью можно много всего сделать, если знаешь, как...

— Это меня и беспокоит, — тихим, почти бесцветным голосом отозвалась Хруцкая. — Я не занимаюсь такими типами экспериментов, да и у нас это не преподают, но в паре книжек встречала упоминания...

— О чем?

— Об использовании крови объекта в случае отсутствия самого объекта. Иными словами, имея пробирку

твоей крови на другом конце земного шара, я могу воздействовать на тебя через нее...

Я едва не сверзся со своего насеста и, удержав равновесие, уставился на Ядвигу во все глаза.

— Хочешь сказать, теперь они могут контролировать каждого из нас?

— Наверное... Говорю же, этому у нас не учат.

— Но кто-то же умеет. Вопрос — кто.

Хруцкая в отчаянии обхватила голову руками.

— Миша, это уже совсем несмешно, и я жалею, что мы в это впутались. Тут нужно не просто молчать.

По-хорошему нужно бы стереть себе память о сегодняшнем. Если выяснится, что мы знаем... Кто бы ни был в этом заинтересован... Нам несдобровать.

Ну да. В лучшем случае просто сотрут часть памяти — в конце концов, мы с Ядькой были довольно ценными кадрами, чтобы просто так пускать нас в расход. Впрочем, все зависело от того, насколько были высоки ставки.

— Мне страшно, Миш, — прошептала девушка. — Вот сейчас по-настоящему страшно.

Чего скрывать — даже у меня по хребту пробежал мерзкий холодок, а под ложечкой засосало. Во что же мы вляпались? И если кто-то в Аудиториуме хотел всех нас контролировать, то каким образом? Понять бы еще, как можно было воздействовать на кровь.

Хорошо, если это какая-нибудь не особо критичная вещь вроде отслеживания местонахождения.

Неприятно, но терпимо. С такой штукой жить можно. А если с помощью крови можно было взять под контроль наши разумы на расстоянии? Это же катастрофа...

— Одно меня радует, — продолжила Ядвига. — У нас этому не учат. Кровавое воздействие — специализация крайне редкая, и мало у кого просыпается к ней дар.

— Но у кого-то она явно есть, — ответил я.

— Могу сказать лишь, что для серьезного воздействия на расстоянии требуется очень высокий ранг. Второй, а лучше первый. Даже “тройки” будет маловато. Все же кровь — не замена живому объекту, а, так сказать, след. Кусок материала. Так что тут могут быть нюансы. Либо воздействие получится совсем слабым, либо могущество должно быть невероятным.

— Хочешь сказать, так развлекаться сможет кто-то вроде Романовых?

— Например... И я молюсь Господу, чтобы эти пробирки были их подстраховкой на случай дворянского мятежа.

Я молча кивнул, не желая даже продолжать эту ее мысль.

На ум сразу пришел разговор с Великим князем. Александр Константинович же предупреждал, что его интерес был связан с еще одним членом императорской фамилии. До сегодняшнего дня мне и в голову не приходило, что это подозрение могло иметь под собой столь вескую почву.

Что если Великая княгиня Ксения Константиновна, которая патронировала Аудиториум, и правда запустила руки несколько глубже, чем следовало? Даже если предположить, что она и правда собирала нашу кровь и хотела контролировать молодняк, то зачем ей делать все это втайне?

Выходит, Корф очень вовремя меня сюда засунул. И не зря так торопился.

Не нравилось мне это. Ох, не нравилось...

— Мне нужно идти, — я отлип от стола и на ватных ногах направился к двери. — Прости, с проектом помогу тебе завтра. У меня появилось дело.

Хруцкая вытаращилась на меня во все глаза.

— Миш, какое к черту дело после всего?

— Важное.

Не попрощавшись, я вылетел из кабинета и торопливо направился к выходу.

Пришло время написать первое письмо тетушке Матильде.

Глава 23

Тренироваться на холоде, да еще и в темное, было тем еще удовольствием. Посоперничать с мерзостью ранних утренних тренировок мог только очень ранний утренний подъем. Особенно промозглой петропольской зимой.

Я отряхнулся от снега и взглянул на валявшегося в сугробе Ронцова.

— Поднимайся, Серег. У нас еще час до завтрака. Пару раз помахаться успеем.

— Давай лучше я, — выступил вперед Малыш. — Поменяемся партнерами.

Ронцов взглянул на великана Рахманинова и нервно проглотил слюну.

— Смерти моей хотите... Ироды...

— Желай мы тебе смерти, не стали бы подрываться в пять утра, чтоб тебя учить, — сонно проворчал Афанасьев. — Черт, как же я сейчас завидую Коле...

Сперанский мирно дрых в нашей комнате, а его место сегодня занял Малыш. Рахманинов, как выяснилось, оказался противником страшным с виду, но не особенно опасным. Силища у него в руках была невероятная, а вот пользоваться ею он толком не умел.

Мне жегодились уроки уличных драк из прошлой жизни — смог обучить наших аристократов парочке грязных приемчиков. В конце концов, раз местная элита не гнушалась применения подлых методов, то и нам стоило взять их на вооружение.

А уж как ударить исподтишка, я знал — спасибо школе и маргинальному району.

— Ладно, — выровняв дыхание, я выпрямился и пропустил Малыша к Ронцову, а сам оказался напротив Афанасьева.

Гриша, даром что был худым как жердь менталистом, оказался весьма проворным. Бил слабо, но двигался как черт. Причем в упор не сознавался, где так научился. Бейся мы не на кулаках, а, скажем, на шпагах, он бы вмиг превратил меня в буженину.

Били вполсилы — нельзя было портить физиономии и калечиться. Наши тренировки были незаконными, и в первую неделю мы тщательно изучили все варианты выбраться из корпуса тайком от дежурных и комендантов. Один раз Афанасьев умудрился спуститься по водосточной трубе, но Ронцову пока было рановато идти на такие подвиги. Да и я был против неуместного риска.

Кулак Гриши пролетел мимо моей щеки, я привычным движением ушел в сторону и припомнил кое-что из приемов айкидо, которые показывал мне Петька еще до армии. Простой и изящный уход с использованием силы противника против него. Через секунду Гриша оказался носом в сугробе.

— Тьфу ты, опять твои штучки! — возмутился он. — Покажи хоть помедленнее, чтоб я понял.

“Гяку-ханми кататэ дори икке ура” — вот как это называлось. Я мало что помнил из единоборств, но брат занимался и карате, и айкидо. Причем айкидо почему-то любил больше. Говорил, помогало достичь внутренней гармонии.

Не знаю, как насчет внутренней гармонии, а отправлять противников мордой в сугроб айкидо помогало еще как.

— Давай в четыре раза медленнее нападай, — велел я. — И смотри на мои ноги.

Афанасьев, словно в замедленной съемке, двинулся на меня. Выставил вперед правую руку, целясь мне в лицо, перенес вес... Я шагнул вбок, перехватил его руку, схватил за запястье и локоть и в повороте, используя инерцию тела Гриши, развернулся, заставив его уйти на землю. Не бросал, а так, бережно опустил в снежок.

Не знаю, насколько правильно я отработал прием, но нужный эффект был достигнут.

— Кажется, понял, — кивнул менталист. — Хорошая штука. Ты, значит, любитель восточных искусств?

— Не, — отмахнулся я. — Так, тут и там подглядывал.

И только сейчас мы заметили, что Ронцов и Малыш тоже внимательно следили за нами — мотали на ус прием.

— Ладно, ребят, если хотите — отработаем, а потом пора бежать мыться.

— Угу, отозвался Ронцов, нам к первой сегодня...

Помогая Грише отрабатывать прием, я прикидывал план на сегодняшний день. Завтрак, потом пары, затем заскочить к Ядвиге в Лабораторию — артефакторша как раз получила все недостающие материалы и хотела свериться с алгоритмами для выплавки. После Ядьки нужно было сделать домашнее задание, и уже позже уделить пару часов подготовке к Рождественскому балу.

При мысли о мероприятии у меня аж зубы свело. Аудиториум готовился к балу с особой тщательностью, без угрызений совести эксплуатируя бесплатную рабочую силу в лице студентов в хвост и в гриву. Мы помогали канифолить паркет, мыли хрустальные люстры, репетировали танцы и выходы — этому уделялось особое внимание.

Я в танцах был изящен как пень. И хотя Ирэн пыталась сделать что-то с моей грацией, даже ей пришлось через неделю признать, что я был практически безнадежен. И все равно мы репетировали вальсы, менуэты и прочие пляски с упрямством стада баранов. Ирка не желала позориться, но не хотела иной пары, кроме меня.

А от желающих составить мне пару, к моему удивлению, отбоя не было. Их даже не смущал мой позорно

перечеркнутый герб — обладание редкой родовой силой интересовало местных красоток куда больше.

— Пора, — взглянул на часы Ронцов. — У Михалыча скоро смена. Нужно успеть, пока Груздев не заступил.

Мы переглянулись.

— А сегодня точно Груздев в дневную? — Уточнил Гриша.

— Ага.

— Это хреново, — отозвался я. — Бегом, ребят!

Мы понеслись к Домашнему корпусу со всех ног. Наши тренировки проходили в дальнем конце парка ближе к воде. По ночам и ранними зимними утрами здесь никого не было, а редкие бегуны предпочитали тренироваться на расчищенных дорожках, так что нам никто не мешал. Но была у этой таинственности и обратная сторона: чтобы добраться сюда, следовало пройти через ворота и перебраться на парковую территорию. А ворота охранял дежурный.

С Михалычем и Валерычем мы договорились: несколько ассигнаций — и нам пошли навстречу, благо ничего криминального мы не делали. А вот Груздев оказался неподкупным как единственный гаишник в раю. И он заступал на смену через десять минут...

Я припустил еще быстрее, перепрыгивая через уже знакомые коряги и булыжники. За три недели тренировок мы уже даже в темноте передвигались быстро — все облазали и изучили.

Вдали уже виднелась освещенная фонарями сторожка Михалыча — дежурный курил и всматривался в нашу сторону. Ждал. Святой человек. Хотя, быть может, особо сговорчивым его сделал и мерзавчик французского коньяка, который Афанасьев каким-то чудом протащил в Аудиториум...

— Доброго утречка еще раз, — поприветствовал закутанный в тулуп Михалыч. — Как погода?

— Бодрит! — ответил Малыш и проскочил к воротам. — Открывай, хозяин.

Скрипнули створки, и Михалыч услужливо пропустил нас внутрь, обдав дымом дешевой папиросы.

— Ну, удачного дня, господа шалопаи, — усмехнулся он в заиндевшие усы, а мы, козырнув, понеслись дальше.

День пошел наперекосяк еще с завтрака.

Ронцов умудрился опрокинуть на меня стакан сока — пришлось половину отведенного на еду времени замывать пятно в туалете и сушить китель феном для рук и слабым огоньком “Жар-птицы”. Еще никогда применение заклинания не было столь дурацким. Хорошо хоть форму не спалил.

Затем в пух и прах разругались с Ирккой. Моя подруга, и без того недовольная отказом репетировать вечером, выяснила, что мы с ребятами так и не отбросили идею стащить Голову из Артефакториума.

Скандал проходил ментально, но от Ирэн фонило так, что даже девчонки с испугу отодвинулись от нее подальше и не смели слова лишнего сказать.

Чем была плоха ментальная связь, так это тем, что мысли собеседника могли догнать почти где угодно. Ставить блок на связь было невежливо, да и Ядвига могла связаться. Поэтому пришлось снова скандалить.

Голос Ирэн застал меня врасплох, когда я уже был на пороге Лабораториума.

“Миш, ты понимаешь, что я обязана сообщить о твоих намерениях?”

“Не обязана. Сделай вид, что ничего не знаешь”.

“Это против правил!” — возмущалась Ирэн у меня в голове. — “Ты и так только закончил отработку после прошлой провинности. Хочешь до выпуска не вылезать из дисциплинарки?”

Я вздохнул и с тоской взглянул на разные окна здания.

“Это традиция, Ир. Все знают, что Леньку попытаются украсть. Гадают, делают ставки. Развлекаются так. И своих не сдают”.

“Да я не против традиции. Я против того, чтобы ты рисковал своей головой! Из-за природы твоей силы к тебе и так приковано слишком много внимания... А если попадешься?”

В этом Ирка была права. Я у нас был молодцем нарасхват.

“Расслабься, Ириш”, — ласково ответил я. — “В этом мире нет ничего, что я бы исполнял хуже, чем вальс”.

Несмотря на волнение, она все же рассмеялась в моей голове.

“Я предупредила. И помогать не стану, даже не проси”.

“И не думал. Ладно, мне пора”.

Закончив разговор, я постучал в дверь кабинета Ядвиги.

— Открыто!

Хруцкая металась между колбами и каким-то агрегатом, смутно напомнившим мне самогонный аппарат. Что-то очищала. Увидев меня, она обернулась.

— Рановато пришел.

— Позже не могу — домашка.

— Плохо!

— Ну извини. Мне еще и учиться надо. И так успеваемость далека от блестящей. В отличие от тебя, я не гений.

Не спрашивая разрешения, я завалился на стул.

— А ты, к слову, так и не показала мне, где Голова...

Ядвига оторвалась от колбы, что-то подкрутила в аппарате, и прозрачная жидкость начала капать в емкость быстрее.

— Миш, я помню, что за мной должок. И если б ты не орал об этом на весь кабинет, я была бы тебе очень признательна.

Я пожал плечами.

— Никто не орет. Просто я уже три недели почти каждый день тебе помогаю, а у меня тоже сроки. Хочу все успеть до бала. Потом каникулы, все разъедутся, и будет уже не то.

— Вот втемяшилась тебе эта башка...

Хруцкая поправила повязку, под которую убрала свою роскошную рыжую гриву, и поменяла колбы.

— Приходи завтра. С меня — экскурсия. С тебя — помощь. Займет часа два, если все пойдет по плану. Ты будешь нужен мне в литейной лаборатории.

— Что, наконец-то начнешь закладывать алгоритмы?

— Ага. Сегодня до ночи будем все перепроверять с Плещеевым, так что ты мне не помощник. А вот завтра...

Ну что ж, баба с возу — волки сыты. Я поднялся.

— Тогда я в библиотеку. Нападавали кучу всего.

Увлеченная процессом, Хруцкая лишь кивнула, так на меня и не взглянув. Я просочился в коридор и взглянул на часы. Хорошая новость — время освободилось. Плохая — весь излишек я проведу либо в подготовке домашки, либо оттаптывая ноги Ирке. И еще неизвестно, что из этого было хуже...

От формул расчета силы при применении заклинаний уже расплывалось в глазах. Я битый час корпел над изучением доселе неизвестной мне системы мер. Особенно скверно было то, что в Аудиториуме тоже пользовались греческими буквами, а у меня они накладывались на знания из прошлого мира.

Но ничего, разберемся.

Единицы измерения Благодати забавляли. Кто вообще додумался пытаться измерить магию научным подходом? Одно дело — выучить заклинания и отточить их применения. А здесь, на предмете под названием “Теория применения Благодати”, нам задавали задачи на расчет силы.

Вроде и арифметика простая, а в голове все равно была каша. Потому что, как выяснилось, обозначения использовались не на привычном мне греческом, а на византийском!

th?ta — тета — общий резерв Благодати.

m? — мю — количество Благодати, затраченное на единичное применение заклинания.

f? — фи — условная сила заклинания.

И так далее...

Я листал свои конспекты и аккуратно писал формулы, когда на мое плечо легла рука. Теплая, нежная. Женская.

Отложив ручку, я обернулся, чтобы поприветствовать Ирэн, но замер, увидев ту, кого уж точно не ожидал встретить в библиотеке.

— Привет, Соколов, — хищно улыбнулась Анна Грасс. — Давненько не встречались наедине.

Она устроилась за столом напротив меня и положила на стол пухлую тетрадь.

— Ты по делу или просто поиздеваться над моими успехами в теории Благодати? — Полушепотом огрызнулся я.

“Давай-ка лучше ментально”, — прошелестел в моей голове голос байкерши. — “Этот разговор не для

лишних ушей”.

Ох ежики... У нее-то что стряслось?

“Обо мне пошла слава как о защитнике обездоленных или тебе просто скучно?” — огрызнулся я.

Грасс улыбнулась. Губы она сегодня не накрасила, зато количество подводки, что она извела на глаза, вполне могло бы снабдить всю женскую часть первого курса. Хлопнув густо накрашенными ресницами, она подалась вперед.

“Мне известно, что ты задумал стащить Леньку Пантелеева”.

“Тут каждый второй об этом грезит”.

“Мечтать не вредно”, — осклабилась Грасс. — “Да только мало кто на это даже в теории способен”.

“И зачем ты пришла ко мне?”

“Затем, что в тебя я верю. Сдается мне, у тебя может получиться это сделать. Под надежным руководством и с должной помощью, разумеется”.

“Кто сболтнул?”

“Угадай с одного раза. Малыш, конечно. Я ему нравлюсь, и от меня у него секретов нет...”

Так, кажется, Рахманинову сегодня прилетит. Совсем башкой разучился думать. Грасс не была в моем вкусе, хотя следовало признать, что свой шарм у этой готической принцессы был. Многовато косметики, зато задница просто отпад. Да и то, что выше, тоже вполне привлекало внимание...

Сейчас, впрочем, она была застегнута на все пуговицы, а о байкерском прошлом напоминали лишь яркий макияж да несколько сережек с крестами и черепами в ушах.

“Так чего ты от меня хочешь?” — спросил я, закрыв тетрадь.

Грасс снова улыбнулась.

“Я хочу в команду”.

“Два вопроса. Первый: зачем это тебе? Второй — зачем это мне?”

“Отвечаю. Мне это нужно затем, что я хочу откусить свой кусочек славы. Мне это пригодится. Кое-какие знакомства у меня есть среди старшекурсников, но цену набить себе хочется. Ну и, кроме того, это прекрасно впишется в мой хулиганский образ”.

Я кивнул.

“Допустим, такая слава и правда будет тебе к лицу. А мне ты зачем в команде?”

Анна Грасс пожала острыми плечами.

“Первое — я опытный артефактор. Не настолько крута, как старшекурсники, но многое умею. Поверь, я способна не только булавки зачаровывать. Например, могу сделать тебе бесшумные ботинки. Хоть прыгай и джигу танцуй — не заскрипят. Полезно для тайной вылазки? По-моему, весьма”.

“Допустим”, — ответил я. — “Ты умеешь делать волшебную замену войлочным накладкам. И все?”

“А ты умеешь торговаться, Соколов”, — глаза Грасс загорелись стервозным огоньком. — “Мне это даже нравится. Люблю прямой торг. Еще я на правах будущего артефактора могу провести вас туда, куда твои соседи не смогут. Есть подвязки”.

“У меня тоже есть”, — улыбнулся я.

“Не сомневаюсь. Не зря ты столько времени болтаешься в Лабораториуме. Да только старшекурсникам помогать запрещено, и ты подведешь своего помощника под удар. А я смогу проверить все чисто”.

“Если ты такая ловкая, отчего сама все не сделаешь?”

“Справедливый вопрос. Одному не сдюжить. Нужно и отвлечь, и войти, и выйти, и спрятать. И вот с последним я как раз еще как могу помочь. Спрячу и замаскирую Башку так, что сам ректор не отыщет. Моя семья разработала несколько уникальных заклинаний сокрытия. Как тебе такое, Соколов?”

А вот это уже интриговало. Род Грасс действительно славился мощными артефакторами, и я не сомневался, что у них были припасены семейные секретки. Нам Анна, понятное дело, их не откроет, но использовать эти знания в наших интересах...

Я уже почти согласился на ее участие. Девка она была боевая и сообразительная — на Полигоне от нее был толк.

“Это уже интереснее”, — ответил я. — “Но ты же понимаешь, что в случае провала окажешься в одном карцере с остальными?”

“Конечно. И меня это не пугает. С дисциплиной у меня всегда была беда...”

Это я уже понял.

“Ладно, лично я не против. Но обсужу с остальными”.

Грасс кивнула.

“Хорошо. И есть еще кое-что, о чем тебе следовало бы знать. Ты не единственный, кто организывает команду для попытки выкрасть Голову. У нас тут наклеивается настоящее соревнование. И теперь главное — не просто выкрасть, но и сделать это первыми. У меня есть для тебя эксклюзивная информация о дате и составе твоих конкурентов...”

Глава 24

“Хорошо. Излагай”, — я придвинулся ближе к Грасс настолько, что зацепил локтем старинную лампу с зеленым абажуром и едва не опрокинул.

Грасс широко улыбнулась и отстранилась.

“Ну уж нет, Соколов. Так дело не пойдет. Сперва дай слово дворянина, что действительно возьмешь меня на дело”.

На дело. Странно было слышать такой жаргон из уст наследницы аристократического рода. Грассы, конечно, не были аристократией первого ряда, но все же обладали и богатствами, и статусом. Анна же совсем не походила на аристократку. Держалась уж слишком просто, словно проводила досуг не в семейном особняке, а болталась по улицам сама по себе. Интересно, как так вышло?

“Тогда обменяемся клятвами. Я даю слово, что беру тебя в команду, а ты, в свою очередь, ручаешься за достоверность сведений. Непроверенную информацию, за которую ты не поклянешься головой, я не приму”.

“А ты хорош”, — усмехнулась Грасс в моей голове. — “Мне все больше нравится иметь с тобой дело. Расслабься, Соколов. Обманывать тебя не в моих интересах. Если кража сорвется, я не получу того, чего хочу. Слово дворянки, что расскажу все именно так, как выяснила. Клянусь предками”.

Я кивнул.

“Слово дворянина, что разделю с тобой эту затею”.

Грасс огляделась по сторонам, а затем сверилась с часами.

“Значит, так. Информацию я получила от ребят из мужского корпуса — есть у меня там пара старых знакомцев, еще с доаудиториумских времен. Должна была поступить с ними в прошлом году. Потрясла кого надо, те развесили уши и выяснили кое-что о планах Радищева и его соседей”.

Радищев... Радищев... Слышал эту фамилию, виделся пару раз на общих лекциях. Вроде высокоранговый товарищ, а мать его происходила из рода то ли Воронцовых, то ли Кочубеев... Словом, непростая дама. Поэтому сын унаследовал неплохие способности.

В нашем конфликте с Денисовым Радищев никак себя не проявил. Да и вообще не особенно мелькал. Тем удивительнее было, что он не только пожелал поучаствовать в забаве с Головой, но и даже организовал некую команду. Видимо, ему, как и мне, повезло с соседями по комнате...

“И когда планируют?” — спросил я.

“Через четыре дня. В ночь с субботы на воскресенье”.

“Грамотно. Решили действовать в выходные, чтобы пропажа Головы обнаружилась не сразу?”

“Они только одного не учли”, — торжествующе улыбнулась Грасс. — “Что Головы в этот момент может там не быть... Я тут поузнавала немного. Порой в выходные Ленька гостит в ректорате. А оттуда банку мы точно не сможем выкрасть”.

“Значит, хорошая новость — в загаданный период Радищев может не преуспеть. Плохая — по-хорошему, нам следует его опередить. А это значит, что у нас максимум три дня”.

Байкерша кивнула.

“Да, это несколько осложняет задачу. С другой стороны, кто первый встал, того и тапки”.

“Значит, нужно готовиться уже сейчас”, — я вздохнул. — “Черт, не думал, что все придется проворачивать так быстро”.

Грасс поднялась.

“Свою информацию я передала. Если выясню подробности, дам знать по ментальной связи. А сейчас мне пора идти помогать вырезать проклятые снежинки из фольги для украшения корпуса”.

Я прыснул, представив готичную Грасс в окружении блесток, гирлянд и фольги. Наверняка это занятие ее невероятно бесило. Но руководство обязало нас самостоятельно украшать корпус и даже объявило конкурс на

лучшее убранство этажа. Так что первокурсницы явно взялись за дело с большим энтузиазмом.

Грасс кивнула мне на прощание и направилась к выходу. Я поправил лампу, снова открыл тетрадь и принялся доделывать домашку.

Шел десятый час...

— С дороги! Осторожно!

Ядвига подхватила щипцами остывающий, но все еще раскаленный куб и поднесла его к баку с водой. Коснувшись жидкости, куб зашипел, вспенилась вода.

Отскочив, я заворуженно наблюдал за работой артефакторши. Вот уж не думал, что артефакторы должны были обладать не только азами алхимии, но и немного понимать в литейно-кузнечных делах.

Хруцкая вытащила куб из воды и опустила на массивную стальную плиту, затем отложила щипцы и вытерла проступивший на лбу пот.

— Неужели справились...

— Да тебе не в первый раз ведь.

— Впервые все сама делаю. Ну, с твоей помощью, конечно, но сейчас Плещеев не контролирует. Раньше дед все время над душой стоял.

— Значит, профессор уверен, что сейчас ты справишься. И, судя по всему, у тебя все получилось.

Хруцкая сняла толстые огнеупорные варежки, стащила с волос косынку и принялась заново их перевязывать. А я невольно залюбовался.

Здесь, в литейной лаборатории, вынесенной на самый край корпуса, в полумраке, освещаемом живым огнем и сиянием Благодати, Хруцкая даже в чудовищно уродливом защитном костюме выглядела как богиня огня. Огонь плясал на ее роскошных рыжих локонах, подсвечивал кожу и делал пронзительные зеленые глаза еще ярче.

А она, казалось, даже не замечала, насколько весь этот антураж ей подходил. Вот уж действительно, это был тот случай, когда девушка не выбирала, идти ей к умным или красивым, а просто взяла все сразу.

— Ну все, сейчас приберемся, приведем себя в порядок — и можно поговорить о твоём деле, — сказала Ядвига. — Который час? Долго провозились?

Я взглянул на время и покачал головой.

— Нет, но скоро ужин у первого курса.

— Пропустим. У меня в лаборатории есть заначка сухпайка, а у Ваньки можно стащить чайник. Не пропадем. Такой вариант мне пришелся по нраву. С учетом новостей, которые принесла на хвосте Грасс, следовало как можно быстрее выяснить все о вариантах стащить голову. Ради этого можно было вечером и сухомяткой подавиться.

Я помог Хруцкой убрать рабочее место, затем она потушила огонь и оставила пометки для других артефакторов.

— А куб куда? — спросил я, глядя на светящийся артефакт.

— На ночь здесь останется. Должен окончательно остыть. Завтра мы его отшлифуем и будем проверять.

Трижды все перепроверив и убедившись, что оставляла лабораторию безопасной, Ядвига сняла защиту и стянула с меня фартук. А затем вытолкала к выходу.

— Не боишься оставлять артефакт здесь? — спросил я, глядя на то, как девушка запирала дверь.

— Нет. Сейчас — нет. Сюда никто не войдет без разрешения Деда. А он абы кому ключ не даст.

Ну да, Плещеев-то был в курсе наших экспериментов.

— Иди ко мне в кабинет, отдышись, а я сбегая к Плещееву и отчитаюсь. Заодно у Ваньки чайник прихвачу.

За время, что отработывал провинность в Лабораториум, я успел неплохо изучить особняк. Мустафин и правда оказал мне большую услугу, направив на работы именно сюда. Неужели я все-таки оказался ему симпатичен, раз он сделал такой царский подгон?

Размышляя об этом, я поднялся в кабинет Ядвиги и аккуратно отцепил защитный пластилин от двери — артефакторша научила меня обходить эту хитрость. Точнее, я теперь умел направлять силу так, чтобы сбить заклинание с материала и заставить его не орать ей в голову. Ядвига рассказывала, что сигнализация была настроена так, что ревела у нее прямо в голове, если кто-то без спроса входил в кабинет. Сейчас она почувствовала, что я снял защиту, но по ушам ей не ударило.

“Опять у своей полячки?” — раздался в голове голос Ирэн.

“Националистка!” — отшутился я. — “Да, как раз закончили в кузне, но я еще задержусь на часик. А что?”

“Да тебя опять не дозваться. Коля тебя обыскался. Связался со мной — думал, ты ко мне пошел. Я ему сказала, что ты в Лабораториуме, но, видимо, он до тебя так и не доорался”.

“В литейке было не до связи. Пришлось закрыться”.

“Мне стоит беспокоиться насчет того, что больно ты зачастил к этой горячей рыжей бестии?” — усмехнулась подруга.

“Зачем беспокоиться? Наслаждайся, что я не оттаптываю тебе ноги в бальном зале”.

Ирэн слова весело рассмеялась. У нее сегодня явно было хорошее настроение. На удивление. После новостей об отъезде Матильды в Дакию Ирка в первую неделю даже не улыбнулась. Тем удивительнее было, что сейчас она была в хорошем расположении духа. Должно быть, случилось нечто экстраординарное.

“Что тебя насмешило?” — с улыбкой спросил я, заразившись весельем подруги.

“Да я только что столкнулась с разъяренной Грасс. Представляешь, она сцепилась с девчонками из 512 комнаты и спалила все их гирлянды”, — хихикнула Ирэн. — “Тут сейчас такая буча была! Волосы драли, ногтями лица в кровь раздирали, слезы лили...”

Я не удержался и прыснул. Ну да, поди заставь эту горячую голову заниматься декором. Не ту принцессу нашли. Впрочем, на месте байкерши я бы до кражи вел себя тише воды, ниже травы.

“Ставлю червонец на то, что победила Грасс”, — ответил я.

“Пфф... Еще бы. Она кому хочешь зад надерет”.

“Что, теперь увидим ее на общественных работах?”

“Нет, замнем. Никто не хочет портить праздник. Прибежали старшекурсницы, всех разняли, до смертоубийства не дошло”.

Дверь лаборатории тихо приоткрылась, и первым в кабинете появился чайник.

“Ужин пропущу. Мне пора”, — сказал я и оборвал связь.

Хруцкая торжественно внесла только что вскипевший чайник и водрузила его на стол.

— Пока рассказываю общую информацию, поедим. Повесь купол.

Артефакторша принялась рыться в ящиках стола, а я тем временем отработал недавно выученное заклинание. Лучше всего оно, конечно, давалось менталистам. Но и у меня “Купол” получался довольно крепким. Жаль, дольше четверти часа я его пока держать не мог — рассеивалось внимание, и было нелегко с непривычки так долго концентрироваться.

— Нашла! — возвестила Ядвига и швырнула на стол две какие-то коробки.

— Это что такое?

— Сухпай. Лучший друг студентов-полуночников, путешественников и бедняков. Сегодня будем есть как обычные подданные.

Я взял в руки коробку и принялся ее тщательно разглядывать. Внутри что-то шуршало и болталось, но содержимое коробочки было легким. На этикетке красовалась румяная и до зубного скрежета счастливая семейная пара в народных костюмах на фоне терема, а перед ними дымилась гигантская миска лапши.

Стоп. Это что, доширак?

“Иван да Марья”, — прочитал я логотип. — “Острая с курицей”.

Я удивленно обернулся к Ядвиге.

— Лапша быстрого приготовления?

— Ага, — расплылась в мечтательной улыбке девушка. — Никому не говори, но я ее просто обожаю! Особенно бульон. А уж если удастся достать не отечественную, а восточную, то вообще прекрасно. Восточная такая острая, что аж глаза на лоб лезут! Я на первом курсе, когда меня гнобить пытались, брызнула острым бульоном на обидчика. Нападки как рукой сняло...

Я расхохотался, но Ядка явно приняла мой смех на счет своего рассказа.

— Там, откуда я родом, это варево называют бомж-пакетом.

— Пакет — понятно. А что такое “бомж?”

— Лицо без определенного места жительства. Бездомный, в общем. У нас ими бедняки часто питались.

— Аааа, — протянула девушка, ловко распотрошила коробки и залила лапшу кипятком. — Сокращение больно уж мудреное. Наверняка чинуши придумали.

— Вроде того, — отозвался я и решил не развивать тему. Не хватало еще на такой фигне проколоться.

Ядка тем временем вскрыла пакетики со специями и сухим мясом, засунула все в бульон и накрыла наш ужин крышками.

— Теперь ждем пять минут. А пока достань из нижнего ящика лист бумаги.

Я подал ей запрошенное, и Ядвига, соблазнительно оперевшись на стол, принялась чертить жирным карандашом какую-то схему.

— Что это?

— Карта. Значит, так. Ленька может быть в трех местах: у нас в Лабораториуме, в Артефакториуме и в ректорате. В последний нам путь заказан. А я смогу помочь тебе только в Лабораториуме — лишь здесь я могу засидеться допоздна, не вызывая подозрений, и пособить. Так что тащить Голову нужно именно отсюда.

Я кивнул.

— Согласен. А зачем Леньку перемещают?

— Ну он же разумный. В нем Осколок — сам по себе Пантелеев ничего наколдовать не способен, но видит и слышит то, чего обычный человек расслышать не может. Это полезно.

— Ясновидящий, значит?

— Ну... Не совсем. Я подозреваю, что Ленька — своеобразный дубль университетского архива. Он очень многое помнит. И раз в неделю ректор его забирает к себе. Мы даже шутили, что он всю ночь рассказывает Леньке новости, чтобы тот их запомнил.

А что, это было бы интересно и полезно. Было бы здорово иметь такой “искусственный интеллект”. Раз одаренные не могли использовать электронику, развлекались с артефактами как могли. А из Леньки еще и собеседник мог выйти... С поправкой на манеру общения.

— Если так, то он очень ценный, — сказал я. — Почему же тогда ректор так легко позволяет его украсть?

Ядвига улыбнулась и открыла крышку своей порции. Лаборатория тут же запомнилась характерным запахом бомж-пакета.

— Ценный — да, — с наслаждением вдохнув аромат, ответила Ядка. — Но вынести Леньку за пределы Аудиториума не выйдет. Это я точно знаю — в конце второго курса на занятиях разбирали ряд алгоритмов, которые в него заложены. В частности, на Осколок в Голове запитали заклинание самоуничтожения. Он просто взорвется, если его вынести. Вместе с тем, кто вынес... Но это последняя мера. Ленька и по-другому умеет защищаться.

— Ты же говорила, что он не может колдовать?

— Сам — нет. Но алгоритмы, что в нем заложены, срабатывают при определенных обстоятельствах.

А вот это и правда было важно. Значит, ни в коем случае не выносить за забор. Хотя тут поди вынеси — и так хрен сбежишь. Ну или придется совсем изловчиться, чтобы выбраться с острова.

— Тогда мне лучше знать, чего нельзя делать.

— За это не беспокойся. Пантелеев знает правила игры и не препятствует перемещениям. Обматерит, подшутит — это да. Но ему самому это развлечение в радость. Любит шалости. Помогать не станет, но и орать не будет. Только тебе, Миша, дотрагиваться до банки можно только в перчатках. Никакого контакта голого тела с артефактом.

Это я уже знал. Мои прикосновения причиняли Пантелееву лютую боль.

— Да, конечно. Так где именно он будет храниться?

Ядвига закончила рисовать схему и развернула ко мне.

— Это план Лабораториума. Узнаешь?

— Ага... Вот здесь — вход и лестница, — я указал на группу точек и черточек. — Вот там — коридор, который идет по всему периметру здания. Вон лестницы...

— Верно. Ориентируешься, — Ядвига скользнула пальцем по лестнице и переместилась на схему второго этажа. — Хранилище в этом помещении. И на нем несколько “сигналок”.

— Ну разумеется. Куда же без этого.

— Слушай внимательно, Миш. Первая сигналка включится в полночь и будет висеть до семи утра. Она запитана на периметр. То есть за ворота нужно проникнуть до полуночи.

— А выходить как?

— С этим я помогу. Смогу вырубить на пару минут. Но ворота будут закрыты, а ключа у меня нет. Так что придется лезть через забор прямо с банкой...

Я вздохнул. Ладно, с этим разберемся.

— На входной двери что-то будет?

— Да, но ее я тоже смогу задавить. А вот основная проблема будет именно с хранилищем. Там мощные артефакты слежения. Во-первых, они поднимут тревогу. Во-вторых, будет пара ловушек внутри. Какие именно,

я не знаю. Их периодически меняют. Убить — не убьет, но можно застрять или пораниться.

Черт. А вот это уже превращало квест в опасное приключение. Впрочем, никто не обещал, что будет легко.

— Значит, в лучшем случае, когда сигналки заорут, нам нужно будет схватить Леньку и бежать прочь.

— Да. И в этот момент о краже узнают. И у нас будет минут пять, не больше, чтобы отсюда убраться... — увидев сомнения на моем лице, она улыбнулась. — Я предупреждала, что это будет нелегко даже с моей помощью.

— Ага. Значит, готовиться нужно со всей тщательностью. Нужно собраться всем вместе, Ядь.

И теперь у меня появилась еще одна причина заполучить Пантелеева. Если Голова и правда служила аналогом архива, то можно было попытаться вывести у него информацию. Такую, какую мне точно не дали бы в библиотеке. Например, о Радаманте.

Ведь он же не просто так дал мне понять, что когда-то был и сам связан с Аудиториумом.

Запасусь-ка я коньячком, чтоб язык векового трупа развязался...

Глава 25

Ядвига взглянула на наручные часы, нахмурилась и обратила на нас взор.

— Господа первокурсники, у нас мало времени. Еще раз повторим план.

Я поежился от тянувшегося по полу сквозняка. Нам пришлось набиться в какую-то кладовку при библиотеке — только сюда можно было проникнуть таким составом, не вызывая подозрений. Да и то теперь мы зашифровались, уйдя почти что в подсобку. И времени у нас было немного: если я верно все посчитал, Ядвиге уже вот-вот предстояло отправиться в Лабораториум. А в следующий раз мы с ней должны были встретиться уже внутри. После полуночи.

Сегодня была ночь “дела”.

— Грасс, Ронцов и Малыш остаются за пределами территории, — отапортовал я. — Серега наблюдает за воротами и главным входом... Аня — обход с запада, наблюдение за черным ходом. Малыш — с востока, наблюдает за боковым выездом.

Все трое перечисленных сосредоточенно кивнули. Ронцов был бледен как полотно и явно ощущал себя не в своей тарелке. Еще бы. Ему, трусу со стажем, предстояло участвовать в столь рискованном хулиганстве. Но отказаться он уже не мог, да и вызвался помогать сам.

Может таким образом решил переступить через себя и побороть страх. А что, некоторым помогает.

Грасс похлопала себя по поясной сумочке, спрятанной под объемной тканью кителя.

— У меня уже все готово для моей части, — сказала она.

Я кивнул.

— Отлично. Малыш, ты как?

— А я что? Я свою задачу знаю. Сперва следить, затем помогать вам перелезть через забор. Жалко, внутрь не попаду.

Увы, Рахманинов со своей комплекцией и некоторой неуклюжестью мог превратить тайную вылазку в катастрофу. Грасс все-таки убедила приятеля, что в Лабораториуме среди колб и кучи мелких инструментов он может случайно стать слоном в посудной лавке. Малышу пришлось смириться, хотя душа здоровяка явно жаждала незабываемых приключений.

Что до меня, то я как раз надеялся на максимальную тишину процесса. И не только потому, что чем тише действуешь, тем выше были шансы на успех. А потому, что меня снова не отпускала неясная тревога.

Словно что-то не могло, а прямо-таки должно было пойти не так. Словно я что-то упустил или чего-то не знал. Грасс перепроверила свои сведения не раз, Ядвига тоже подошла к вопросу со всей ответственности, да и в своих парнях я был уверен.

И все же что-то не давало мне покоя.

А может это просто был преследовавший меня невроз, с которым пора было свыкнуться, если я собирался продолжать играть в шпиона для Корфа.

— Как закончим здесь, я сразу же отправляюсь в Лабораториум, — сказала Ядвига. — Повод задержаться у меня весомый — отстаю по срокам с готовностью прототипа. Так что Дед лишних вопросов задавать не станет.

— А Ваньку придумала, как обезвредить?

Хруцкая кивнула.

— Ванька нынче вообще не в Лабораториуме. А профессор уйдет в одиннадцать. Так что у нас будет примерно час, если не случится никаких накладок.

Под накладками Ядка понимала других задержавшихся студентов. По нашей договоренности, она должна была следить за ними и сообщить нам удобное для проникновения время.

— Теперь активная группа, — Хруцкая поманила нас к себе, и я, Сперанский и Афанасьев придвинулись ближе. — Напомните ваши задачи.

— Два варианта: мы успеваем войти до полуночи, то есть до включения сигналки по периметру забора. Второй — не успеваем, и тогда придется ждать, пока ты ее отключишь, — сказал я.

— Ни в коем случае не лезть без твоей отмашки, — добавил Сперанский.

Коля, к слову, всем видом показывал. Что был не в восторге от затеи с кражей Головы. Но отчего-то все же решил мне помогать. Возможно, над ним взяли верх принципы братской взаимопомощи — все же нас уже можно было назвать друзьями, а для Сперанского, воспитанного в лучших традициях аристократического образования с легкой романтизацией оно, дружба и верность не были пустыми словами.

“Все будет хорошо, Коль”, — шепнул я ему ментально. — “Ты еще можешь отказаться, если тебе это претит”.

“Нет, ни за что. Я дал слово, что помогу тебе, и я его сдержу. В конце концов, дружба — это помощь в любой ситуации, а не только в той, где помогать удобно”.

Вот за это я Сперанских уважал особо. Коля, назвавшись другом, вечно испытывал конфликт между природным гуманизмом и реальной необходимостью. Но всегда выбирал верность. И даже скажи я ему, что угробил того же Денисова насмерть, этот бы только спросил, сколько нужно лопат...

“Спасибо. Я это очень ценю”.

Сперанский слабо улыбнулся мне в ответ. Афанасьев тем временем расплылся в широченном оскале.

— Войти до полуночи предпочтительнее, — сказал менталист. — Чтобы госпожа Хруцкая не возилась.

Ядвига пожала плечами.

— Заглушить сигналку на периметре — самое простое дело. Но соглашусь, что чем меньше этой возни, тем лучше.

А еще, надеюсь, она придумала, что говорить завтра руководству в случае нашего успеха. Ведь точно найдутся свидетели, которые скажут, что она задержалась допоздна. Впрочем, эту часть она взяла на себя.

И я очень, очень надеялся, что она нас не сдаст. Среди всех прочих вариантов исхода я рассматривал и такой. Если Хруцкая, уже заполучив с моей помощью новый куб, на это пойдет, будет весьма обидно... Однако здесь я мог верить ей лишь на слово и полагаться на ее совесть.

— В зависимости от времени вашего проникновения я либо заглушаю сигнализацию периметра, либо сразу же приступаю к снятию ловушки на одном из входов. Для проникновения рекомендую боковой — Михаил знает, о каком я говорю.

Я кивнул. Тот самый, где мы видели, как грузили в фургон пробирки.

— Там сигналка давно не подновлялась, я это выяснила, — продолжила Хруцкая. — Значит, будет немного проще ее заглушить. Хотя снять полностью все равно не получится. У вас будет не больше получаса. После этого она активируется вновь. И если вы не успеете покинуть дом, придется возиться снова. А моя сила не безгранична и истощена работой с артефактами, так что вам нужно успеть за один заход.

Мы с ребятами переглянулись.

— Успеем, — пообещал я.

— Затем, как только вы окажетесь в здании, сразу же идите наверх. Я постараюсь вас сопроводить — мои действия по заглушке не должны требовать моего постоянного контроля. Постараюсь отслеживать изменения в сигналке дистанционно. Там на двери хранилища будет еще одна. И здесь мне, возможно, потребуется помощь Михаила.

Я удивленно на нее уставился.

— Раньше ты не говорила об этом.

— Только сегодня днем придумала. Пришла идея, как поджарить тамошнюю защиту. Причем в данном случае лучше именно поджарить.

— Ладно, как скажешь.

— А что внутри, мы не знаем точно. Придется действовать по обстоятельствам. Одно скажу — ничего не трогайте, ни к чему не прикасайтесь и внимательно смотрите под ноги. Работайте в перчатках — некоторые ловушки запитаны на контакт с кожей. Все ясно?

— Ну, насколько это вообще возможно... — протянул Сперанский.

— Тогда с богом, господа, — Ядвига поднялась с какого-то ящика, что служил ей стулом. — Встретимся ночью. Я дам знак Михаилу.

Не прощаясь, Хруцкая первой вышла из каморки, а мы решили выждать несколько минут и покидать убежище по отдельности.

Анна Грасс откинула длинную рваную челку с лица и уставилась на нас густо подведенными глазами.

— Вы придумали, как открывать хранилище?

Сперанский тяжело вздохнул.

— Ага. Отмычкой. Замок там старый, у меня такая есть.

Малыш и Ронцов изумленно вытаращились на лекаря.

— Это откуда у тебя такие навыки?

— От сестры. Когда от нас прятали конфеты в шкафах под замком, она стащила старый ключ и превратила его в отмычку. Это был ее первый артефакт...

Я улыбнулся.

— Ты не рассказывал.

— Повода не было. Но получилось на удивление удачно. Несколько месяцев пользовались, пока нас не поймали на горячем. И тогда родители впервые поняли, что Поля точно лекарем не станет...

Решетка кованного забора Лабораториума чернела на фоне освещенного почти полной луной неба. Холодный свет небесных светил отражался от сугробов, давая нам возможность неплохо разглядеть обстановку, но создавал зловещее впечатление, что мы попали в старинную, не подвергнутую цензуре времени, сказку братьев Гримм.

Грасс скользнула вокруг забора и, прячась в тени деревьев, направилась в сторону своего объекта. Малыш, тяжело ступая по тонкому насту, двинулся к боковому входу. Ронцов обернулся ко мне.

“Можете идти за Рахманиновым. Я здесь сам справлюсь”.

“Хочу дождаться вестей от Ядвиги”, — ответил я. — “Она скажет, к какому входу идти. Нечего просто так топтаться”.

Серега кивнул. Бледный как смерть, он напряженно всматривался и в окна Лабораториума, и на территорию за забором, и к подъездной дороге. Пока все было тихо. Лишь за рекой, на соседнем острове, шумели автомобили.

“Миш”, — позвала меня Хруцкая. — “Где вы?”

“Перед главным входом”.

“Дуйте к боковому, но осторожно. Есть две новости”.

“Ну давай, обрадуй”.

“Плохая — Плещеев-старший заработался и остался на ночь в Лабораториуме. Хорошая — он очень крепко спит и храпит так громко, что это заглушит нашу возню. А еще я стащила у него ключи”.

“Ты ж моя Мата Хари!”

“Кто?”

“Потом объясню”.

“Бегом к боковому! Через пять минут включится периметр”.

Я жестами подозвал к себе Колю и Гришу. Афанасьев расстарался и умудрился сделать нечто вроде ментальной коммуникационной сети — возможность общаться группой. Судя по его измученному виду, это отжирало у него много сил, но задумка оказалась крайне полезной. Теперь я мог говорить один раз и не повторять все индивидуально каждому.

“Ядька дала отмашку. Идем”.

Скрываясь в тени зарослей высоких кустарников, мы скользнули вдоль забора, идя по следам Малыша. Со следами, к слову, была проблема — хорошо бы их замести или сделать ложные. Иначе нас найдут быстрее, чем хотелось бы.

Рахманинов вышел из-за дерева и постучал пальцем по запястью. Торопил.

Я снова взглянул на пару одиноко светившихся окон. Никакого движения, ни звука. Кроме богатырского храпа профессора, от которого, казалось, содрогалось все здание.

В темном окне рядом с дверью бокового хода мелькнуло бледное лицо Ядвиги. Девушка взмахнула мне рукой и сделала приглашающий жест.

Я кивнул Рахманинову. Стукнул один раз по своей груди — меня забрасывать первым. Дважды бесшумно похлопал по плечу Афанасьева — его вторым. Сперанский сам постучал пальцем по груди трижды. Малыш кивнул, подвел меня к забору, сложил руки замком и легко, словно я ничего не весил, подкинул меня.

Я активировал “Берегиню” и легко отпружинил от земли. Тут же снял заклинание, чтобы не выдать нас сиянием, и метнулся к двери, в тень дома. За моей спиной легонько шлепнулся Афанасьев, а через несколько мгновений тяжело, словно мешок, приземлился и Сперанский. Я оглянулся и жестом велел ребятам подбежать к дверям вплотную.

Малыш уже отошел в тень деревьев.

Я поскреб ногтем окно, в котором видел Ядвигу.

“Мы перед дверью”.

“Минуту. Еще вожусь. Здесь сигнал слабый, но если ошибусь, все равно заорет на весь остров”.

Решив не отвлекать ее, мы с парнями скучковались возле дверей, то и дело оглядываясь по сторонам. Я тем временем проверил, что все надели перчатки и прикрыли шарфами лица. Так себе защита от опознания, но лучше, чем ничего. Та же рыжая башка Сперанского была ну очень уж приметной. Вопрос, как замести следы, волновал меня куда сильнее. И пока Ядка возилась с сигналкой, я связался с Малышом и попросил его что-нибудь придумать.

“Сделаю”, — коротко, в своей манере, отозвался здоровяк.

Наконец замок тихо щелкнул, дверь открылась, и из темного проема высунулась замотанная в косынку голова Хруцкой.

— Внутрь, быстро! — беззвучным шепотом велела она.

Дважды просить не пришлось. Я протиснулся первым, за мной Афанасьев, замыкал Сперанский. Едва мы оказались внутри уже знакомого мне предбанника, на нас пыхнуло старыми тряпками из кладовки и чем-то кислым.

Ядвига закатала рукав.

“Сверим часы. Лучше управиться за пятнадцать минут. Сейчас без двух минут полночь. Значит, обратно должны выйти не позднее тринадцати минут первого”.

“А если не успеем?” — поднял на нее глаза Коля.

“Возможны варианты”, — коротко ответила девушка и положила перед нами какие-то тапки на завязках.

“Войлок. Скроет звук шагов. Не хватало, чтобы Дед проснулся”, — пояснила артефакторша. — “Надевайте”.

Ах она ж наша умница!

Да уж, Хруцкая оказалась самым ценным союзником в этой затее. Поглядим, на что потом сгодится так нахваливавшая себя Грасс...

Мы быстро обулись и осторожно, стараясь не скрипеть деревянными половицами, поднялись по старой лестнице на этаж. Ядвига тут же сориентировалась и жестами показала кратчайший путь. Я его уже знал — не раз ходил им в целях разведки.

Всю дорогу нас сопровождал храп старшего Плещеева, и эти звуки отчего-то даже успокаивали и разряжали обстановку. Хотя Коля заметно нервничал. А когда нервничал, всегда начинал иступленно чесаться. Сейчас у него явно зудели руки, но он не решался снять перчатки и просто аккуратно тер их одна о другую.

“Коля, стой здесь. Следи за лестницей и коридором”, — приказал я. — “Отмычка уже не понадобится”.

Мы с Ядвигой остановились возле неприметной двери с выцветшей табличкой “ХРАНИЛИЩЕ”, и девушка тут же присела на корточки и принялась исследовать периметр двери.

“Со вчерашнего ничего не поменялось, отлично”, — заключила она. — “Мне нужно три минуты”.

Афанасьев даже сейчас бесстыже пялился на Хруцкую. Ядка явно запала ему в душу, и всякий раз, когда они пересекались, он не мог оторвать взгляд от ее прелестей. Трудно было его за это винить, ибо прелестей в этой деве было предостаточно. И все же сперва — дело.

“Миш, сейчас ты мне понадобишься”, — Ядка жестом подозвала меня подойти ближе. — “Сделаем во что. Твоя сила нужна мне в качестве источника, а я сработаю как направляющий луч и задам нужный алгоритм. Твоя задача — сгенерировать мощный импульс и передать через меня. Я настрою его на нужную тональность и разнесу защиту”.

Я с сомнением взглянул на спутницу.

“Уверена, что получится? У меня же родовуха...”

“Именно поэтому и получится”, — улыбнулась она. — “Давай”.

Хруцкая крепко схватила меня за руку. Я воззвал к источнику, передал мыслеобраз задачи, которую

требовалось решить — выяснилось, что так было быстрее, чем расписывать на словах каждый раз свои потребности. Род отозвался, поворчал для вида, но открыл передо мной боевой поток. Зачерпнув пригоршню, я сконцентрировал силу в руке, за которую ухватилась Ядвига, и подтолкнул к ней, соединяя свой поток с ее Благодатью...

Девушка дернулась, словно ее пронзила острая боль. Едва не закатив глаза, она все же удержалась на корточках, но мне пришлось свободной рукой поддержать ее за плечи.

“Ох елки-палки!” — воскликнула она. — “Печет-то как!”

А затем она всего одним движением дотронулась до определенной точки на двери, и силовой контур Благодати, что отмечал линии, по которым шла сигнализация, вспыхнул ярким белым светом. Вспыхнул всего на пару мгновений — и погас навеки.

Ядвига снова дернулась и вяло отпустила мою руку.

“Проклятье... Никогда к этому не привыкну”.

“Ты как?”

“В порядке. Момент...”

Она снова активировала какое-то заклинание, и едва различимое сияние охватило ее руку. Ядвига провела ею по двери и кивнула.

“Сработало. Мы вынесли все, что здесь было. Это хорошая новость”.

“А плохая?”

“Времени у нас осталось совсем немного”.

Достав перемотанную тряпкой связку ключей, Хруцкая осторожно развернула ткань и, стараясь не звенеть металлом, выбрала нужный ключ. Я наблюдал за ее действиями, задержав дыхание, и краем глаза заметил, как Афанасьев слишком уж побледнел. Парню явно с трудом удавалось удерживать общий канал связи. Надо все это заканчивать как можно быстрее.

Язычок замка отошел, и Ядвига осторожно отворила дверь.

Начинался самый важный этап.

“Миша, ты меня слышишь?”

Ронцов застал меня врасплох, и я вздрогнул от неожиданности. В голосе Сереги сквозила плохо скрываемая паника. Нашел, блин, время.

“Да!” — раздраженно рявкнул я. — “В чем дело?”

“Дело дрянь. У нас гости. Точнее, у вас...”

“Кто?”

“Группа из четырех человек, все парни. Студенты. Лиц пока не вижу — они еще далеко. Пробираются через лес, но по азимуту идут четко на Лабораторию. Через несколько минут будут у ворот. Я не смогу их задержать, их слишком много...”

Глава 26

“Дерьмо”, — ответил я Ронцову. — “Следи за ними и не высовывайся. Как только подойдут ближе к Лаборатории, дай знать”.

“Понял”.

Серега исчез из моей головы, а я взглянул на сопровождающих.

“Сюда направляется еще одна группа желающих стащить Башку”, — транслировал я сразу на Сперанского, Гришу и Ядвигу. — “Ронцов наблюдает, но нам нужно поторопиться и придумать, как выбраться отсюда, не столкнувшись со второй группой”.

“Может лучше дать бой?” — предложил менталист. — “Хотя на меня можете не рассчитывать. Я немного не рассчитал с ментальной сеткой...”

“Никаких боев давать не будем”, — отрезал я.

“Согласен”, — вмешался Сперанский. — “Чем больше времени мы здесь проведем, тем рискованнее. И уж тем более не стоит никому попадаться на глаза — сдадут”.

Ядвига обернулась и кивнула.

“Верно”.

Афанасьев побледнел пуще прежнего, вытаращил глаза и издал тихий сдавленный стон — и я тут же почувствовал, как ментальная сеть расширилась. Хотелось пошутить, что в чат был добавлен новый пользователь, но сейчас было не до юмора.

“Ронцов, ты теперь с нами”, — слабым голосом сказал Григорий. — “Маякни, как будет, о чем”.
“Есть!”

Я с неодобрением взглянул на нашего менталиста. Еще не хватало, чтобы он бахнулся в обморок, не успев выбраться из Лабораториума. Как его прикажешь тащить, да еще и с банкой наперевес? Зря он все-таки засунул в сеть еще и Ронцова.

С другой стороны, в общей сетке было неоспоримое преимущество — в нашей ситуации это здорово сэкономило время, и приказы не приходилось передавать по цепочке.

“Гриш, постой у дверей, отдохни”, — велел я.

“Да все со мной нормально!”

“Миша прав”, — снова влез Сперанский. — “Ты слабеешь. Быстрее, чем ожидалось. Побереги себя. Твои умения еще могут понадобиться, а другого менталиста у нас нет”.

Гриша что-то проворчал, но послушался — почему-то именно слова Коли Сперанского всегда оказывали на него отрезвляющее действие.

Мы с Ядвигой переглянулись и осторожно вошли в Хранилище.

“Ничего не трогай, как бы ни хотелось! Некоторые артефакты работают как сирены. Не те, которые ревуны, а мифологические — зовут к себе и заставляют прикоснуться. Этого делать нельзя. Так зачаровывают ловушки”.

Я кивнул и зажег слабый огонек “Жар-птицы”, чтобы осветить помещение. Но тут же понял, что этого особо и не требовалось: голова Ленки светилась так, что вполне сошла бы за приличный ночник. Зеленоватый раствор флуоресцировал и наполнял комнату мистическим светом.

Хранилище представляло собой небольшое помещение, разделенное на несколько частей высокими стеллажами с пронумерованными квадратными ячейками. В каких-то из них артефакты стояли, упакованные в коробки или жестяные банки. Другие приспособления собирали пыль без какой-либо защиты.

Голову Пантелеева мы нашли без труда — часть стены светилась, отражая неестественное зеленоватое сияние раствора.

Ядвига внимательно осмотрела пол и, легонько хлопнув меня по плечу, велела двигаться за ней след в след. Я послушно ступал за ней, в точности повторяя каждый шаг.

— Явилась свежая кровь, кхе-хе! — поприветствовал нас Пантелеев, едва мы предстали перед ним. — Да только кровушка не у всех тут свежая. А, Ядка? Тебя-то чего принесло?

— Тихо ты, балда! — огрызнулась на него артефакторша. — Я тут так, мимо пробегала.

— Ага, ага, — расплылся в безобразной улыбке артефакт. — Еще скажи, они тебя заставили.

— Не без этого, — ответил я. — Больше скажу, девица вообще не по своей воле действует.

Пантелеев взглянул на меня с насмешкой.

— Тогда чего ты делаешь в этой темной дыре вместо того, чтобы пялить ее в подсобке? Ты ее задницу видел? Ох, видел, Леня. Я ж не слепой...

— Грубиян ты, Леонид, — вздохнул я, вытащил из-за пазухи флягу и помахал ею перед Головой. — У меня к тебе деловое предложение провокационного характера: я тебя напою отличным французским коньячком, а ты прикинешься ветошью и не станешь орать, пока мы тебя не вынесем из здания.

В безумных глазах Головы проснулся неподдельный интерес.

— А коньячок-то и взаправду французский? А то пытались мне подsunуть в позапрошлом году. Обещали шотландский виски, а на деле оказался третьесортный бренди, сделанный из мочи чаехлебов...

— Чтоб я стал поить ценнейший артефакт Аудиториума какой-нибудь паленой дрянью? — Ухмыльнулся я. — Обижает, начальник!

Омерзительная голова расплылась в сладострастной улыбочке.

— Вооо, вот это другой разговор. По рукам! Ну, кабы у меня руки были.

Я двинулся к банке, но Голова тут же подпрыгнула.

— Э, Куда?! Перчатки надел? Ты ж у нас этот, ненормальный...

Я молча показал затянутые в кожу ладони.

— Не буду я тебя мучить, расслабься. Я же не изверг какой. Мне так, пошалить и тебя развлечь. Скучно, небось, ночью куковать в хранилище.

— Не без этого. Но черт тебя знает, графчонок, — проворчал Пантелеев, но перестал мутить раствор. — Ладно, выносите. Буду вести себя смирно. Только хватай бережно, неси аккуратно. Банку не разбивай — я без этого бульона долго не протяну. И сперва капни стопарик в баночку... А будешь хорошо ко мне относиться — расскажу чего-нибудь интересенького...

Хруцкая взглянула на часы, изменилась в лице и принялась торопить меня жестами. Ловко открутив банку, я открутил крышку фляги и вылил немного янтарной жидкости в светящийся раствор.

— Ух, и правда трюфельчики делали. Хорошо пошла... — промурлыкал артефакт. — Ну все, выносите меня. Поиграем в прятки!

Я закрыл крышку потуже, крепко обхватил увесистую банку обеими руками и направился к выходу так же, как и вошел — след в след за Хруцкой. Едва мы пересекли порог и оказались в коридоре, Ядвига тут же закрыла дверь и принялась возиться с замком.

Скучавший у выхода Афанасьев с интересом разглядывал нашу добычу.

— Чего вылупился, мозгоправ? — грубым шепотом поприветствовал его Пантелеев. — Не на меня смотри, а под ноги. Того и гляди бухнешься в обморок, как голодная девка в корсете.

Да, более близкое знакомство с Головой обещало быть запоминающимся... Выбраться бы теперь отсюда. А о том, как возвращать украденный артефакт на место, я пока что предпочитал даже не думать. Ноги бы унести и бульончик с фосфором не расплескать...

Сперанский кивнул нам и повернулся к лестнице, когда внезапно что-то ослепило нас. Мощный холодный луч света резанул по глазам. Я зашипел от боли и едва не выронил драгоценную банку, но стиснул пальцы на стекле.

— Это еще что такое? — прозвучал сонный мужской голос на фоне профессорского храпа.

Мы замерли.

— Фонарь выключи, — потребовал Афанасьев.

— Ага. А морковкой жеванной в рот не плюнуть? — ответил незнакомец.

Это точно не был Ванька — я бы узнал его по голосу. И не профессор — тот все еще самозабвенно спал, судя по храпу. Значит, кто-то еще.

Луч скользнул по мне, по моим рукам — хотя мог и не светить. Голова и так источала характерное сияние.

— Ааа... Перваки, значит. Понятненько.

Блин, Ядька! Просил же все перепроверить. Я мельком взглянул на ошарашенное лицо третьекурсницы. Казалось, она сама не ожидала этого столкновения.

— Федя, ты? — робко спросила она.

Луч переместился на Ядвигу.

— Так-так... Хруцкая... да еще в компании с друзьями-малолетками. Тебе известно, что помогать первакам запрещено?

“Ядь, это твой знакомый?” — быстро спросил я.

“Однокурсник. Это хреново. Очень хреново. Он поднимет тревогу. Мы с ним... немного не в ладах”.

“Проклятье. Что делать?” — тревожно спросил Сперанский. — “Бить будем?”

“А смысл?” — отозвался менталист. — “Как очнется, все равно нас сдаст. Он видел наши лица. Вот если бы у меня была сила попробовать стереть ему память...”

Но у Афанасьева даже базовые силы были на исходе — он уже даже передвигался, пошатываясь.

Я раздумывал всего с пару мгновений. Да и о чем тут было размышлять? Мы слишком далеко зашли и слишком глубоко увязли в этой затее, чтобы отступить.

Я протянул банку Сперанскому.

“Держи крепко”.

И, не дожидаясь вопросов, метнулся к этому Феде, на ходу концентрируя энергию для удара.

Вспышка — я ослепил его и тут же зажал третьекурснику рот рукой, чтобы тот не визжал. Он зажмурился, попытался инстинктивно выставить руки для защиты, выронил фонарь — Ядька, умница, подхватила его и тут же выключила. Коридор и лестничная площадка погрузились в полумрак, освещаемый лишь сиянием Головы.

Не медля, я зачерпнул горсть силы из ментального потока и вдарил по защитах несчастного Федора голой родовой мощью. Тот сдавленно взвыл и тут же отрубился — оно и понятно, нельзя привыкнуть к прикосновению родовухи, особенно если ее засовывают тебе прямо в голову.

А затем мои руки сами сделали то, что было должно. Словно Род вел меня, диктовал, как поступить, и дал на это добро. Я снова взял немножко силы и влез в голову Федору, проломив базовые защиты и обойдя природные.

И... просто стер события последних пятнадцати минут. Даже если он что-то видел и слышал, теперь это ему не поможет. Теперь он просто очнется на лестнице и не будет понимать, как здесь оказался.

Оказывается, память стиралась легко. Другой вопрос, что сработал я очень грубо. Как бы не оставить парня дурачком до конца жизни...

Бережно опустив третьекурсника на пол, я обернулся к застывшим в изумлении ребятам.

“Идем, быстрее”.

“Что ты с ним сделал?” — пролепетала Хруцкая.

“Стер память”.

Афанасьев вытаращился на меня во все глаза.

“Миш, это полный абзац... Почему ты не говорил, что...”

“Потом. Все потом. Идем скорее!”

И лишь Ленька Пантелеев довольно ухмылялся в руках у Сперанского.

— Вы, ребятки, определенно, мне нравитесь, — шепнул он и подмигнул. — Настоящие отморозки!

Преступники! Лепота-то какая!

— Тихо ты, — шикнул на него Сперанский и принялся спускаться по лестнице.

Мне пришлось поддерживать Афанасьева. Он едва не споткнулся, когда в нашей “сети” раздался голос Ронцова:

“Четверо, все парни. Идут с черного хода. Я предупредил Аню, чтобы убиралась оттуда. Вы как?”

“Птичка в клетке, уходим”.

Ронцов пропал, а мы с Ядвигой переглянулись. Девушка тронула меня за плечо.

“Спускайтесь пока вниз, а я сейчас догоню. Есть идея”.

Она метнулась обратно, перепрыгивая через одну ступеньку. Я увидел лишь, как она склонилась над валявшимся в отрубе однокурсником и вложила ему что-то в карман кителя. Блеснул металл.

Ключи! Она подкинула ему ключи и тут же вернулась к нам.

“Отличный ход”, — похвалил я.

“Это не все, что еще предстоит сделать. Сейчас идите за мной. Если та группа попыбует войти с черного хода, нам нужно выбраться так, чтобы они нас не увидели”.

Ядвига повела нас к боковому выходу и, когда мы преодолели последнюю скрипучую лестницу, зашла в кладовку и протянула мне халат.

“Обмотайте банку, чтобы не светилась. Она сияет, как новогодняя елка”.

Это да. Прислонив покачивавшегося Афанасьева к стене, я помог артефакторше обмотать Голову. Пантелеев попытался было глухо протестовать, но быстро заткнулся. Закончив с этим, Ядвига снова взглянула на часы.

“У вас две минуты. Идите”.

“У нас”, — возразил я. — “Ты же с нами”.

Хруцкая покачала головой.

“Отправляй парней с банкой вперед, а ты мне сейчас понадобишься. Все, ребят, идите. Тихо, сразу к воротам выезда с бокового”.

Афанасьев собрался с силами и поплелся вслед за Сперанским, осторожно, стараясь не скрипеть петлями, открыл дверь и выпустил лекаря с ценной ношей. Ядвига Дернула меня за рукав.

“Знай я, что ты умеешь стирать память, придумала бы все иначе. Почему не сказал?”

“Потому что не знал, что умею”, — кисло улыбнулся я.

Девушка кивнула.

“Сотри память мне”.

“С ума сошла?”

“Миш, это не праздная просьба. Стирай мне память. Последние пару часов для надежности. Не блокируй, а именно стирай. Здесь сейчас появится вторая группа, они наверняка облажаются, и все сигналки заорут, как Иерихонская труба. Поднимется кипеш. Он вам на руку — это выиграет вам немного времени, поскольку внимание поначалу будет сосредоточено на Лабораториуме. Но вам нужно успеть спрятать Голову. А меня станут допрашивать. И я не хочу нас выдать. Стирай мне память! Живо!”

Так-то Ядвига была права. Самый надежный способ не разболтать — просто не знать. Но я опасался воздействовать на ее умную голову. Будет нестерпимо жаль случайно что-то повредить в ее ценных мозгах.

“Чего медлишь?” — торопила она. — “Минута осталась!”

Дерьмо!

“Снимай защиты”, — вздохнул я.

“Уже”.

Я закрыл глаза, потянулся к источнику, зачерпнул горсть ментальной силы и молил Род помочь мне проделать все аккуратно и безвредно для девушки. Она ведь помогла нам, рисковала, подставилась ради нас — и не заслужила вреда.

Род отозвался и направил мне в руки ручеек светящегося эфира. Я обхватил голову Ядвиги руками, влил поток ей в голову, заставил его течь по ее блокам и ментальным установкам, стараясь направлять его только на воспоминания о последних двух часах.

Она вздрогнула, закатила глаза и обмякла в моих руках.

Надеюсь, получилось.

Я ощутил, как она пропала из ментальной сети для переговоров. Значит, была без сознания. Взглянув на часы, я затащил девушку в кладовку, опустил на мягкие старые халаты и вылете из Лабораториума.

Малыш, увидев меня, взмахнул мне рукой. К счастью, Сперанский и Афанасьев уже пробрались за забор, и Голова была с ними — я заметил темный сверток на снегу. Из-за деревьев вышла Грасс со связкой прутьев в руках — заметала следы.

Я бросился к забору, на ходу активируя “Берегиню”. Ухватился обеими руками за прутья, подтянулся, поскреб пузом о решетку и уперся ногами.

— Давай, Мишань, — кряхтел Малыш, просунув руки через прутья и подталкивая меня снизу. — Только не уколись о шипы. А то Гришане уже досталось. Совсем слабый, бедняга...

Рахманинов крякнул, подкидывая меня вверх, и я, изобразив живописную дегу на фоне зимнего неба, перелетел через забор и отпружинил от земли за счет заклинания. Ребята тут же подхватили меня и поставили на ноги.

— Неужели удалось? — выдохнула Грасс, сверкая глазами. — Неужто справились?

Я мрачно на нее взглянул.

— Теперь покажи, на что способна.

— Валим отсюда, — прошептал Афанасьев. — Нас много, среди деревьев не затеряешься. Нужно уходить как можно дальше. Сейчас тут начнется...

И он как в воду глядел.

Я не успел даже отряхнуться, когда одновременно взвыли несколько сирен. Тут же зажглось окно, и мы с командой припали к земле, скрываясь за кустарниками. За стенами Лабораториума продолжали визжать сигнализации, слышался топот...

— Уходим. Нужно забрать Серегу. Ань, скажи, чтобы он уходил к условному месту.

Пригибаясь к земле, я поручил Сперанскому тащить банку с Ленкой, а сам шел замыкающим, то и дело оборачиваясь назад и проверяя, не пустили ли за нами погоню. Грасс как-то ловко поколдовала над связкой своих прутьев, и те превратились в метлу на автопилоте — заметали за нами следы. Еще и снег повалил — обильный, пушистый. Может, свезет затеряться...

— Есть проблема с Ронцовым, — тихо сказала байкерша. — Он не отвечает.словно поставил блок.

Это было хреново. Мы уже прошли достаточно и почти что подобралась к условному месту — была в парке скульптурная группа на отшибе, где можно было отсидеться и схорониться.

— Я за Серегой, — сказал я, разворачиваясь. — Нельзя его бросать.

Грасс не ответила — лишь всматривалась куда-то в даль.

— Кажется, он и не там, — зло сказала она. — Гляди.

Я проследил за ее пальцем и заметил силуэты нескольких человек, скрывавшихся в тени скульптур. Ронцов был среди них. Сидел на каменной скамейке под непроницаемым куполом, привалившись к низкой стенке, словно брошенная тряпичная кукла.

— Уходим отсюда, — прошипела Грасс. — Быстро!

Я покачал головой.

— Поздно.

От площадки отделилась одинокая фигура, и даже с расстояния, в темноте, я узнал ее обладателя.

— Полагаю, мне стоит вас поблагодарить за сделанную грязную работу, — сверкнул идеально ровной улыбкой альбинос Меншиков.

Княжич медленно подошел к нам и устоялся на сверток в руках Сперанского. Край старого халата свесился, обнажая сияющий бок банки. Голова Пантелеева с интересом вытаращила один глаз и устоялась на Меншикова.

— А, белоручки пожаловали, — прокряхтел Ленька. — Любители всего готовенького? Вот таких вот вас я в семнадцатом и хотел изничтожить...

— Заткнись, — спокойно ответил альбинос и перевел взгляд на меня. — Должен признать, я и не рассчитывал на то, что вы справитесь. Однако ты меня удивил, Соколов. Не будь ты таким позорищем для всего дворянства, я бы даже попытался с тобой подружиться. Полезный ты малый. Но опасный. Слишком опасный, и с каждым днем тревожишь меня все больше. Денисов, вон, дрогнул — не стал тебя трогать, хотя не раз была возможность. Ну да у него, впрочем, сейчас иные заботы...

Трое прихвостней Меншикова подошли ближе. Я узнал щеголя Забелло и еще одного нашего одноклассника — Матвея Исаева, что переметнулся на сторону “Княжичей” в первый же учебный день. Мы с ним толком и не общались, но я знал, что Исаев был “шестеркой” и выполнял мелкие поручения для более родовитых товарищей.

А вот еще один — хмурый и молчаливый юноша с пронзительными темными глазами и резкими, почти рубленными, чертами лица — был не из нашей группы. Павел Гагарин, один из сыновей князя Гагарина. Ходили слухи, что парень был необычайно одарен талантом менталиста. Ирка не раз о нем упоминала.

— Чего вам надо? — пробасил Малыш. — И на кой черт вам сдался Задохлик?

Задохликом Малыш именвал Ронцова. Было за что.

Андрей Меншиков лениво потянулся и хрустнул костями, когда его прихвостни выстроились в шеренгу напротив нас.

“Мне это не нравится”, — пронесся у меня в голове голос Сперанского. — “Деремся или бежим?”

Ну еще бы. Я и сам не был в восторге от такого поворота.

“Нельзя бросать Серегу”, — ответил я.

“Согласен”.

Я инстинктивно повесил “Шлем”, а по телу медленно расплзлось сияние “Берегини”. Я уже предполагал, что сейчас будет: Меншиков вместе со своими прихлебателями попытается угрожать нам и станет навязывать обмен — Голову на Ронцова.

Впору было бы послать его подальше, кабы не один нюанс. Из всех “Княжичей” Меншиков казался мне самым отмороженным.

Забелло просто был туповатым щеголем. Яд и желчь цедил нещадно, но большого вреда от него не было. Перовская предпочитала вдохновлять остальных на дурацкие подвиги, а сама на рожон не лезла. Денисов...

Денисов жил собственными представлениями о чести и чистоте крови, но его можно было уважать как минимум за идейность и откровенность. И пусть наши с ним убеждения резко противоречили, но он умел держать слово. Да и благородства какого-никакого не чурался.

А вот Меншиков действительно был чудовищем. Не знаю, почему мое чутье каждый раз так на него вскидывалось, но стоило нам просто оказаться рядом, как вся моя внутренняя сила словно вставала на дыбы и верещала об опасности.

И хуже всего было то, что я не представлял, на что этот психопат был способен. Было в нем что-то беспощадное и непостижимое.

— Отвечай, что вы сделали с Ронцовым! — Малыш двинулся на Меншикова.

Но не успел он сделать и двух шагов, как рухнул на колени, обхватив голову руками.

— Ааааа! Черт! Больно!

Менталист Гагарин лишь двинул бровью и шевельнул рукой — и Малыш скорчился еще мучительнее.

Меншиков пресно улыбнулся.

— Не стоит даже пытаться нападать, господа. Нас здесь всего четверо, но мой друг Павел Гагарин — менталист второго ранга. И я не трону никого, кроме Ронцова и Соколова, если все вы проявите благоразумие...

Грасс подскочила к Малышу и обхватила его за плечи, судорожно пытаясь помочь. Но куда там. Судя по всему, этот Гагарин шарахнул нашему Рахманинову прямым ударом в голову. Малыш не успел повесить “Шлем”, и досталось ему по полной.

— Витя, Витя, спокойно, — причитала байкерша, пытаясь применить к нему целебное заклинание. Не срабатывало. Наконец Малыш тихо заскулил и повалился набок, все так же не отрывая рук от коротко стриженной головы.

— Что ты с ним сделал, урод? — вскакивая на ноги, взывала Грасс. — Я тебя самого пополам переломаю!

— Аня, не надо! — крикнул я и попробовал ее остановить, но не успел.

Байкерша рухнула на снег как подкошенная, схватилась обеими руками за шею и забилась в судорогах, отчаянно лоя ртом воздух. Из ее рта вырывались хрипы, а Меншиков, казалось, получал какое-то сладострастное удовольствие, наблюдая за мучениями моих друзей.

Садист хренов.

Афанасьев успел нацепить “Шлем”, но помощник из него был как из дерьма пуля — все остатки резерва уходили лишь на то, чтобы поддерживать защитное заклинание. Привалившись к березе, наш менталист устало взирал на происходящее, не в силах вымолвить ни слова.

Дерьмо. Они поймали нас в самый неудачный момент. Именно тогда, когда почти все обессилели, вымотались и оказались в месте, откуда помощи не докричишься.

— Отзови псов, — сказал я альбиносу. — Прекрати, Андрей. Они ни в чем не виноваты.

Меншиков лишь пожал плечами.

— Они виновны в том, что выбрали не ту сторону. А ведь у них была возможность примкнуть к нам.

— Так это — месть? — прошипел я.

— Наказание. Порка, какой я себе ее представляю. Расслабься, Соколов, убивать твоих друзей никто не собирается. Помучаются, конечно, а потом мы сотрем им память и заложим новые воспоминания. И кое-какие мыслишки... Наш Паша в этом очень хорош, даром что первокурсник. Отменная наследственность! Прекрасный пример того, на что способна чистая дворянская кровь.

“Коля, уходи”, — бросил я Сперанскому. — “Оставь Голову и выбирайся отсюда. Я попробую их отвлечь”.

Все это уже ни разу не походило на шалость. Сила внутри меня бурлила, кипятила кровь, ища выхода. Я чувствовал не просто злость Рода — нет, он рокотал, рвал и метал внутри меня, выплескивая ярость. А по позвоночнику пробежал липкий холодок дурного предчувствия.

Значит, буду тянуть время и перетяну все внимание на себя. Быть может, удастся помочь Коле уйти. Лишь бы получилось. Тогда будет хоть какой-то шанс привести помощь.

Пантелеев расхохотался, и раствор в его банке пронзительно засиял.

— Ну вы и отродье дворянское, кхе-хе-хе! Кровь, говорите, чистая? А вам, лбы вы стоеросовые, говорили, что погоня за высоким рангом и женитьба на себе подобных вызывает... Как это Дедуля говорит... Это, побочные эффекты! Ты на себя в зеркало-то давно глядел, урод белобрысый? Ты ж и на человека-то похож с натяжкой! Что, доразвлекались твои предки с чистотой кровушки? Доигрались до белых волосенок и красных зенок?

Меншиков переменялся в лице. Его аж перекосило от презрения и ненависти.

— Пасть захлопни, труп. Или полью твоим бульоном вон эту березу. Поглядим, как ты после этого заговоришь. Если сможешь.

— На коньяке продержусь, — осклабился Ленька, которого вся эта ситуация уже откровенно забавляла. Я же его чувств несколько не разделял. И, кажется, начал понимать, зачем все это было.

Меншикову и его прихвостням на фиг не сдался Пантелеев. Это был лишь повод выманить нас с Ронцовым в укромное место. И судя по тому, с какой поддержкой пришел Меншиков, он не собрался отпускать нас с Серегой просто так.

Психопат хренов.

“Коля, беги!” — заорал я Сперанскому и выставил “Покров” между ним и альбиносом. — “Вали давай!”

Лекарь поставил сверток с Головой на снег и метнулся к деревьям.

— Держи его! — скомандовал Меншиков. — Ни один не должен уйти! Сегодня все случится! Прوماхов быть не должно!

Рыча от напряжения, я укрепил и увеличил барьер — теперь он протянулся через всю поляну, укрывая от “Княжичей” и Сперанского, и чахнувшего у дерева Афанасьева.

Исаев бросил несколько “Кос” в преграду, но заклинание выстояло. Забелло запустил пару “Жар-Птиц”, а Меншиков шарахнул “Колобками”. Я усмехнулся. Ну уж нет, ребята, мои барьеры крепкие... Нырнув за преграду, я оттащил туда же и Леньку.

— Махач! Махач! — скакал в растворе артефакт. — Уууух, жаррра пошла! Надери им жопы, Мишаня!

— Да молчи ты!

Я влил еще силы в барьер, но Исаев смог надорвать его сбоку. Я запустил в парня “Колобком” из чистой силы — Исаев пропорол сугроб, взметнув ворох снега, и застонал.

— Коля, беги!

“Идем со мной! Ты один с ними не справишься!”

“Вали, я сказал!”

Сперанский замешкался, я видел муку и сомнение на его лице — лекарю не хотелось оставлять меня. Я поторопил его жестом, и Коля наконец-то подчинился. Развернулся, взял разбег...

И, коротко вскрикнув, рухнул навзничь.

— Что за... — но я захлопнул рот, не успев договорить.

Григорий Афанасьев отошел от березы и встряхнул руками. Ни следа не осталось от былой усталости, что едва не свалила его с ног. Менталист был сосредоточен и непривычно серьезен. В десятке шагов от него Сперанский попытался подняться, но Афанасьев шевельнул пальцами и что-то прошептал — и лекарь снова повалился в снег.

— Я же говорил тебе, что поведутся, — сухо, без тени своего вечного балагурства, обратился он к Меншикову.

Альбинос кивнул.

— Да, я проспорил. Отличная работа, Гриша. И ведь действительно разыграл все как по нотам. Похвальное лицедейство.

Я инстинктивно попятился и врезался спиной в дерево. Значит, все это время Афанасьев, наш Гриша...

Нет, нет... Ну что за дерьмо?!

Я быстро огляделся. Малыш и Грасс лежали в снегу. Ронцов так и развалился брошенной куклой под куполом. Сперанский далеко не ушел.

Я остался один против четырех “Княжичей” и предателя Афанасьева.

— Гриш, зачем? — только и смог выдать я хрипло.

Сосед скользнул по мне безразличным взглядом.

— Ничего личного, Соколов, — отозвался он. — Я тоже хочу в Орден. В этом году условия приема, как по мне, излишне жесткие. Но на что не пойдешь ради членства в закрытом тайном обществе...

Сукин сын.

На пару мгновений у меня просто опустились руки от разочарования и осознания того, что я сам привел друзей в эту ловушку. Ведь я должен был что-то заметить в поведении Афанасьева, а этом его вечном балагурстве и подначивании. Но я ничего не заподозрил. Ни разу.

А теперь...

Пятеро аристократов окружали меня, сжимая кольцо. Я отошел подальше от Головы, чтобы ненароком ее не задеть. Ленька-то во всем этом балагане точно не виноват, а портить ценное имущество было негоже.

Нет, живым я не дамся, пусть шансы и не равны. Может кто-то из ребят успеет прийти в себя. Хотя лучше бы им не видеть моего падения. Ведь вместе со мной рухнут и их надежды.

Они теснили меня в середину поляны, подальше от друзей. Гагарин с легкостью прошел все мои защиты и держал невидимой хваткой за горло. Каждая моя попытка дернуться и даже просто пошевелиться отзывалась мучительной болью. И чем больше я пытался сопротивляться, тем труднее становилось дышать.

Если этот Гагарин был так хорош, что он вообще забыл среди Первокурсников?

— Если тебя это утешит, вы с Ронцовым станете нашим пропуском в Орден, — улыбнулся Меншиков.

— Тебе тоже не дает покоя Аспида? — горько усмехнулся я.

Жутковатые глаза альбиноса вспыхнули красным. Значит, он еще и был под стимуляторами?

— О, это не просто Аспида, а самая закрытая ее секта. Полулегендарная. И, к сожалению для вас с Ронцовым, самая радикально настроенная по отношению к слабокровкам и бастардам. Вы — наше задание. Дабы доказать свою приверженность идеалам Темной Аспиды, мы должны избавить мир от вашего присутствия. Очистить его от вас.

Значит, чутье меня не обмануло. Сила снова колыхнулась во мне. Нет, рано. Еще рано. Нужно вытрясти из них побольше информации. Пусть сами расскажут, а там решим, что с этим делать.

— Кроме того, кое-кто начал подозревать, что ты, Соколов, оказался в Аудиториуме не просто так, — спокойно продолжил Меншиков. — Вынюхиваешь, друзей заводишь, лезешь куда не следует. Это, знаешь ли, вызывает беспокойство вкупе с твоими особыми способностями. Ты стал для нас слишком опасен.

— Еще и странные книжки прячешь в тайниках, — добавил Афанасьев. — Тогда не только Ронцов тебя

застукал. Он-то повелся на сказку про мышь, а я перепроверил. Зачарованной ручкой пользуешься...

Дерьмо. Дерьмо. Дерьмо!

Если они влезут мне в разум поглубже, то точно вытащат информацию о Корфе. И тогда смерть от рук этих паскудников еще покажется благословением относительно того, что со мной сделает Аудиториум, если все вскрыется...

— У меня один вопрос, — я поднял глаза на альбиноса и уставился на него в упор. — А где Денисов? Он же вроде у вас главный?

— Отнюдь. Костя сошел с дистанции, ибо оказался малодушен. Нет в нем той беспощадной искры, коей должен обладать палач на службе у Ордена. Так что Аспида ему уже вряд ли светит.

Я рассмеялся.

— Выходит, из всей вашей шоблы Денисов оказался самым нормальным, потому что отказался идти на убийство. Этот факт, знаете ли, очень много о вас говорит...

Тиски вокруг моего горла сжались еще сильнее. Я захрипел и рухнул на колени, беспомощно цепляясь за морозный воздух.

Альбинос наклонился к моему лицу:

— Предупреждаю, Соколов. Если дернешься или попытаешься что-то сделать, умрут все. Нам что вас двоих убивать, что всех вместе — одинаково. Сперанского, конечно, жаль — парень из почтенного рода, но он все же не единственный наследник. Переживут. Поэтому сделай хоть что-то нормально. Не дергайся. — Меншиков взглянул на часы и кивнул своим прихлебателям. — Второй час. Время ритуала. Пора, господа.

Забелло и Исаев приволокли Ронцова и бросили его ко мне в круг. В какой-то степени ему, валявшемуся в отключке, можно было позавидовать — помрет и ничего не почувствует.

Гагарин, продолжая удерживать меня на невидимой хваткой, принялся что-то чертить прутом. Я с трудом огляделся по сторонам и прислушался — ни единого звука, словно мир замер. Значит, повесили надежный купол. Теперь я даже ни с кем не смогу связаться.

Пропощаться хотя бы с Ирккой. Чтобы она рассказала семье...

“Княжичи” выстроились вокруг нас в виде пентаграммы, и Меншиков принялся что-то напевать по-гречески, и остальные ему вторили. Я бросил взгляд на светящуюся банку — Ленка был слишком далеко, и я бы даже не смог его расслышать.

Ронцов дышал слишком слабо. Я приложил руку к его шее и почти не почувствовал пульса. Парня слишком крепко приложили — а ему много и не требовалось.

Меншиков достал из кармана мешок с какой-то дрянью, высыпал каждому на ладонь, и все по очереди это вынюхали. Стимуляторы. Наркоманы-винамщики чертovsky. Значит, нужно было действовать сейчас, пока их кровь не зажглась от действия порошка.

— To spathi tha vythistei sti sarka ton asevon! — завывал Меншиков.

— Меч вонзится в плоть нечестивого! — вторили ему уже по-русски голоса студентов.

А затем Исаев поднес Меншикову самый настоящий меч. Старый, простой. Тускло блеснувший в холодном свете луны и звезд.

Пропев что-то еще, альбинос замахнулся на меня, и в этот момент я выпустил силу.

— Pethane! — заорал я, не сразу осознав, что ревел тоже по-гречески. — Умри! Умрите все!

Сила подкатила к горлу, излилась из меня, изо рта, из каждой поры. Я превратился в мощный ретранслятор — просто пропускал через себя весь мощнейший и смертоносный поток. В нем смешалось все — ментальная, боевая, древняя родовая сила и гнев моего Рода.

Источник отдал так много, что я, казалось, перестал существовать. Я сам превратился в силу. У меня не было ни глаз, ни ушей, ни рта, ни рук — я превратился в сгусток энергии, в звезду, что выжигала все вокруг.

Сколько это продолжалось, я не знал. Меня трясло и подкидывало от каждого нового импульса, я ощущал себя умирающей звездой, что взрывалась раз за разом.

А затем пришли звуки — крики, крипы, стоны, треск. Ощущения — страх, ужас, смятение, удивление и шок. Все это доверху наполнило купол, и я расхохотался, упиваясь возмездием.

— Pethane! — повторял я не своим голосом, но тысячей голосов моих разгневанных предков. — Умрите всеее!

Купол лопнул, как мыльный пузырь, и сила, наполнявшая замкнутое пространство, брызнула во все стороны.

Поток иссяк. Источник, довольно урча, утихомирился и отпустил меня. Я рухнул на землю, не сразу осознав, что лежал на голой черной и очень горячей земле. Снег испарился. Листья и ветки были сожжены — по моим рукам растекался намокший пепел.

— У-умрите... — прохрипел я, с трудом заставив себя поднять голову.
А когда огляделся, пришел в еще больший ужас.

Глава 28

Меня все еще колотило от последствий выплеска силы. Внезапно стало невыносимо холодно, зуб не попадал на зуб, руки тряслись, и я с трудом смог приподняться.

Заснеженная поляна в запущенной части парка теперь стала одним сплошным темным пятном. От горячей земли исходил пар, и этот странный темный рисунок напоминал черную звезду на белом снегу. В центре был я, а лучи, истончавшиеся к краям, тянулись в стороны на несколько метров.

А земля пахла смертью.

Ближайшее дерево обуглилось с одного бока — темно-оранжевые, почти алые угли пульсировали на коре. Воняло гарью, сырой землей, жженой шерстью и... жареным мясом.

— Дерьмо...

Я снова попытался подняться, но ослабевшие руки не выдержали, и я рухнул обратно на теплую землю. Но теперь перекатился на другой бок и взглянул в распахнутые, но невидящие глаза Сереги. Точнее, в этом обгорелом и тихо стонавшем парне было трудно узнать Ронцова.

— О нет...

Подорвавшись на остатках адреналина, я подполз к нему. Увидев меня, он с трудом сфокусировал взгляд и протянул обезображенную руку.

— М-ммм... Мммм-иии...

— Молчи! — шепнул я. — Молчи, Серег.

— Миии... Миииш...

— Тихо, говорю!

Я навис над Серегой и дернулся от ужаса. Как он вообще еще оставался жив? Света не хватало, я не смог как следует его разглядеть, но и того, что рассмотрел, было достаточно для однозначного вердикта — срочная реанимация. Если еще не поздно...

Видимо, он в какой-то момент вышел из-под контроля Гагарина и попытался поставить барьер. Обгорел парень неравномерно, больше всего досталось лицу, груди и рукам. Чудовищные раны и невыносимая боль. Странно, что он смог остаться в сознании.

— Серега, прости, — я попытался воззвать к силе источника, но Род не откликнулся на просьбу.

“Слишком много”, — отрезали предки и оставили меня. Слишком много потратил в попытках спастись. Сейчас я ощущал себя настолько пустым, словно и вовсе не обладал силой, как какой-нибудь простолюдин.

Дважды просить у предков я не стал. Знал, что если отказали сразу, то уже не поделится — только разозлю.

— Миш... — пошевелил остатками губ Ронцов. — Что... Что ты с ними сделал? И с нами...

— Пытался нас защитить. Прости меня. Прости, Серег, я не могу залечить... У меня не осталось сил.

Ронцов болезненно поморщился, но попытался улыбнуться.

— Зато... ты... те не бросил.

— Все, молчи!

Я оглянулся по сторонам в поисках друзей. За моей спиной булькнул и закричал в своей светящейся банке Ленька.

— Ну и светомузыку ты зарядил, Соколов! — прохрипел артефакт. — Такого я не видал. Вот уж точно будет что вспомнить.

— Есть что сказать по делу? — Грубо оборвал его я.

Банка оказалась целой, но валялась на боку, и Ленька безуспешно прыгал, пытаясь заставить свой сосуд принять вертикальное положение.

— Поставь меня, пожалуйста, — удивительно вежливо попросила Голова. — И найди своего врача. Если я вижу именно то, что вижу, то дружку твоему осталось недолго.

Я быстро поставил банку на старый пенек, чтобы у Пантелева был обзор побольше, а сам, шатаясь, пошел по поляне в сторону, куда убежал Коля. И лишь сейчас, с высоты собственного роста, я увидел полный масштаб того, что натворил.

Твою мать, как у меня вообще все это вышло?

Как, черт возьми?

Я убил их. Сейчас казалось, что я убил их всех — и своих, и чужих. Сила, что встала на мою защиту, не выбирала — просто лилась и уничтожала все на своем пути. Кто не спрятался, я не виноват. А спрятаться почти никто и не успел...

— Коля! — надтреснутым голосом позвал я. — Коля! Отзовись!

С трудом передвигая ноги, я перешагнул через почерневший труп Меншикова. Длинные белые волосы альбиноса сторели дотла, а череп почернел. В княжиче можно было признать Меншикова лишь по мечу, что остался у него в руке.

Рядом лежали еще два тела. Тот, что выше, видимо, был Забелло, а по другую сторону от Меншикова — Исаев. Все точно мертвы — я провел руками над их телами, силясь уловить хотя бы слабое биение жизни, но тщетно. Души уже их покинули. Если у этих козлов когда-то были души.

Гагарин явно пытался защититься — так и умер в скрюченной позе с гримасой боли и ужаса на и при жизни несимпатичном лице, но со вскинутыми руками, словно он пытался создать заклинание, но не успел.

Менталист второго ранга — и пал от моей руки. Впору было возгордиться, но это была Пиррова победа.

Ронцов снова застонал. Я обернулся, увидел, что он пытался пошевелиться, и шикнул на него.

— Лежи смирно, Серег! Коляяя! Коляяя!

Рахманинов и Грасс, казалось, пострадали меньше. По крайней мере от них не исходил аромат жареной свинины, да и выглядели они целыми. Волна силы прошла мимо них и если и задела, то по касательной.

Афанасьев, паскуда этакая, тоже еще дышал — отползал к дереву, и я с легкостью догнал его.

— Куда намылился, предатель?

Я пнул его носом ботинка по челюсти, Афанасьев сдавленно взвыл.

— Не надо! Не надо! Пощади!

— Поздно! Ты одумался, Гриша, — мрачно сказал я, перевернул его на спину и наступил на израненную грудь, переместив на ногу вес. — Я не в настроении кого-либо щадить.

— Я... Я... Меня заставили, — прохрипел менталист.

— Ну конечно.

— Я должен был это сделать! Я не знал, что дойдет до убийства! Не знал, что Орден это прикажет...

— Мне плевать, Гриш. У тебя был выбор.

Поразмыслив, я вытащил меч из обугленной руки Меншикова и направился к Афанасьеву. Увидев оружие в моей руке, предатель заскулил и попытался отползти, но уперся спиной в дерево.

— Никуда не уходи, — сказал я и вонзил меч ему в плечо. — Отдохни пока.

— Ааааа! — взвыл Афанасьев. — Не наааадо!

Была мысль просто снести ему башку, но я сомневался, что хватит сил на хороший удар. Да и живым он еще мог пригодиться.

— Миша?

Я резко выпрямился, услышав высокий женский голос.

Ирэн, с лохматой головой и в наспех накинутом пальто, стояла возле уцелевшего дерева и с ужасом смотрела на поляну.

— Ир? Что ты здесь делаешь?

Девушка шагнула ближе, внимательнее осмотрела поляну — увидела трупы сектантов-неудачников, развалившихся Рахманинова и Грасс, проткнутого мечом Афанасьева, обезображенного Ронцова... И подняла глаза на меня.

— Это ты? — почти заикаясь, спросила она. — Это ты... Ты их всех убил? Аня не вернулась в комнату, я забеспокоилась, пошла искать... И увидела вспышку. Миш... Это ты, да?

— Да.

Казалось, на Ирину нашел какой-то ступор. Девушка словно оцепенела — застыла столбом, с непониманием и недоверием глядя на место катастрофы. Лишь ее глаза то расширялись, то сужались, а губы слабо шевелились.

— Ир, тебе не стоит быть здесь, — я шагнул было к ней, но тут наваждение спало, и Ирэн отшатнулась от меня как от прокаженного.

— Не подходи! — она тут же поставила “Берегиню” и выставила между нами “Покров”. — Не смей!

— Ира, это же я. Миша. Я тебя не трону.

Вскинув руки, девушка продолжала пятиться.

— Ты... Ты... Ты их всех погубил. О господи...

— Спокойно, красотка! — заорал со своего пня Ленька. — Тут, знаешь ли, случилась та самая ситуация, когда или ты убиваешь, или убивают тебя... Так что зазнобец твой все правильно сделал. Ну, это, конечно, потом внутреннее расследование будет разбираться, кто прав... Но я ставлю на Соколова.

Я снова попробовал приблизиться к Ирэн, но она пулило от меня отскочила.

Хрен с ней. Сейчас было не до Иры и ее переживаний. Там, на поляне, помирал Ронцов, а Сперанский был единственным, кто мог реально ему помочь. Лекарские навыки остальных не подходили.

Оставив Ирку за спиной, я бросился к тому месту, где вроде бы упал Сперанский.

— Коля! — ревел я, мечась между деревьями. — Отзовись!

— Здесь... Здесь я.

Сперанский сидел, привалившись к дереву. Лоб и висок в крови, на щеке длинная глубокая царапина, руки изрезаны — видимо, саданулся при падении обо что-то острое. Я подлетел к нему, рывком поднял лекаря на ноги и потащил за собой.

— Спасай Серегу! Срочно!

Колю не иначе как контузило. Парень едва мог сфокусироваться, выглядел совершенно потерянным и двигался, словно шарнирная кукла. Да еще и каждый шаг заставлял его морщиться от боли. Словом, лекарю, казалось, и самому была нужна помощь.

Я подвел его к Ронцову и, надавив на плечи, заставил опуститься подле обезображенного товарища.

— Лечи.

Сперанский оглядел соседа, несмело провел рукой над телом и поднял на меня глаза.

— Так некого лечить, Миш. Все...

Я мотнул головой.

— Нет, ведь только что...

— Он мертв, Миш, — отчеканил Коля. — Умер. В теле нет жизни.

Я отступил на пару шагов, едва не споткнулся о труп Меншикова, но даже толком не заметил этого. Что-то лопнуло у меня внутри, оборвалось и разлилось тяжелым липким чувством. Под ложечкой засосало, а к горлу подступил ком.

— Нет... Нет, Коль. Проверь еще раз. Пожалуйста.

Сперанский вздохнул и поднял на меня взор, очень напомнивший мне тот самый усталый взгляд больничных врачей. Замученный, безысходный, утомленный.

— Нечего там проверять. Мне жаль, Миша. Правда, жаль.

Я закрыл глаза, пытаюсь справиться с подкатившими к горлу сухими рыданиями. Нет, слез не было — у меня с плачем всегда выходило туго. Но плечи предательски затряслись, и я сжал кулаки, пытаюсь справиться с эмоциями.

Вот уж не думал, что меня так накроет от смерти парня, который и другом толком мне не успел стать. Точнее, он видел во мне друга, а я... А я продолжал жить одним днем, ожидая, что однажды Аудиториум меня раскусит и отправит домой в разных пакетах. Я отказывался это ценить, но... Зря. А теперь поздно.

Я даже не знал, что именно чувствовал в этот момент. Горе? Вину? Или понимал, что все это случилось из-за меня? Что я уберег Ронцова от врагов, но не смог защитить от самого себя и силы, которой обладал...

Кто-то осторожно прикоснулся к моему плечу. Я резко обернулся — Ирэн.

Девушка молча обняла меня. Не сказала ни слова, но прижалась так крепко, как могла.

“Что бы ты ни сделал, я верю, что у тебя была на это причина”, — прозвучал ее печальный голос в моей голове.

Она отстранилась, кивнула мне и уставилась на Сперанского.

— Пойдем, приведем в чувство остальных.

А я остался наедине с бездыханным Ронцовым. И лишь Пантелеев, словно ему вожжа под хвост попала, принялся активно булькать своим раствором.

— Соколов, ты бы присматривал за своим предателем получше, — язвительно сказал артефакт.

Я метнул взгляд в сторону, где оставил Афанасьева, и увидел, что тот пытался освободиться от меча и уползти. И почти успел.

— Спасибо, — поблагодарил я Леньку и направился к предателю.

Услышав мои шаги, менталист замер, а затем тяжело вздохнул.

— Не прокатило.

— Тебе еще много чего с рук не сойдет, — я опустил перед ним на корточки. — Особенно когда я сдам тебя Мустафину.

Афанасьев расплылся в недоброй улыбке.

— Тогда, полагаю, ему будет интересно, зачем ты прячешь в тайнике заколдованную ручку и книгу для шифров. Детский лепет, а не криптография.

— Да, возможно, Мустафин этим заинтересуется. Однако на фоне прочих событий едва ли это будет его занимать. Я-то планировал оставить тебя в живых, поскольку Аудиториуму было бы неплохо занять живого свидетеля сегодняшних событий. Хотел, чтобы ты рассказал им о задании Ордена, ритуале и замысле убить двоих студентов, один из которых — носитель уникального дара. Я хотел, чтобы они все это выслушали, так сказать, из первых уст.

Лицо Афанасьева дрогнуло, а улыбка медленно сползла.

— И что, передумал?

— Да я просто вспомнил, что у нас тут все видел Ленька. А в его беспристрастности сомневаться не приходится, ибо артефакт лгать не умеет, — я улыбнулся и вытащил меч из его раны. — Выходит, ты, Гриша, мне больше не нужен.

Афанасьев заскулил от боли и попытался зажать кровоточащую рану. Опершись на меч, я подался вперед.

— Назови хоть одну причину оставить тебе жизнь, Гриша, — сказал я. — И подумай хорошенько — сегодня у меня скверное настроение.

Глаза менталиста забегали. На стремительно бледневшем лице запали щеки, да и под глазами пролегли тени, а губы посинели — предатель терял кровь, и тут уже либо спасать, либо добивать.

Я прислушался к собственным ощущениям, ожидая почувствовать гнев, ярость, жажду мести... Но не ощущал ничего, кроме презрения и безразличия к этому человеку. Словно в тот момент, когда я выяснил о его предательстве, он перестал для меня существовать.

— Я полезен. Буду полезен. Я знаю много полезного, — наконец сказал Афанасьев. — Ты же у нас любитель повынюхивать, так? Я могу рассказать тебе не только об Ордене Аспиды. Есть другие... И, быть может, у меня даже получится ввести тебя в один из них. У меня есть связи, а у моей семьи — должники...

— Мелко, Гриша, — вздохнул я и поднялся. В тот Орден, что был мне нужен, у менталиста входа явно не было. — Где же твоя творческая жилка?

Позади нас кто-то вскрикнул, и я инстинктивно обернулся. Аня Грасс рухнула на колени перед Ронцовым и разразилась рыданиями. Малыш Рахманинов сперва тупо и непонимающе глядел на тело, а затем, осторожно обхватив подругу за плечи, попытался оторвать ее от тела.

— Ну-ну, Анют, тут уже не поможешь... — ласково гудел он, пытаясь вразумить байкершу.

Но Грасс была натурой страстной и никогда не жалела эмоций. Вот и сейчас боль и невыраженное сострадание изливались из нее вместе со слезами. Малыш и Ирэн что-то говорили ей, пытались утешить и уговорить, но Анна продолжала плакать.

А затем она резко остановилась, вытерла мокрые щеки рукавом грязного кителя и с ненавистью взглянула в нашу с Афанасьевым сторону. Медленно поднялась, вырвалась из хватки Малыша и быстрым шагом зашагала к нам.

Я перегородил ей дорогу.

— Это я виноват. Бей меня.

— Прочь, — зло прошипела она, пытаясь меня обойти. — Прочь, Миша. С предателями переговоров вести нельзя.

— Оставь его, Ань.

— Я сказала прочь!!! — рявкнула она так, что аж остатки снега посыпались с веток, дернула мою руку и перехватила меч.

Я был слишком слаб, чтобы ей помешать. Байкерша оттолкнула меня, я зацепился ногой за корягу и повалился на землю. И увидел лишь то, как на фоне неба и черных силуэтов деревьев сверкнул тусклым серебром клинок.

Послышался неприятный чавкающий звук, Афанасьев захрипел, и Грасс вытащила из раны меч.

— Зачем? — только и спросил я, приподнявшись на локте. — Тебя же теперь посадят в карцер вместе со мной.

— Плевать, — бросив меч, тихо ответила Грасс и посмотрела на меня. — Какая уже теперь разница, а?

Я не нашел что ответить. Поднялся, отряхнул безвозвратно испорченный китель и взглянул на своих друзей.

Всего один вечер, а теперь нас осталось... Пятеро. Всего пятеро, не считая Ядвиги, добровольно согласившейся стереть воспоминания. В комнате на четверых станет две пустые кровати. А может и три...

Теперь вся эта затея с кражей Головы потеряла всякий смысл. Леньку следовало вернуть Аудиториуму как можно скорее. А потом...

— Пойду сдаваться, — сказал я, направившись к пню, на котором за нами молча наблюдал Ленька. — Кто-нибудь останьтесь здесь и вызовите Мустафина. Коля, если не сложно...

— Нет смысла, — Грасс привстала на цыпочки, вглядываясь в темноту парка. — Огни, видите? Кажется, охрана.

Я прищурился и смог различить бегающие лучи фонарей и даже лай собак. Нас искали. Наверняка все измерительные артефакты в Лабораториуме посходили с ума после импульса, который я выдал.

Сперанский, ни разу не прокомментировавший мой поступок, молча зажег огромный шар “Жар-птицы” и пустил его вверх, словно маячок. Вскоре фонари замелькали гораздо ближе — нас заметили и шли напрямик к поляне.

Я собрался с мыслями, снял с трупа Афанасьева перчатки, натянул их и обхватил банку с Головой.

— Хана тебе, истребитель князей, — кисло улыбнулся Пантелеев.

Глава 29

Я повернул банку так, чтобы увидеть лицо Леньки.

— А говорил, что в этой истории поставишь на меня.

Пантелеев невесело усмехнулся.

— У тебя в этой истории было больше шансов выжить. В этом-то я не ошибся. А вот как с тобой, соколик, поступят дальше, предугадать сложно.

— Что, не видишь будущего? Мне говорили, ты у нас едва ли не пророк...

— Я не предсказываю будущего, я анализирую ситуации, исходя из заложенных в меня алгоритмов, — проворчал Пантелеев. — И выдаю наиболее вероятный прогноз. Но вероятности не всегда сходятся согласно расчетам. Твоего Ронцова я так-то в боевики прочил. А он вот, мертвый лежит...

Отчего-то мне подумалось, что Ленька был ко мне расположен. По крайней мере, он говорил со мной и даже силенка что-то растолковать. Хотя, быть может, он просто заскучал в хранилище Лабораториума.

— Тогда спрогнозируй, что меня ждет, — тихо попросил я.

Ленька булькнул раствором.

— Черт тебя знает, Соколов, — уныло протянул он. — Не знай я всей подоплеки, то сказал бы, что ждет тебя мучительная казнь за убийство сразу нескольких княжеских потомков. Да только есть два нюанса. Первый — ты защищался. Второй — ты слишком ценный для науки экземпляр, чтобы просто тебя убивать.

— Не уверен, что сейчас это меня выручит, — отозвался я.

— А ты не спеши с выводами, птенчик. Так что я бы сказал, что будет внутреннее расследование. И вряд ли громкое. А там... Тоже возможны варианты. Одно скажу тебе точно: даже если повезет выйти из этого переплета живым, все равно берегись. Стоит тебе выйти за пределы Аудиториума, как тут же нарвешься на разгневанных и одержимых жаждой мщения родственников этих мертвецов.

Ленька был прав. Едва Меншиковы, Забелло, Гагарины и прочие прознают о том, что я уколошил их отпрысков, как на меня объявят охоту. И цена за мою голову будет немалой... Найдется много желающих сделать то, в чем лишь наполовину преуспели “Княжичи”.

Я вздохну.

— Да, сперва надо дожить.

Ленька подмигнул мне красноватым глазом.

— Не вешай нос раньше срока, самородок. Если что ты и умеешь делать, Мишаня, так это наживать врагов. Однако и справляться с ними учишься потихоньку. И спасибо за прогулку. Давненько я не был свидетелем подобных разборок. Эх, аж молодостью повеяло...

Пантелеев принялся что-то бормотать о веселой юности и окончательно перешел на свою, одному ему понятную волну.

Фонари начали слепить нас, лай собак и короткие приказы разрывали уши. Я различил не меньше двух десятков силуэтов среди деревьев. Судя по одежде, внутренняя служба безопасности. По команде одного из них безопасники принялись окружать поляну.

Как назло снова повалил снег.

— Всем оставаться на местах! — громкий приказ едва перекрикнул лай овчарок. Кольцо окружения начало сжиматься, нас теснили друг к другу.

Грасс, снова подобравшая было меч, бросила его на землю и подняла руки, словно на нее было наставлено оружие.

— Мы свои! — зачем-то крикнул Сперанский. — У нас раненые!

Мохнатая собака подбежала ко мне, с интересом обнюхала ноги, но, увидев Голову, тут же залилась истошным лаем.

— Тихо, Вергилий! — один из охранников подбежал ко мне и, потрепав за ухом, взял овчарку на поводок. — Да, волшебный он, не кипятись ты так. Нашел, нашел Голову, молодец...

Ленька зашипел на животное, словно разъяренная кошка.

— Уйди! Прочь пошел, жопа шерстяная! Ненавижу!

Чего это он так на собак взбеленился? Но спрашивать времени не было. Нас окружали все стремительнее, и по лицам безопасников я понял, что ничего хорошего нас не ждало.

А еще я заметил, что на ошейнике пса красовался какой-то светящийся предмет, похожий на брелок. Только вот свечение было магическим — не обычная светодиодная лампочка, а какой-то артефакт.

Из окружения вышел тот самый мужчина, что отдавал приказы, и обратился к нам.

— Всем назваться, по одному. Имя, фамилия, курс.

Рядом со старшим безопасником возник мужчина в кителе нараспашку. Я узнал куратора курса Мустафина.

— Это мои, — сказал он и светанул фонариком по нашим лицам. — Да, все мои. Идиоты! Вы хоть понимаете, что вас по всему острову ищут?

А потом его фонарь скользнул на голую землю. Туда, где лежали тела.

— Это еще что за...

Проглотив ругательство, Мустафин посуровел. Его тут же схватил за локоть безопасник.

— Всем стоять и не шевелиться! — Крикнул он нам и обратился к куратору. — Не они. Перваки же... А там заряд был такой, что не всякий старшекурсник выдаст... А эти просто Голову выкрали. Нужно искать дальше.

Я подслушал их молчание и шагнул вперед. Один из охранников выставил вперед руку.

— Стоять на месте.

— Не надо вам дальше искать, — сказал я. — Это я сделал. Михаил Соколов, первый курс.

Голова в банке забурлила.

— Пантелеев Ленька, курса нет, приписан к Лабораториуму и нагло сворован. Но подтверждаю, этот молодчик взрыв устроил. Правда, без злого умысла...

Куратор и безопасник переглянулись. Мустафин тут же выпустил больше “Жар-птиц” и распределил их так, что на поляне стало светло как днем.

И пришел в ужас от увиденного.

— Что, черт возьми, здесь произошло?

— Боюсь, это долгая история, — ответил я. — На нас напали. Пришлось защищаться. Есть трупы.

— Я вижу, что есть трупы! — казалось, Мустафин был на грани истерики. — Кто?

— Наши однокурсники.

— Фамилии!

— Забелло, Гагарин, Меншиков, Исаев... Ронцов.

— И, судя по всему, Афанасьев, — добавил лекарь. — Николай Сперанский, первый курс.

Не опуская рук, байкерша вышла вперед.

— Анна Грасс, первый курс. На нас напали, когда мы возвращались из Лабораториума после кражи головы. Напали Забелло, Меншиков, Гагарин и Исаев. Нас они обезвредили запрещенными заклинаниями и хотели затем воздействовать на память. Им были нужны Ронцов и Соколов.

— Зачем?

— Чтобы убить.

— Голову мне не морочьте! — терял терпение безопасник. — Савва, уводим их. Допросим отдельно. И лекарей сюда надо. Небось, просто сцепились из-за Головы...

— Детки правду говорят, — подтвердил Пантелеев. — Готов предоставить подробный отчет по воздействиям. У меня в головушке все записано...

Старший безопасник продолжал взирать на нас с недоверием, да и охрана не сводила с нас глаз. Мустафин

— Как... Как, черт побери? Даже у меня в комнате все артефакты с ума посходили — импульс такой силы... — он приблизился ко мне вплотную и понизил голос до шепота. — Соколов, что... Что именно ты сделал?

При упоминании Ордена вся кровь отлила от лица куратора.

Я едва не выронил банку и удивленно вскинул брови.

— Говорить будем не здесь.

— Я не смог спасти Сережу, — прошептал я. — Он погиб по моей вине.

Ленька задержался в банке.

Кто-то из охранников забрал из моих рук банку, и Пантелеев молча подмигнул мне на прощание.

Ирэн умудрилась украдкой взять меня за руку, но ее тут же отвели дальше.

Что-то зашевелилось рядом с телами. Сначала мне показалось, что между ногами безопасников пробежала собака, но нет. Шевелилась земля. Точнее...

Тело Ронцова задергалось, забилося в конвульсиях. Из обгорелых легких выходил воздух и... пар. Пар дыхания!

Не знаю, откуда взялись силы, но я оттолкнул двух охранников в стороны и бросился к другу. Сперанский тоже удивленно обернулся и, заметив движение, метнулся к Ронцову.

Мы не реагировали.

— Хррррр.... Хррррр.... Ха-тьфу!

— Миш...

Ронцов менялся на глазах. Под обгорелыми и рваными лохмотьями, там, где раньше были обугленные рубцы и волдыри, проступала новая кожа. Никогда не видел такой быстрой регенерации. Как в кино...

— Я, видать, вырубился, да? — Как ни в чем не бывало спросил мертвец.

— Коля, — покосился я на лекаря. — Ты же говорил, он помер.

— Он и помер. Голову даю на отсечение. Вот те крест!

— Тогда что это за...

— Понятия не имею, Миш. Понятия не имею...

Ронцов с трудом поднялся, едва удержал равновесие и, пошатываясь, направился к нам.

— Ты меня спас, Миш. Спас от них. Теперь я тебе должен.

Он раскинул обраставшие плотью руки, словно и не чувствовал боли, и попытался меня обнять. Я

инстинктивно отшатнулся.

— Серег, я тебя не спас. Ты умер. И либо мы все сейчас коллективно галлюцинируем, либо...

— В лазарет его! — заорал Мустафин. — Живо! Носилки! Бегом!

Ронцов удивленно хлопал глазами.

— Да как же умер? Вот же я...

Твою мать! Что за чертовщина здесь творилась?

Я встретился взглядом со Сперанским, глянул на остальных однокурсников — все застыли в ужасе, приросли к земле, не смея оторвать глаз от Ронцова.

— Хрень какая-то, — наконец выговорил Малыш.

Грасс нервно проглотила слюну. Безопасник первым пришел в себя, резкими криками раздал команды своим людям и снова растащил нас по сторонам. К Ронцову тут же подбежали сотрудники, вытащили медицинский комплект и непонимающе пялились на зараставшие ожоги воскресшего первокурсника.

— Хорошая новость — у нас одним трупом меньше, — хрипло сказал Мустафин. — А сколько будет плохих, я не знаю. Соколов, идешь со мной. И без глупостей. Хотя сегодня я уже ничему не удивлюсь...

Где-то вдалеке смеялся Ленька Пантелеев.

— Эхехе-хе-хе, воистину воскресе! Эхехе-хе-хе!

Едва мы вошли в кабинет, Мустафин отпустил безопасников, запер дверь изнутри на ключ и направился к столу. Молча достал из нижнего ящика флягу и стакан, налил себе до краев и залпом опрокинул. А затем устался на меня.

— Учти, я все равно выясню, как все было, даже если придется раскроить тебе черепушку. Грасс сказала правду? На вас напали княжичи?

У меня дрожали руки. Стоило оказаться в кабинете куратора, как тело, до этого выдержавшее и похищение Головы, и битву с Меншиковым, и все, что было после, словно начало разваливаться.

Меня била крупная дрожь, постоянно бросало то в жар, то в холод, да и сосредоточиться почему-то было трудно. И я не мог это контролировать. Отходняк от стресса и последствия долгого пребывания на холоде не вовремя дали о себе знать.

— Да, все было так. Они хотели провести над нами какой-то ритуал. Даже меч притащили — ну, вы его видели.

— Которым почему-то оказался заколот Афанасьев, — ответил куратор.

Я не ответил. Сдавать Грасс не собирался. Хотят получить информацию, пусть вскрывают память. Хотя Ленька все равно выложит им, как происходило дело.

— Им нужны были только мы с Ронцовым, как представители...

— Грязной крови, — продолжил за меня куратор.

— Так вы знаете?

— Кое о чем догадываюсь. Но ничего не могу сделать.

Мустафин устало опустился на стул и жестом велел мне расположиться напротив. Куратор обхватил голову руками и обреченно вздохнул.

— Я уже три года охочусь за этой Темной Аспидой. Пытаюсь хоть что-то о них выяснить. Но каждый раз, стоит мне хоть немного приблизиться к этой загадке, как случается какая-то чертовщина.

— Мне казалось, Орден Аспиды — старейший в Аудиториуме, — возразил я. — Да и никто его не прячет. Многие хотят попасть в него, и конкурс открытый... Или это две разные Аспиды?

— Старая Аспида — красивая ширма. А в существовании Темной многие сомневаются... Михаил, это все слухи, домыслы, и никаких доказательств ни у кого нет. Я знаю лишь то, что когда в Аудиториуме начали поднимать голову революционные настроения, в противовес ей появилась Темная Аспида. Меня перевели сюда из Константинополя три года назад, и я еще не заслужил должного доверия. В тайны меня не посвящают...

— Но вы все же что-то разнюхали, — настаивал я.

— На уровне легенд. И судя по тому, что я наблюдаю, лучше в это не лезть. Жизнь дороже.

С этим было трудно не согласиться. Но раз уж я влез в это по самые помидоры, мне сворачивать с дорожки было поздно.

— Я знаю лишь то, что Темная Аспида существует и за пределами Аудиториума, — сказал куратор. — Знаю, что в этот Орден входят некоторые очень влиятельные аристократы. Но имена мне неизвестны. Они слишком

тщательно конспирируются. Даже сейчас в живых не осталось никого, кто мог бы рассказать о задании для Меншикова и остальных.

— Денисов, — подумав, сказал я. — Меншиков обмолвился, что Денисов отказался идти с ними. Значит, он в курсе. Но я не знаю, кто из них получил задание. Присмотрите за ним, ладно?

Мустафин поднял на меня глаза.

— Конечно. Никому ни слова о ритуале, ясно? Только ректору. Надеюсь, произошедшее заставит его обратить более пристальное внимание. Хотя веры в это немного...

— Почему?

Мустафин наградил меня многозначительным взглядом.

— Как думаешь, расцвели бы эти радикалы в Аудиториуме без высокого покровительства?

Я пожал плечами.

— Пожалуй, нет.

— Так что молчи, если дорога жизнь. Впрочем, я уже не знаю, Соколов, что с тобой делать. Оставить здесь — значит, подвергнуть риску... Выпинать тебя — так сразу же сожрут безутешные князья...

В дверь кабинета торопливо и настойчиво забарабанили.

— Не сейчас! Занят! — рявкнул Мустафин.

Но, к его негодованию, дверь все же распахнулась, и на пороге возник запыхавшийся сотрудник в мятом кителе с шевронами, изображение на которых мне было незнакомо. Два скрепленных ключа.

Мустафин открыл было рот, чтобы разразиться возмущенной тирадой, но вошедший тут же затараторил:

— Савва Ильич, нижайше прошу прощения. Его высокопревосходительство...

— Знаю, что ректору уже доложили. Тебя зачем прислали?

— Савва Ильич, дело в том, что Владимир Андреевич требует к себе задержанного Соколова на аудиенцию. Немедленно. Так и распорядился — прямо сейчас.

Мустафин взглянул на меня не то с сочувствием, не то с тоской, и тяжело вздохнул.

— Ну вот, разбудили лихо... — Но возражать он даже не подумал. — Теперь всем обеспечена бессонная ночь. Ладно, Михаил, поднимайся. Пойдем.

Служка замялся и принял виноватый вид.

— Эээ... Савва Ильич, простите великодушно, но у меня особое поручение относительно Соколова.

— Господи, да что еще? — раздраженно прошипел куратор.

— Его высокопревосходительство требует к себе только Соколова. Он желает повести допрос лично и без свидетелей. Конвой мне выделили. Мы сами сопроводим задержанного.

И тут Мустафин начал выходить из себя.

— Какого черта? — побагровев, рявкнул он. — Это не по уставу.

Молодой человек отточенным движением поправил китель и встретил яростный взгляд куратора ледяным спокойствием.

— Прошу вас, Савва Ильич, не задавайте вопросов и не препятствуйте внутреннему расследованию. В противном случае у его высокопревосходительства появится повод для личного разговора и с вами. Я бы не хотел докладывать Владимиру Андреевичу о вашем сопротивлении в столь неподходящий момент.

Мустафин замолчал, но вцепился в столешницу обеими руками так крепко, что побелели костяшки пальцев.

“Это плохо?” — ментально спросил у него я.

“Я не знаю”.

— Михаил Николаевич, — с подчеркнутой вежливостью обратился ко мне посланник ректора и даже протянул руку, — прошу за мной.

Глава 30

Я настороженно взглянул на протянутую руку посланника. Заметив мое замешательство, он улыбнулся — понимающе, почти ласково.

— Нет нужды бояться, ваше сиятельство, — сказал молодой помощник. — Вам не причинят вреда без веской необходимости.

— Что-то это меня не особо утешает, — вздохнул я, но поднялся с кресла.

Все равно выбор у меня сейчас был невелик, да и за дверью кабинета дожидался конвой, который, случись что, в два счета скрутит меня в бараний рог. Так что придется быть паинькой.

И все же беспокойство меня не отпускало, а я никак не мог понять, почему. С одной стороны, личный допрос у ректора — вполне логичное развитие событий. Все же имела место не рядовая драка, а попытка убийства, обернувшаяся смертью самих убийц. А уж с учетом перечня фамилий наших мертвецов, вполне справедливо, что ректор решил вмешаться лично.

Но все равно мне было стремно. Ибо я понятия не имел, чем этот визит мог закончиться для меня и моих сообщников. Во что же я их втянул, сам того не желая...

— Тем не менее, не стоит заставлять его высокопревосходительство ждать, — взяв себя в руки и уняв дрожь в пальцах, проговорил я. — Прошу, ведите.

Уже у дверей я обернулся и встретился взглядом с Мустафиным. Савва Ильич слегка кивнул мне, а в голове я услышал его голос:

“Будь осторожен”.

Ну куда уж без этого?

Едва двери кабинета куратора закрылись, мой сопровождающий кивнул ожидавшим нас людям в форме сотрудников внутренней безопасности и протянул мне руку для пожатия.

— Приношу извинения за то, что должным образом не представился. Станислав Янович Любомирский, войтош его высокопревосходительства.

— Михаил Николаевич Соколов, как вы уже знаете, — ответил я на пожатие. — Войтош? Боюсь, мне незнакома эта должность.

Любомирский слегка улыбнулся. Я заметил, что у него были разные глаза: один — золотистый, почти желтый, а второй — темно-карий. Интересная гетерохромия.

В остальном же он выглядел как многие из встреченных мной здесь выходцев из польских аристократических семей: неплохо сложен, с изящными чертами лица, русоволосый и идеально выбритый. Разве что держался отстраненно, даже при всем напускном дружелюбии.

— Войтошами здесь называют ассистентов или, если угодно, личных помощников представителей высоких чинов, — пояснил Любомирский. — Увы, высокопоставленным сотрудникам Аудиториума не справиться своими силами или силами одних лишь секретарей из простолюдинов. Для выполнения более ответственных задач существуем мы.

Договорив, он прикоснулся к шеврону с двумя скрещенными золотыми ключами.

— Ваш знак отличия? — Предположил я.

— Вы очень наблюдательны, ваше сиятельство.

Вот поди пойми, это он так издевался или просто был чрезмерно вежлив.

— Что ж, если на этом с формальностями покончено, я прошу вас поторопиться. Его высокопревосходительство ожидает нас.

Я кивнул. словно по команде, четверо безопасников с невозмутимыми лицами и весьма занятыми артефактами на поясах выстроились так, чтобы я не смог и шагу ступить без их дозволения. Интересно, обладали ли они Благодатью? В том, что Любомирский был наделен даром, я не сомневался — он и сам это подтвердил. А вот охрана — дело другое. Неужели они набрали в безопасники тоже одаренных?

В любом случае сейчас был не тот момент, чтобы это проверять.

Я ожидал, что наш небольшой отряд спустится по главной лестнице и двинется к выходу из корпуса, но, к моему удивлению, Любомирский повел нас в противоположную сторону — вглубь здания.

— Прошу прощения, — тихо позвал я сопровождающего. — Разве мы не направляемся в главный корпус?

— Не совсем, — коротко ответил войтош и деловито зашагал по коридору в самый конец. — Не отставайте, господа.

Мы попетляли по коридорам Домашнего корпуса, вышли к черной лестнице — почти точной копии той, на которой случилась наша первая серьезная стычка. Дверь была заперта, но Любомирский ловко проделал какие-то манипуляции с Благодатью, и замок ему поддался.

— Прошу. В самый низ.

Я шел молча, стараясь не сбиваться с ритма шагов безопасников — в ногу идти было проще. По моим прикидкам, мы должны были преодолеть четыре пролета, чтобы оказаться на первом этаже, но...

Лестница никак не заканчивалась. Мы прошли шесть пролетов, затем восемь... И оказались в глубочайшем подвале. Здесь было холодно как в склепе, и чувствовалось, что место это не пользовалось большим спросом.

Зато меня удивили стены: голые, из темно-серого камня, и кладка казалась очень старой.

А затем Любомирский пробежался пальцами по нескольким камням, что-то нажал, и я почувствовал низкий звук, словно двигали что-то тяжелое.

Стена начала медленно меняться. Прямоугольник размером с дверной проем выдвинулся вперед и отошел в сторону, обнажив темное пятно хода.

— Значит, рассказы о тайных ходах по всему острову — не байки? — шепнул я.

— Это закрытая информация, ваше сиятельство, — отозвался Любомирский. — Но радуйтесь, что смогли прикоснуться к этой тайне.

Войтош обернулся к нам, скользнул взглядом по лицам бойцов. Я заметил, что безопасники отчего-то здорово напряглись. Артефакты на их поясах, казалось, засияли ярче, да и сами мужики перепроверили оружие и взяли свои стволы на изготовку.

— Слушайте внимательно, — сказал войтош. — Особенно вы, ваше сиятельство. Эти правила обязательны к исполнению, иначе вы поставите под угрозу всю группу. Это ясно?

— Разумеется, — кивнул я, еще не понимая, с чего это все так переполошились. Даже с этого помощника ректора слетела маска вечной любезности.

— Держимся близко друг к другу. Идем строго гуськом. Не разговаривать вслух! Я повешу непроницаемый купол, но не рискуйте понапрасну и звуком не издавайте. Заметили движение — замрите. Вся связь — ментальная. Это ясно?

Безопасники привычно кивнули. Видать, для них это было не впервые.

— Да, — ответил я. — Но что...

Любомирский жестом велел мне замолчать.

“Сейчас не время для вопросов, ваше сиятельство. Пожалуйста, держитесь ближе к сотрудникам и не отходите дальше, чем на полтора метра. Вам нельзя покидать купол”.

Я молча кивнул. Что-то в поведении всех этих людей подсказывало, что следовало отнестись ко всему сказанному с предельной серьезностью.

Любомирский принялся вешать “Купол”, но этот отличался от всех, что я видел и даже сам пытался вешать. Он был не просто непроницаемым для звуков, но и укрывал нас внешне плотной темной пеленой. Мы оказались словно внутри большого темного облака, с той лишь разницей, что мы видели все происходящее вне “Купола”.

Интересная доработка заклинания. Надо бы взять на вооружение.

Значит, Любомирский очень хотел укрыть нас от тех, кто мог встретиться по дороге... Но что же там было?

— Идем, — скомандовал войтош, и мы по очереди вошли в темный проем. Любомирский шел последним, постоянно контролируя заклинание, и он же закрыл за нами каменную дверь.

Странно, что они не надели мне на голову мешок, если все было так круто и секретно. Хотя с них и вовсе стало бы стереть мне память или исказить воспоминания...

Впрочем, вскоре я понял, почему войтош решил не заморачиваться с мерами предосторожности относительно меня: подземный ход оказался настолько темным, сырым и запутанным, что я уже через десять шагов перестал ориентироваться в пространстве.

Дорогу освещал только небольшой огонек, который войтош пустил вперед. Причем огонек был фиолетовым. Этого хватало, чтобы сориентироваться, тем, кто уже знал путь. Мне же это не давало ничего...

Стены и пол были мокрыми, веяло сыростью, но вместе с тем иногда прорывались и потоки свежего воздуха. Пахло плесенью, землей и чем-то старым. Так себе местечко.

Сколько мы шли, я не знал. Казалось, целую вечность — мои и без того ослабевшие ноги заныли от усталости, а тело снова забила дрожь — я ведь так и не добыл пальто, а китель зимой не особо грел.

И пару раз мне показалось. Что я видел чьи-то белые глаза, что наблюдали за нами из боковых проходов. Просто глядели, не моргая... Жуткие, маленькие, без зрачков и радужной оболочки, но они светились в темноте...

“Что это за существа?” — спросил я у Любомирского ментально, не особенно надеясь на ответ.

“Хозяева этих катакомб”, — ответит войтош. — “И они не жалуют гостей”.

Понятнее не стало, а вот причин беспокоиться прибавилось. Я заметил, что сопровождавшие нас безопасники держали оружие наготове, постоянно крутили головами и заглядывали в каждый боковой проход. Но от группы не отрывались, и облако “Купола” надежно нас скрывало.

Наконец Любомирский свернул в боковой проход, и я увидел свет в самом его конце. Не желтое освещение электрической лампы, а уже хорошо знакомое мне голубовато-зеленоватое свечение магической природы. Этим

свечением была отмечена массивная темная дверь. Я заметил на ней борозды царапин, словно от когтей.

Поскорее бы убраться из этого жуткого места.

— Почти пришли, — объявил войтош и проделал какие-то манипуляции с дверью, замка на которой я не увидел.

Через пару секунд дверь сама по себе распахнулась. Любомирский быстро вошел первым и поманил нас за собой. Замыкающий пятился к входу, следя за коридором. И лишь когда дверь за нами закрылась, все мы одновременно и с облегчением выдохнули.

Войтош нашарил выключатель и зажег свет. Мы оказались в небольшом пустом помещении, похожем на предбанник.

— Где мы? — тихо спросил я.

— В резиденции его высокопревосходительства, — на ходу ответил Любомирский. Затем пересчитал всех по головам.

— Так, все пятеро на месте. Повезло.

Я удивленно вскинул брови.

— Неужели вы думали, что кто-нибудь потеряется? Или что кого-нибудь сожрут...

Бойцы молча переглянулись, помрачнели, но инстинктивно положили руки на оружие.

— По секрету скажу, что конвой здесь был не для моей защиты от вашего сиятельства, — только и ответил войтош. — В этих катакомбах водится кое-что поинтереснее недюжинно одаренных первокурсников. И пострашнее...

— Тогда почему мы пошли этим путем?

— Слишком много вопросов, ваше сиятельство, — отрезал Любомирский и распахнул следующую дверь.

Я ничего не знал о резиденции ректора, да и не особенно этим интересовался. Но, судя по всему, обиталище его было занимательным. Миновав ряд подвальных помещений, каждое из которых на этом уровне было укреплено так, словно хозяин жил в ожидании зомби-апокалипсиса, мы наконец-то выбрались к лестнице.

Преодолев несколько пролетов, мы вышли в обжитую часть дома. Здесь и Любомирский, и безопасники окончательно расслабились, и войтош даже принял свой привычный излишне любезный вид.

— Господа, благодарю за сопровождение и помощь, — обратился он к безопасникам, когда мы вышли в холл. — Вы свободны. Дальше мы с его высокопревосходительством займемся гостем сами.

Сотрудники мола поклонились и проследовали к выходу, а Любомирский обернулся ко мне.

— Прошу за мной, ваше сиятельство. Но прежде... Здесь есть уборная. Рекомендую вам взглянуть на себя в зеркало и хотя бы умыться.

Он показал на дверь под лестницей, и я наконец-то увидел себя в зеркало.

Мда... Роба вся в саже и пепле, пара кровоподтеков, волосы в какой-то пыли... А китель... Китель было жаль. Он мне нравился.

Кое-как умывшись и пригладив волосы, я вышел к ожидавшемуся меня войтошу.

— Готов.

— Уже гораздо лучше, ваше сиятельство, — улыбнулся поляк и направился к лестнице. — Прошу за мной.

Резиденция ректора очень напоминала лавку антиквара. Дом буквально дышал духом старины, а обстановка лишь усиливала эту атмосферу. Каждая деталь интерьера, каждый предмет мебели здесь были старинными. Стены плотно увешаны картинами в массивных рамах, где-то громко тикали большие напольные часы...

Но толком осмотреться я не успел — поднявшись, Любомирский провел меня через анфиладу комнат, а затем остановился перед закрытой дверью и тихо постучал.

— Входите! — раздался приятный голос старичка Фрейда.

— Здесь я вас оставляю, — обратился ко мне Любомирский. — Аудиенция приватная. Однако если что-нибудь понадобится, вы сможете найти меня в этом зале.

— Благодарю, Станислав Янович, — вежливо кивнул я и решительно распахнул дверь.

Первым делом меня окатило волной теплого воздуха с легким ароматом гари и чего-то хвойного. В комнате ректора жарко пылал камин, уютно потрескивая сухими дровами.

Сам Догоруков, облаченный в домашнюю пижаму, халат, восточные тапочки и колпак для сна, суетился возле придвинутой к камину кушетки.

Услышав мои шаги, он обернулся и расплылся в вежливой улыбке.

— А вот и Михаил Николаевич пожаловал, — сказал он и отошел от кушетки. — Значит, все в сборе. Приступим же, господа.

Ректор поправил пенсне и жестом пригласил меня сесть в кресло.
— О! Мишаня! — раздалось знакомое бульканье.
Банка с Ленкой Пантелеевым стояла на столике недалеко от кушетки и двух пустых кресел.
— Здравствуй, Леня. Давно не виделись, — вздохнул я.
— Бросай кости в кресло и расслабься, я уже все рассказал Дедуле!
Ректор покачал головой и шикнул на артефакт.
— Полагаю, вы ужасно вымотаны и продрогли, ваше сиятельство, — в голосе Фрейда сквозили интонации заботливого дедушки, что совсем сбilo меня с толку. Ну не вязалось такое поведение с тем, что я натворил! — Присаживайтесь, отведайте глинтвейна. Моя экономка — просто волшебница по части горячительных напитков, даром что рождена простолюдинкой...
Я медлил. Слишком уж все это было странно. Подозрительно, нелогично...
— Владимир Андреевич... Ваше высокопревосходительство... Разве это не...
Фрейд отмахнулся.
— Михаил Николаевич, разговор будет долгим. И, поверьте, горячительное вам еще пригодится, — он кивнул на кушетку. — Я осмотрел вашего друга Ронцова. И у меня есть кое-какие новости для вас обоих...

Глава 31

Не спрашивая разрешения, я метнулся к кушетке.
Сергеа казался спящим: почти заросшая новой кожей грудь мерно вздымалась, дыхание было глубоким. Парня помыли и переодели в подобие пижамы — судя по всему, из запасов самого ректора. Утопавший в складках гигантского пухового одеяла, Серега казался совсем крохотным.
— Как он? — оторвавшись от друга, я поднял глаза на Фрейда.
— В порядке. Понимаю, слышать это удивительно, но так и есть. Я лично отслеживаю его показатели. Видите ли, Михаил Николаевич, ваш друг... Впрочем, я все еще настаиваю на том, чтобы вы присели.
Едва я убедился в том, что Ронцов и правда выжил, что вот он, спящий и целый лежит себе да поживает на подушках, как силы вмиг меня оставили. Я покачнулся, колени подкосились, и я с трудом доковылял до кресла.
Фрейд тут же протянул мне высокий бокал с рубиновой ароматной жидкостью. Видимо, тот самый хваленый глинтвейн. Я выпил его залпом и даже не поморщился от ожога — напиток был горячим. Зато по груди прошла огненная дорожка, согревшая меня после долгой прогулки по катакомбам.
— Пожалуйста, ваше превосходительство, расскажите о Сергее, — взмолился я.
— Для этого... Ну, в том числе и для этого я вас сюда и пригласил, ваше сиятельство, — улыбнулся Фрейд и потянулся за трубкой.
— Он действительно тогда умер?
— Удивительно, но да. Я изучил архив воспоминаний господина Пантелеева, а также ознакомился с показаниями господина Сперанского. Сомнений быть не может — на какое-то время жизнь действительно покинула вашего друга. Смерть наступила вследствие несопоставимых с жизнью травм...
— Значит, я все же убил его, — мрачно отозвался я.
Ректор пожал плечами.
— Не столько вы, сколько ваша сила. Впрочем, судя по показателям артефактов слежения, я знаю мало людей, способных выстоять против столь разрушительного всплеска. Окажись на месте вашего друга кто-то иной, исход был бы тем же. Но о вас, Михаил Николаевич, поговорим позже. Речь о господине Ронцове.
— Да-да, конечно. Прошу, продолжайте, ваше высокопревосходительство.
— Итак, господин Ронцов очнулся и толком не помнил произошедшего. Явление интересное, но не удивительное. Что по-настоящему впечатляет, так это скорость его регенерации. У вашего друга она такова, что организм успевает восстановиться до окончательной смерти мозга.
— Так. Стоп, — мотнул головой я. — Выходит, Серега — бессмертный?
Ректор улыбнулся.
— Мне пока сложно дать этому явлению подходящее определение. Увы, у меня было немного времени, чтобы изучить архивы наблюдений наших предшественников, однако... Леня!
Голова забулькала в банке. Пантелеев закатил глаза, что-то пробормотал, поднял струйку пузырьков раствора,

и заговорил:

— Тысяча восемьсот тридцать шестой год, Петербург. Наталья Федоровна Боде, в девичестве Колычева. Несовместимый перелом шеи от падения с лошади, зафиксирована смерть. Очнулась в тот же вечер. Зафиксировано в архивах Аудиториума Магико...

— Довольно, дальше.

— Тысяча девятьсот шестой год, Париж. Виктор Лазаревич Поляков. Покончил жизнь самоубийством. Очнулся в морге во время опознания тела друзьями...

— Благодарю, Леня, достаточно, — оборвал Голову ректор и обернулся ко мне. — Как видите, явления редчайшее, однако оно уже было зафиксировано. Увы, у нас немного сведений и подробностей о произошедшем. Во время эпизода с госпожой Боде еще не велись подробные записи и исследования, а господин Поляков оказался слишком далеко. Из Парижа он так и не вернулся. Однако вам будет интересно, что оба скончались своей смертью в преклонном возрасте.

— И вы считаете, что случай Сергея — третий?

— Возможно, их могло быть и больше. Ведь жизнь человека может сложиться так, что способность и не проявится...

Я кивнул. Да. Живет себе какой-нибудь одаренный дворянин в поместье далеко от цивилизации. В дуэлях не участвует, шею не сворачивает, на рожон не лезет... Так и до естественной кончины может прожить, не узнав, на что способен.

— А есть ли понимание, почему у Сергея оказалась эта способность?

— Здесь сказать сложно, — признался Фрейд. — Однако моя гипотеза заключается в том, что это — своего рода мутация, связанная со смешением крови носителя Благодати и крови простолюдина. Если покопаться в генеалогических древах выше обозначенных Боде и Полякова, можно обнаружить, что в их родах имела место связь с простолюдинами, и данные люди рождены уже после оных. Увы, на данный момент мы еще не изучили влияние Благодати на гены в полной мере. Но мне думается, что причина может быть и в этом...

— Значит, случайное стечение обстоятельств?

Фрейд развел руки в стороны.

— Ох, Михаил Николаевич, наследование способностей — это вопрос, где слишком много случайностей. В родах артефакторов порой рождаются боевики. В родах потомственных боевиком может родиться прекрасный лекарь... Можно лишь предполагать и планировать, а Господь посмеется над нашими планами и все равно сделает все по-своему. Тем не менее могу заверить, что вашему другу скорее повезло.

— Выходит, он не неуязвим, раз может умереть от повреждений. Не бессмертен, раз ему отмерен свой век...

— Но он гарантированно этот век проживет, — добавил Долгоруков. — С учетом происходящего в его семье это можно считать даром небес.

А ведь и правда. У Воронцовых династический кризис, если не сказать грубее. А тут мужчина-наследник, с которым гарантированно ничего не случится до глубокой старости. Это ли не решение всех проблем? Значит, у нашего Ронцова появилось еще больше шансов получить первые две буквы к фамилии...

— Эхе-хе-хе! — рассмеялся Пантелеев. — Значит, все же я не ошибся! Говорил же, что еще боевиком станет. А тут такое поле для деятельности! Ты представь, Дедуль, что он на поле боя вытворять будет!

Ректор жестом велел артефакту уgomониться. Леня насупил и обиженно булькнул.

— Словом, для вашего друга открываются новые перспективы, — заключил Фрейд. — Я знаю, что вы очень близко к сердцу восприняли его гибель, поэтому посчитал важным сообщить вам первому о том, что все далеко не так плохо.

Я кивнул. Да, эти новости действительно успокаивали.

— И что будет с ним дальше? — спросил я.

— Господин Ронцов уже дал согласие на сотрудничество с Аудиториумом. Его дар уникален, изучение этой особенности может открыть новую эру в изучении мутаций и воздействия Благодати на человеческий организм. Разумеется, мы не станем заходить за рамки разумного и превращать будущего возможного наследника влиятельного рода в лабораторную крысу. Однако, и я хочу, чтобы вы также это учитывали, Аудиториум умеет благодарить за сотрудничество...

Я подался вперед.

— К чему вы ведете, Владимир Андреевич?

Фрейд улыбнулся.

— К тому, что вы, ваше сиятельство, явление не менее уникальное, чем господин Ронцов.

А вот и мякотка пошла!

Как же ловко он попытался взять меня в оборот. Сперва утешил, затем обрадовал, поделился информацией и всячески продемонстрировал расположение. А теперь начал обрабатывать.

Ох, Миха, держись...

— Я хочу сделать вам предложение, Михаил Николаевич, — невозмутимо продолжил ректор. — Однако сперва хочу напомнить вот о чем...

Он глянул на Леньку, и тот, вздохнув, принялся перечислять:

— Казимир Забелло, Матвей Исаев, Андрей Меншиков, Павел Гагарин, Григорий Афанасьев...

— Достаточно, благодарю, — Фрейд внимательно уставился на меня. — На вашей совести пять жизней.

Шесть, если считать господина Ронцова.

Я не стал поправлять его и говорить, что Афанасьева заколола Грасс. Не знаю, что наплел Ленька, но по факту я и сам был готов прибить предателя-менталиста. Да и одним больше, одним меньше... Какая разница? Я начинал понимать, к чему вел ректор.

— Сегодня я наколдовал на несколько смертных приговоров, — ответил я. — Отпираться глупо, ваше высокопревосходительство. Я готов понести наказание.

— Ой ли? — усмехнулся старик. — Сдается мне, вы из тех, кто скорее попытается избежать смерти там, где ее можно избежать.

— Только если для этого есть основания.

— Основания я как раз и намереваюсь вам предоставить, — Фрейд выпустил идеальное колечко дыма и взглянул на трубку. — Что вы скажете, если завтра выяснится, что напавшие на вас господа внезапно оказались жертвами нападения радикально настроенных революционеров? Или что, например, они поспорили относительно поступления в Орден и устроили дуэль? Вариантов обелить ваше имя достаточно. Причем есть способы сделать так, что истина никогда не выйдет на свет.

О, Аудиториум это умеет!

— Звучит заманчиво, — уклончиво ответил я.

— Ваши друзья смогут спокойно продолжить обучение. Даже несдержанная госпожа Грасс. Господин Ронцов получит новую жизнь — во всех смыслах. Ваша поклонница Штофф перестанет считать вас чудовищем. А вы обретете славу человека, сумевшего вынести Голову из Лабораториума, — ректор снова улыбнулся. — Ведь как вы могли убить Меншикова и остальных, если в этот момент прятали артефакт?

— Звучит слишком хорошо, чтобы такой подарок достался мне бесплатно, — наконец отозвался я. — Что вы потребуете от меня взамен?

— Безграничную лояльность Аудиториуму, разумеется. И здравый смысл.

— Соизвольте пояснить.

— Хорошо, Михаил. Отброшу условности, — Фрейд отложил погасшую трубку и взглянул мне прямо в глаза. — Сегодня вы выдали поток силы первого ранга. Превзошли потенциал, что был обозначен при поступлении. Причем били чистой родовой силой, справиться с которой не смог даже хорошо обученный Гагарин — вы просто не оставили ему шанса. И, что хуже всего, вы, Михаил Николаевич, явно это не контролировали. Разве нет?

— Не контролировал, — признался я. — Не рассчитывал, что получится... так.

— А теперь поставьте себя на мое место. А моем заведении появляется первокурсник с первым рангом плохо изученной родовой силы, который начинает выкашивать налево и направо княжеских отпрысков. Даже при условии, что они заслужили наказания, смерть — это перебарщивание. И этот студент не может контролировать эти порывы. И что я должен делать с таким учеником?

— Либо обучить, либо убить, — честно ответил я. — Потому что я — угроза.

— Счастлив, что вы это осознали, — сухо ответил Фрейд. — Разумеется, избавляться от вас я не хочу. Ни как исследователь, ни как человек. Все имеют право на ошибки, а вам с этой кровью на руках и так теперь жить до конца своих дней. Так что моралей вам читать я не стану. Я ученый, а не священник.

И на том спасибо.

— А второй вариант? — спросил я. — Про обучение? Есть ли шанс взять силу под контроль?

— Именно для этого я и потребую от вас преданности нашим идеям и нашему заведению. Когда вопрос касается работы с силой первого ранга, знаний, что мы даем обычным студентам, недостаточно. А некоторым знаниям лучше оставаться в тайне...

— Выходит, выбора у меня и нет...

— Увы, принудительно понизить ранг родовой силы мы не можем. Если ваш потенциал уже раскрылся, значит, существует вероятность, что вы можете снова выдать импульс похожей мощности. А у меня здесь дети, студенты, ученые люди... Я не стану рисковать их жизнями и безопасностью.

Я смотрел в окно. Все внутри меня кричало бежать отсюда, выбираться, выпрыгнуть прямо со второго этажа и нестись хоть босиком по воде.

Но в одном Долгоруков был прав: я не мог контролировать эти импульсы. Да, такую мощь я выдал только при угрозе жизни, но кто знает, когда Род вскинется вновь и кого сочтет опасным? Одно неверное движение, яростно брошенное слово — и я снова убью.

Ректор взял со стола небольшую серебряную шкатулку и протянул мне. Я осторожно поднял украшенную филигранью крышку и увидел пустую пробирку.

— Если вы согласитесь, мне понадобится ваша кровь, чтобы связать клятву, — пояснил ректор. — Привязка по крови позволит нам контролировать ваше местонахождение, улучшит накладываемые на вас воздействия... Вы же понимаете, что о некоторых открывшихся вам секретах вас принудительно заставят молчать? Это слишком опасно, чтобы делать их достоянием общественности. У всего есть цена.

— И что будет после этого?

— Вы почти ничего не почувствуете. Воздействие во многом схоже с клятвой верности, которую приносят люди, обремененные долгом жизни. Но с некоторыми нюансами и доработками.

— Допустим, — кивнул я. — Но что будет, если я не оправдаю доверия?

Фрейд вздохнул.

— Лучше не проверять, поверьте мне, — он откинулся на спинку кресла и внимательно на меня уставился. — Так что же, Михаил Николаевич, вы готовы заплатить эту цену за могущество?

Конец 3 книги